

[Polaris]

ПОД

ПЛЯЩОМ САТЯНЫ

Salamandra P.V.V.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CLXXVIII

Salamandra P.V.V.

ПОД ПЛАЩОМ САТАНЫ

Факсимильное издание

Salamandra P.V.V.

Под плащом Сатаны: Современный роман. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2016. – 65 с. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CLXXVIII).

В центре анонимного романа «Под плащом Сатаны» (1926) – аристократ-авантюрист и сыщик-любитель князь Сергей Ренин, расследующий убийства, похищения и другие загадочные происшествия в разных углах Европы. Роман продолжает в серии «Polaris» ряд публикаций фантастических и приключенческих произведений писателей русской эмиграции.

ПОД
ПЛАЩОМ
САТАНЫ

Старый Нарвский Листокъ

Редакція и главная контора:
NARVA, Suur tän., (Вышгородская ул.) № 7.
Отделение конторы и экспедиція: Suur tän., 1.

Телефонъ 65.

Редакторъ принимаетъ отъ 1 — 2.
Главная контора открыта отъ 9—5.
Напечатанные рукописи не возвращаются.

Основанъ И. К. Грюталь въ 1898 г.

Выходить по вторникамъ,
четвергамъ и субботамъ.

Подписанная плата:

съ доставкой на 1 мѣс. 75 к., безъ доставки на 1 мѣс. 65 к.

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНИЯ:

1 к/н. въ 1 ст. на 4-я стр. 3 к.
1 к/н въ 1 ст. на 1-я стр 8 к.
1 к/н. въ 1 ст. въ текстъ 6 к.

№ 3 (47)

Старый Нарвский Листокъ

1926 г.

Со слѣдующаго номера

(въ четвергъ, 14-го сего января) начинается печатаніемъ въ нашей газетѣ

новый сенсаціонный романъ съ крайне увлекательнымъ сюжетомъ —

ПОДЪ ПЛАЩЕМЪ САТАНЫ

Читателямъ большая бесплатная премія — **10.000 марокъ** наличными деньгами.

За **10.000** марокъ
Вы сами себѣ хозяинъ.

Издательство газеты „Старый Нарвский Листокъ“ назначило г. г. подписчикамъ и всѣмъ читателямъ нового сенсаціонного романа

„ПОДЪ ПЛАЩЕМЪ САТАНЫ“

большую бесплатную премію въ

10.000 марокъ наличными деньгами

или, по желанію, новую

швейную машину „ЗИНГЕРЪ“

которая будетъ разыграна въ 1-ой половинѣ 1926 г.

Всѣ подписавшіеся на пѣмый годъ, получаютъ 3 билета на право участія въ розыгрышѣ, подписавшіеся на 1/2 года — 2 билета.

Остальные читатели, по предъявленію отрывныхъ купоновъ, прилагаемыхъ къ каждому номеру газеты, получаютъ по одному билету.

Подъ плащомъ сатаны

Современный роман.

1.

Украденная графиня.

— Что графиня уже вернулась?
— Никакъ нѣть, ваше сіятельство.

Дворецкій ступилъ шагъ впередъ и подалъ графу на серебряномъ подносы конвертъ, оставаясь стоять въ нерѣшительности.

— Нуженъ отвѣтъ?
— Нѣть, ваше сіятельство.

Дворецкій махнула на мѣсто.

— Долженъ доложить вашему сіятельству, что... что случилось нѣчто необычайное. Карета вернулась безъ графини, причемъ лакеи утверждаютъ, что они были въ полной увѣренности о нахожденіи графини въ ней.

— Что это означаетъ?
— Я и самъ не понимаю; не соизволить-ли графъ приказать позвать кучера.

— Пришлите его ко мнѣ наверхъ.

Когда дворецкій ушелъ и графъ остался одинъ, онъ выразилъ признаки извѣстнаго беспокойства и даже легкаго недовольства. «Я же сказала ей, что сегодня у настъ обѣдаетъ князь и другіе гости.»

Причелъ дворецкій и привель съ собой не только кучера, но и лакея. Оба они были въ удрученномъ состояніи. Графъ испытывалъ посмотрѣть на нихъ. Голосъ его звучалъ дразнюще.

— Въ чёмъ дѣло?

Кучерь глубоко втянула въ себѣ воздухъ.

— Извините, ваше сіятельство, мы ждали графиню у моднаго магазина Бонелли. Ея сіятельство вышла, сѣла въ карету, Гарри закрылъ дверцу и ея сіятельство приказала: «Домой» и когда мы прѣѣхали, ея сіятельства въ ней не оказалось.

— Гдѣ не оказалось?

— Въ каретѣ, ваше сіятельство.

— Что это должно означать? Ея

сіятельство вѣдь сѣла въ карету и вы закрыли дверцу, не такъ-ли?

— Такъ точно. Ея сіятельство вышла изъ магазина. Она казалась очень спѣшащей. Сѣла въ карету и приказала: «Домой, Гарри!» Я закрылъ дверцу и Джонъ побѣхъ прямо домой. По дорогѣ мы никогда не останавливались и не замѣтили ничего необыкновенного. Но когда прибыли домой, карета оказалась пуста.

Графъ былъ удивленъ.

— Вы хотите сказать, что графиня покинула карету, когда вы мчались по улицамъ, не сказавъ вамъ ни слова и такъ что вы ничего не замѣтили?

— Карета была пуста, когда мы прибыли домой, ваше сіятельство.

— Вы, ребята, подстроили ловкую штуку. Здѣсь что-то кроется. Вы не взяли графиню съ собой и хотите теперь уѣхать меня въ обратномъ, чтобы доказать свою невиновность.

Джонъ поднялъ руку.

— Могу поклясться наль Библей, что ея сіятельство сѣла въ карету у дверей магазина Бонелли.

Гарри въ свою очередь подтвердилъ:

— И я могу поклясться въ этомъ,

Она сѣла въ карету, я закрылъ дверцу, и ея сіятельство приказала: «Домой, Гарри».

— Какая карета была у васъ?

— Закрытая карета ея сіятельства.

Дворецкій добавилъ:

— Ввиду того, что ея сіятельство чувствовала себя не совсѣмъ здоровой, а погода была вѣтреная, то было приказано взять закрытую карету.

Графъ вспылилъ

— Какое же это имѣть отношеніе къ дѣлу? Или вы хотите этимъ сказать, что графинѣ легче было выпрыгнуть на ходу изъ той кареты, чѣмъ изъ какой либо другой.

Внезапно взглѣдъ графа упалъ на письмо, поданное дворецкимъ. На немъ стояла адресъ: «Его сіятельству графу Доре. Лично! Очень спѣшишо!»

Графъ разорвалъ конвертъ, изъ которого выпало на столъ нѣчто похожее на локонъ женскихъ волосъ. Письмо было слѣдующаго содержанія:

«Ваше сіятельство будуть настоль любезны и принесутъ въ теченіе одного часа, считая съ момента получения сего,

пятьсотъ фунтовъ (500. —.—) къ Аркадамъ въ концѣ Пикадилли. Графиня похищена. Лже-графиня сѣла въ карету, которая ожидала у Бонелли, и на ходу выпрыгнула съ нея. Въ случаѣ ваше сіятельство не на-мѣренъ исполнить вышеприведенной просьбы — у графини будетъ отрѣзанъ мизинецъ лѣвой руки и присланъ домой,

Бесплатная премія.

Издательство газеты
«Старый Нарвскій Листокъ»
назначило большую бесплатную премію всѣмъ читателямъ помѣщаемаго съ 14-го января въ нашей газетѣ нового сенсаціоннаго романа

„Подъ плащомъ сатаны“.

чтобы принять князя во время обѣда. Другія части ея сіятельства послѣдуютъ. При семъ локонъ графини для подтверждения серьезности нашихъ на-мѣреній.

Итакъ, ваше сіятельство про-
сто явиться съ пятью ста-
ми фунтами золотомъ въ пять
часовъ 30 минутъ въ вышеука-
занное мѣсто. Гамъ подойдетъ
къ Вамъ господинъ въ цилиндрѣ
и съ розой въ петлицѣ. Вы
имѣете возможность арестовать
его или послать вслѣдъ за нимъ
полицію. Въ такомъ случаѣ у
графини будетъ отрѣзана лѣ-
вая рука по плечо и достав-
лена къ обѣду домой — не го-
воря уже о другихъ мѣрахъ.
Если вамъ угодно вручить ука-
занному господину 500 фунтовъ,
тогда графиня будетъ сама до-
ма принимать князя и можетъ
рассказать своимъ высокопо-
ставленнымъ гостямъ столь ин-
тересную исторію, каковой тѣ
еще не слышали».

Графъ привыкъ въ совершенствѣ владѣть собой, но это посланіе было даже для него слишкомъ. Онъ пе-
речель письмо еще разъ, руки его опустились и проклятие вырвалось изъ устъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Подъ плащомъ сатаны

Современный роман.

(Продолжение, гл. № 4.)

Графъ взялъ локонъ, который выпалъ изъ конверта. Неужели это на самомъ дѣлѣ волосы его супруги? Неужели, въ дѣйствительности, возможно, что среди бѣла дня, въ центрѣ мировой столицы, похищаются графини Дорз и потому частями возвращаются ей домой? Онъ повернулся въ сторону Джона и Гарри, готовый разорвать ихъ на куски.

— Вы негодяи!

Онъ сдѣлалъ движеніе, будто ему пришла мысль убить ихъ на мѣстѣ. Если это было такъ, его желаніе осталось не исполненнымъ. Онъ протянулъ лишь руку, словно призывая ихъ къ клятвѣ.

— Можете-ли вы поклясться, что та дама, которая сѣла у Бонелли въ карету, была графиня?

Джонъ отвѣтилъ, запинаясь:

— Я... я... могу поклясться, ваше сіятельство, что я... я... думалъ...

Графъ вскричалъ:

— Я не спрашиваю, что вы думали. Я спрашиваю: можете-ли поклясться, что эта была она?

Гнѣвъ графа ошеломилъ Джона. Онъ молчалъ. Гарри выказалъ болѣе смѣлости.

— Тамъ я могъ бы поклясться въ этомъ, ваше сіятельство. Но теперь эта история кажется скверной.

— Скверной исторіей? Та-акъ. Такъ знайте, что мнѣ здѣсь пишутъ, что дама, которая сѣла въ карету, совсѣмъ не была графиней. Заприте этихъ молодчиковъ въ одну комнату — обратился онъ къ дворецкому, — и поставьте кого-нибудь стеречь, чтобы они не смогли бы удрать и немедленно вернитесь назадъ.

Когда дворецкій вернулся, графъ протянулъ ему полученное письмо.

— Прочтите и скажите ваше мнѣніе.

Прочитавъ, дворецкій произнесъ:

— Склоненъ думать, ваше сіятельство, что тутъ кроется обманъ.

— Обманъ? Не знаю, что вы называете обманомъ, но это здѣсь — ни въ коемъ случаѣ не обманъ.

Онъ показалъ приложенный къ письму локонъ.

— Сравнилъ съ волосами въ монѣ медальонъ: это волосы графини.

Дворецкій внимательно осмотрѣлъ локонъ и добавилъ:

— Онь похожъ на волосы ея сіятельства.

— Похожъ? Это ея волосы.

Дворецкій, въ раздумья, предложилъ:

— Прикажете послать за полиціей?

— И это все, что вы можете мнѣ предложить?

— Можетъ быть, въ такомъ случаѣ, ваше сіятельство, намѣренъ вручить имъ пятьсотъ фунтовъ.

Раньше, чѣмъ графъ успѣлъ отвѣтить, вошелъ слуга съ новымъ письмомъ. Крикъ изумленія вырвался у графа, когда онъ взглянулъ на него: какъ конвертъ, такъ и почеркъ были тѣ-же, что и у первого письма.

— Еще одинъ обманъ! — вскричалъ въ гнѣвѣ графъ, вскрывая конвертъ, въ которомъ находились листочки бумаги и другой конвертъ. На листѣ стояло:

„Ея сіятельство такъ трогательно просить дать ей возможность написать Вамъ, что нѣть силь ей отказать въ этомъ. При семъ письмо ея сіятельства, орошенное ея слезами“.

Вложенный меньшій конвертъ былъ надписанъ красивымъ, хорошо знакомымъ графу, почеркомъ.

— Почеркъ Иветты, — произнесъ графъ, вскрывая дрожащими пальцами конвертъ.

„Дорогой Жоржъ! Ради Бога исполни требованіе этихъ людей! Я не знаю, что случилось и гдѣ я нахожусь, но я не далека отъ сумашествія.

Они уже срѣвали локонъ моихъ

волосъ и грозятъ также отѣзть мой мизинецъ, если ты къ половинѣ шестого не доставишь пятьсотъ фунтовъ. Я лучше умру, чѣмъ позволю отѣзть себѣ палецъ и — Богъ знаетъ еще что. Псылаю тебѣ при этомъ мой талисманъ, котораго еще никогда не снимала со своей груди и заклинаю тебя помочь мнѣ. Жоржъ, спаси меня!

Иветта.

Прочитавъ письмо, графъ сдѣлался блѣднѣе бумаги, которую держалъ въ руки. Онъ вынулъ изъ конверта какую то вещичку и показалъ ее дворецкому.

— Если письмо не отъ графини, то какими образомъ попало это сюда? Это — монетка, которую я подарила графинѣ при помолвкѣ. Видите, въ ней дырочка; это сдѣлано мною. Ну, что скажете теперь?

Дворецкій молчалъ; наконецъ онъ спросилъ:

— Что ваше сіятельство думаетъ предпринять?

— Я думаю съ вашего разрѣшения, сдѣлать графиню изъ руки моего уважаемаго корреспондента. Я думаю, онять таки съ вашимъ разрѣшениемъ, исполнить покорѣйшую просьбу этого мерзавца и отнести пятьсотъ фунтовъ золотомъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Подъ плащомъ сатаны

Современный роман.

(Продолженіе, гл. № 4—5.)

Графъ сдѣлалъ паузу и потому продолжалъ шопотомъ, отъ кого-то мурашки прошли по спинѣ дворецкаго:

— Ну и покажу-же я имъ по-тому.

2.

Бѣ глаzu на глаzu.

Выѣдя изъ банка, графъ Дорз на секунду остановился. Въ руки онъ держалъ портфель съ пятью стами фунтами. Къ нему подошелъ случайно проходившій мимо племянникъ Никсъ. Когда послѣдній спросилъ графа о причинѣ его удрученного состоянія и узналъ въ чѣмъ дѣло, то пронанесъ:

— Не слышалъ, чтобы подобныя вещи случались-бы часто. Говорятъ же, что у того или другого украли пудель, но графиню... Дорогой дядя, не лучше-ли вернуться тебѣ домой?

Скора кончилась тѣмъ, что Никсъ пошелъ вѣтъ съ графомъ. Дойдя до Аркадъ въ концѣ Пикадилли, они остановились.

— Надѣюсь, что не заставилъ ждать себя, — раздался голосъ за спиной. Говорившій, очевидно,

по наружности онъ походилъ на джентльмена. Костюмъ и манеры были безупречны даже въ глазахъ такихъ требовательныхъ господъ, какъ графъ съ племянникомъ. Шикъ лондонскаго двадцати довершалъ блестящій цилиндръ и роза въ петлицѣ. По годамъ незнакомецъ врядъ ли вышелъ изъ юношества, съ красивымъ лицомъ и голубыми глазами. Улыбка его была иѣжна, даже несчастна. Впечатлѣніе онъ произвѣдилъ изыскано-симпатичное.

— Кто вы такой? — спросилъ графъ.

— А — это и есть вопросъ! Я человѣкъ, оказавшійся въ столь скверномъ положеніи, что мнѣ безусловно необходимы пятьсотъ фунтовъ.

— Это вы и есть тотъ негодяй, который прислалъ мнѣ угрожающія письма?

Любезный незнакомецъ не моргнулъ даже глазомъ.

— Я тотъ негодяй, который долженъ быть, согласно письму, встрѣтиться съ вами у Аркадъ; доказательствомъ этого — мой цилиндръ и роза.

— Гдѣ моя супруга?

— Ея сіятельство будетъ ко времени вашего прихода дома, если вы

передадите мнѣ деньги, которыхъ, очевидно, у васъ тамъ въ портфѣль.

— Но если я, вмѣсто того, сквачу васъ за горло и задушу?

— Или отдашь его подъ олеску ближайшаго полисмена, — добавилъ отъ себя Никсъ.

Незнакомецъ улыбнулся и замѣтилъ:

— Какъ въ письмѣ уже было указано, ваше сіятельство имѣть возможность приказать арестовать меня. И почему-бы, въ самомъ дѣлѣ, этого не сдѣлать? Только, — онъ скакалъ это съ дѣтской улыбкой, — если къ извѣстному сроку, въ извѣстное мѣсто, не поступить извѣстного увѣдомленія, то бѣлая ручка графини Дорз будетъ отрублена.

— Собака!

Незнакомецъ слегка покъжалъ плечами:

— Не теряемъ мы напрасно времени? Могу завѣрить ваше сіятельство, что въ данномъ случаѣ каждая минута дорога.

— Послушайтесь моего убѣдительнаго совета, дядя: крики полисмена, который тамъ идѣтъ, и передай этого господинчика на его попеченіе.

— Дорогой графъ, поступайте же по этому умному совету — и почему-бы нѣть? Было бы, вѣдь, интересно увидѣть — потерять графини руку или нѣть. Пускаютъ же подобные вымогатели въ ходъ такие приемы и пустыя угрозы. И вѣдь доставило-бы удовольствіе видѣть меня сидящимъ въ тюрьмѣ,

что вполнѣ возмѣстило-бы потерю руки графиней. А вѣдь и полисменъ; я скрикну его. Эй, полисменъ!

Этотъ безупречный, вѣжливый молодой человѣкъ казался усмѣхавшимся мѣфистофелемъ. Улыбка его пугала графа сильнѣе самыхъ страшныхъ угрозъ.

Подошедшій къ нимъ полисменъ обратился къ позвавшему:

— Вамъ угодно, сударь?

— Мнеъ ничего не угодно. Думаю, что вы нужны графу, — скажу онъ, указывая въ сторону подѣдняго.

Графъ побѣднѣлъ. Всѣ молчали. Никсъ хотѣлъ открыть ротъ, но графъ скватилъ его за руки и произнесъ:

— Нѣть, полисменъ, вы мнѣ не нужны. Этотъ... этотъ... господинъ опибается.

Читайте романъ

Подъ плащомъ сатаны

Когда полисменъ удалился, графъ сказалъ:

— И если я дамъ вамъ эти пятьсотъ фунтовъ...

— То графиня будетъ въ теченіе часа дома.

Графъ протянулъ незнакомцу портфель.

— Тысяча благодарностей, милый графъ, и даю вамъ свое честное слово, что вы въ самомъ скоромъ времени увидитесь со своей супругой. (Продолженіе слѣдуетъ.)

Под плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолжение, см. № 4—6.)

Когда графъ съ Никсомъ вернулся домой, его первымъ вопросомъ было:

— Что графиня вернулась?

Слуга отвѣтилъ отрицательно. Графъ побѣдѣлъ. Они стали подыматься по лѣстницѣ и когда дошли до послѣдней ступени, снизу вдругъ раздалось:

— Жоржъ!

— Иветта!

Графъ бросился внизъ, перепрыгивая черезъ три ступени. Черезъ минуту они были другъ у друга въ объятияхъ. Посыпался градъ вопросовъ.

— Жоржъ, — вскричала графиня, — ты еще живъ? Ты сильно пострадалъ? Что это фургонъ былъ или же телѣгъ?

— О чёмъ ты говоришь, моя дорогая?

Графиня протянула ему визитную карточку графа, на которой стояло:

— Иветта, приди вмѣстѣ съ по-дателемъ сего. Они говорятъ, что меня нельзя везти домой».

— Я пошла вмѣстѣ съ доставившимъ визитку, который объяснилъ, что когда ты вышелъ съ биржи, тебя перѣхало телѣгой, по всей вѣроятности мебельнымъ фургономъ. Онь повѣль меня въ по-датное управление, находящееся вблизи биржи, куда, по его словамъ, ты былъ, якобы, доставляемъ и самъ неизвѣстно куда исчезъ. Домъ былъ страшно большой, полонъ отдѣлений и комнатъ по которымъ я тебя все время искала. Но виду того, что о тебѣ никто ничего не зналъ, я, въ концѣ концовъ, вернулась домой.

— Значитъ ты не была похищена?

— Похищена?

— Слово, которое я произнесла,

было: „по-хи-ще-на”. Я могу его

написать на бумагѣ, если желаешь. Я могу доставить словарь, гдѣ ты можешь его прочесть. А теперь скажи, откуда ты прислала это письмо.

— Но, вѣдь, это же совсѣмъ не моя почеркъ!

— А это локонъ?

— Ничего похожаго на мои во-лосы!

Хотя послѣднѣе было невѣрнымъ: цѣѣть ихъ было точно скожь съ цѣѣтомъ волосъ графини.

— Ну, а эта монетка — талисманъ?

Графиня провела рукой вокругъ шеи и вытащила свой талисманъ, который оказался въ неприкосновенности.

— Слушай, тетя Иветта, въ этой пустотѣ, — началь Никсъ, — которая царитъ въ головѣ твоего мужа, начиняется зарождаться подозрѣніе, что онь совершенно напрасно, совершилъ не знакомому человѣку въ цилиндрѣ вручить пятьсотъ блестящихъ золотыхъ и... что ты смѣешься, дядя? Иди за твоимъ гробомъ, я еще разъ ульбнусь. Да, безконечна глупость человѣка, въ особенности влюбленнаго въ свою жену и... что ты смѣешься, тетя!

— Жоржъ, — вскричала графиня, обращаясь къ мужу, — пред-ставь себѣ, какъ теперь этотъ че-ловѣкъ смѣется надъ тобой!

И графъ представлялъ...

На вершинѣ башни.

Гортензія Даніель пріоткрыла окно и прошептала:

— Вы здѣсь, Росининъ?

— Я здѣсь, — раздался голосъ въ кустахъ, прилегающихъ къ замку. Она немножко наклонилась и увидѣла довольно полнаго человѣка, который поднялъ по направлению къ ней свое широкое красноватое лицо, обрамленное русой бородой.

— Ну? — проговорилъ онъ.

— Вчера у меня промышло цѣлое сраженіе съ дядей и съ теткой, они окончательно отказываются подписать соглашеніе, посланное имъ моимъ нотаріусомъ, и отдать мнѣ приданое, растраченное монимъ мужемъ передъ его заключеніемъ.

— Вашъ дядя, однако, который настаивалъ на этомъ бракѣ, согласно брачному контракту, долженъ нести отвѣтственность.

— Что же изъ этого. Я же вамъ говорю, что онъ отказывается.

— Что же дѣлать?

— Вы все же намѣрены меня похитить? — спросила она смѣясь.

— Безповоротно. Вы же знаете, что вы до сумасшествія вскружили мнѣ голову.

— Къ несчастію же, я вами ни-чуть не увлечена.

— Я не требую, чтобы вы съ ума скодили по мнѣ, я хочу, чтобы вы только немнога меня любили.

— Немнога? Вы очень требова-тельны.

— Въ такомъ случаѣ почему вы меня избрали?

— Случай. Я скучала... моя жизнь протекала слишкомъ однообразно... Я рѣшила рискнуть... Ловите! Вотъ мой багажъ.

Она опустила большие кожаные мѣшки, которые Росининъ принялъ отъ нея.

— Жребій брошенъ, — прошептала она. Ожидайте меня съ вашей машиной въ предмѣстіи д'Ифъ, а я пойду верхомъ.

— Чортъ возьми! Я же не могу забрать вашу лошадь въ автомо-биль.

— Она вернется сама.

— Ладно. Кстати...

— Въ чёмъ дѣло?

— Кто этотъ князь Ренинъ, ко-торый живеть здѣсь три дня и ко-тораго никто не знаетъ?

— Не знаю. Мой дядя встрѣтилъ его у своихъ друзей на охотѣ и пригласилъ.

— Вы ему правитесь. Вчера вы

совершили съ нимъ большую про-гулку. Онь мнѣ не по душѣ.

— Черезъ два часа я покину замокъ въ вашемъ обществѣ. Этотъ скандалъ, надо полагать, охладить пыль Сергѣя Ренина. Довольно раз-говоровъ. Нечего терять времени.

Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ она наблюдала за толстякомъ, кото-рый съ мѣшками удалился въ пу-стынную аллею, а затѣмъ закрыла окно.

На дворѣ охотничы рога труби-ли сборь. Собаки свирѣпо лаяли. Въ это утро открывалась охота. Каждый годъ въ началѣ сентября Ла Марэзъ, графъ д'Эглерошъ, боль-шой любитель охоты, собираль для этой забавы нѣсколькихъ друзей своихъ и сосѣднихъ помѣщиковъ.

Гортензія медленно кончила свой туалетъ. Она облачилась въ амазон-ку, отлично облегающую ея гибкую фигуру, одѣла шляпу, отѣняющую ея красивое лицо съ рыжими воло-сами и сѣла за свой письменный столъ. Она попыталась написать дядѣ прощальное письмо, которое предполагала вручить ему вечеромъ. Отъ этой трудной задачи ей въ концѣ концовъ пришлось отказаться.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Помощь сатаны

Современный роман.

(Продолжение, см. № 4—7.)

— Я ему напишу постъ, — сказала она сама себѣ, — когда его гѣвъ пройдетъ.

Она прошла въ столовую съ высокимъ потолкомъ. Въ каминѣ ярко горѣла гигантскій пѣльня. Разное оружіе украшало стѣны. Со всѣхъ сторонъ склонились приглашенные. Они поклонили руку графу д'Эглерошу, который представлялъ типъ деревенскаго жителя, созданнаго, казалось, специально, чтобы охотиться. Она стояла около камина съ рюмкой конякъ.

Гортензія разсѣянно его поцѣловала.

— Какъ, дядюшка, вы пьете? Вѣдь вы такой воздержанный.

— Ну, разъ въ году можно себѣ позволить нѣкоторое излишество.

— Тетя буде сердиться.

— У твоей тети мигрень, и она не придетъ.

Къ тому же, — недовольно замѣтилъ онъ, — это ея не касается...

не касается и тебѣ, дѣтка!

Князь Ренинъ приблизился къ Гортензіи. Это былъ очень элегантный молодой человѣкъ съ блѣдныемъ и тонкимъ лицомъ. Глаза его казались то очень ласковыми, то очень суровыми, то ироническими, то изысканно вѣжливыми.

Онъ поклонился, поцѣловавъ руку молодой женщины и сказалъ ей:

— Наоминаю вамъ ваше обѣщаніе, сударыня.

— Мое обѣщаніе?

— Да. Мы вѣдь условились продолжать сегодня нашу вчерашнюю прогулку. Мы должны вѣдь были посѣтить этотъ старый заколоченный домикъ, который вѣдь такъ заинтересовалъ... кажется, его называютъ имѣніемъ Галингра...

Она сухо отвѣтила:

— Извините, я устала, а это заняло бы много времени. Я пройдусь по парку и вернусь.

Она помолчали и Ренинъ, съ улыбкой глядя на нее въ упоръ, ти-

хо проговорилъ:

— Я увѣренъ, что вы сдержите свое обѣщаніе. Для васъ это лучше.

— Для кого? Для васъ, — вы хотите сказать?

— Увѣрю васъ, что и для васъ.

Она слегка покраснѣла и возвѣтила:

— Я вѣдь не понимаю.

— Я однако, никакой загадки вамъ рѣшать не предлагаю. Дорога дивная, имѣніе это очень интересно. Никакая другая прогулка такъ не удовлетворитъ васъ.

— Вы очень самонадѣянны.

— И упрямъ, сударыня.

Она сдѣлала негодуший жестъ, но отъ отвѣта воздержалась; повернувшись къ нему спиной, она стала здороваться сокружающими и затѣмъ вышла изъ комнаты.

У крыльца грумъ держалъ лошадь. Она сѣла въ сѣдло и поѣхала по направлению къ лѣсу.

Погода была свѣжая и тихая. Между листовой деревьевъ мелькало бирюзовое небо. Гортензія шагомъ проѣхала по длинной аллѣ и черезъ полѣ часа достигла холмистой мѣстности, которую пересѣкала большая дорога.

Она остановилась. Ничего не было видно, Росинъ, вѣроятно, выклю-

чила свой моторъ и спряталъ автомобиль въ кустахъ, окружавшихъ предмѣстье.

Послѣ минуты колебанія она спустилась на землю, привязала лошадь небрежно къ дереву, чтобы она легко могла вернуться домой, завернула голову длинными коричневыми вуалѣмъ и двинулась впередъ.

Она не ошиблась. При первомъ же поворотѣ она замѣтила Росинъ. Онъ подбѣжалъ къ ней и увлекъ ее въ чашу деревьевъ.

— Скорѣй, скорѣй! Я такъ боялся, что вы опоздаете... или измѣните свое намѣреніе... И вотъ вы вѣдѣсь.. Возможно ли это..

Она улыбалась.

— Вы счастливы, что дѣлаете глупости!

— Счастливъ ли я! И вы будеете счастливой. Клянусь!

— Можетъ быть, но глупостей я дѣлать не буду.

— Вы будете жить по вашему вкусу, Гортензія. Ваша жизнь превратится въ волшебную сказку.

— А вы будете сказочными принцемъ?

— Вы будете жить въ роскоши, въ богатствѣ.

— Нѣтъ этого не надо.

— Что же вамъ надо?

— Счастья.

— Я увѣренъ, что вы будете счастливы.

Она стала шутить:

— Я нѣсколько сомнѣваюсь въ качествѣ счастья, которое вы мнѣ дадите.

— Вы увидите... Вы увидите...

Они подошли къ автомобилю. Росинъ, продолжая выражать свои восторги, пустилъ въ ходъ моторъ. Гортензія сѣла въ автомобиль. Машина двинулась по направлению къ предмѣстью, увеличивая скорость, какъ вдругъ Росинъ принужденъ былъ затормозить.

Раздался выстрѣль съ правой стороны. Ауто пошло неправильнымъ ходомъ.

— Прорвана передняя шина, — крикнулъ Росинъ, спрыгивая на землю.

— Да нѣтъ же! — воскликнула Гортензія, — кто то выстрѣлилъ.

— Невозможно, дорогая! Что вы говорите!

Въ эту минуту вновь послѣдовали одинъ за другимъ два выстрѣла.

Росинъ зарычалъ:

— Заднѣй шинѣ прорыжлены!

Кто это? разбойники!.. Если-бъ я знать...

— Онь проbralся черезъ кусты, окаймляющіе дорогу. Никого. Впрочемъ, лѣсная чаща не давала возможности далеко видѣть.

— Проклятие! — выбранился онъ, — вы правы... стрѣляли въ ауто. Мы теперь задержаны на долгой. Три шины надо починить.. Но что вы, дорогой другъ, дѣлаете?

Молодая женщина выскочила изъ автомобиля. Она проговорила, волнуясь:

— Я ухожу.

— Но почему?

— Я хочу знать. Стрѣляли. Кто?

Я хочу знать... Умоляю васъ не разставаться со мною...

— Думаете-ли вы, что я васъ часами здѣсь буду ожидать!

— Но нашъ отѣзъдъ?.. Наши планы?..

— Завтра мы опять обѣ этомъ поговоримъ... Вернитесь въ замокъ... Отнесите мои вещи.

(Продолженіе следуетъ.)

Помощь сатаны

Современный роман.

(Продолжение, см. № 4—8.)

— Я въсъ умоляю, умоляю... Вѣдь это не моя вина. Вы точно сердитесь на меня.

— Я на въсъ не сержусь, но, если похищаютъ женщину, то, мнѣйши, этого быть не должно. До скораго!

Она быстро ушла. Ей посчастливило найти свою лошадь на прежнемъ мѣстѣ. Въ галопѣ она помчалась въ сторону, противоположную Лагардѣ.

Она не сомнѣвалась въ томъ, что стрѣлять князь Ренинъ.

— Это онъ, — прошептала она съ гнѣвомъ, — это онъ... Только онъ способенъ такъ дѣйствовать.

— Не предупредить ли онъ ее съ такой увѣренностью? Вы вернетесь, и увѣренъ... Я въсъ ожидаю.

Она плакала отъ злости и легодовія въ виду своего униженія. Встрѣтъ она въ этотъ моментъ князя Ренина, она обязательно позна- комила бы его съ своимъ хлыстомъ.

Передъ ней растялась живописная мѣстность, которую съѣз-ва ограничиваетъ департаментъ Чар-ти и которую называютъ „маленькой Швейцаріей“. Часто ей приходилось задерживать коня на кру-тыхъ спускахъ. До комичной цѣли ея пути было около десяти километровъ. Хотя она иѣсколько успо-коилась, но все существо ея про-должало негодовать противъ князя Ренина. Она была за него не только за то, что онъ только что совершилъ, но и за все его поведе-ніе въ отношеніи ея, за его ухажи-вания и самоувѣренность.

Вотъ она у цѣли. Въ долинѣ старая стѣна, изрѣзанная трещи-нами, покрытая мхомъ и сорной тра-вой, позволяла видѣть верхушку маленькой замковой колокольни и иѣсколько оконъ, закрытыхъ став-ніями. Это было имѣніе Галингра.

У входныхъ дверей ее ожидалъ Сѣргей Ренинъ около лошади, на которой онъ прѣѣхалъ.

Она соскочила на землю и, ког-да онъ сталъ ее благодарить, снявъ шляпу, она воскликнула:

— Подождите! Одно слово! Сей-часъ произошло иѣчто необъясни-мое. Три раза стрѣляли въ автомо-биль, въ которомъ я находилась. Это вы стрѣляли?

— Да!

Она замялась.

— Вы, значитъ, сознаетесь!

— Вы, сударыня, ставите мнѣ вопросъ, на который я вамъ отвѣчу. Но какъ вы посмѣли... По какому праву?

— Права у меня не было, сударыня, но я выполнилъ свою обя-занность.

— Въ самомъ дѣлѣ! Какую обя-занность?

Обязанность, защитить вѣсъ отъ человѣка, который хочетъ восполь-зоваться несчастіемъ вашей жизни.

— Я запрещаю вамъ говорить со мной въ такомъ тонѣ. Я сама отвѣ-чу за свои поступки. Я совершен-но свободно приняла свое рѣшеніе.

— Сударыня, я сегодня утромъ случайно слышалъ вашъ разговоръ съ господиномъ Росини и мне по-казалось, что вы сѣдѣтѣ за ними безъ особенной радости. Вы прости-те меня, считайте меня невѣжей, но

я хотѣлъ дать вамъ возможность въ теченіе иѣсколькихъ часовъ обду-мать свое положеніе.

— Я уже все обдумала. Когда я что-либо рѣшаю, то рѣшенія своего не мѣняю.

— Не всегда, сударыня! Вѣдь вы же сейчасъ здѣсь, а не тамъ.

Молодая женщина смущилась. Гнѣвъ ея совершенно исчезъ. Она съ удивленіемъ смотрѣла на Ренина, понимая и сознавая, что онъ совер-шенно искренно, безъ задней мысли, какъ вполнѣ порядочный человѣкъ, хотѣлъ спасти ее отъ ложнаго шага.

Очень тихо онъ сказала ей:

— Я очень мало, сударыня, знаю о васъ, но достаточно для того чтобы стремиться быть вамъ полезнымъ. Вамъ двадцать шесть лѣтъ и вы сирота. Семь лѣтъ тому назадъ вы вышли замужъ за родственника гра-фа д'Еглерона, котораго въ концѣ концовъ пришлось помѣстить въ домъ для душевно-больныхъ. Отсюда невозможность развода и необ-ходимость жить на иждивеніи вашего дяди, такъ какъ приданое ваше му-жемъ растрачено. Жить съ графомъ и графиней, которые плохо ладятъ между собой, не такъ то весело. Когда то графа бросила первая же-на. Она бѣжала съ мужемъ тес-

решней графини. Разочарованные покинутые супруги соединили свою судьбу, но ничего утѣшительного въ этомъ союзѣ не нашли. Вы отъ всей этой обстановки страдали. И вотъ въ одинъ прекрасный день вы встрѣтили г. Росини. Онъ влюбил-ся въ васъ и предложилъ вамъ съ нимъ бѣжать. Вы его не любили. Но скуча, молодость, жажда при-ключений и неизвѣданнаго заставили васъ принять предложеніе, но въ душѣ вы рѣшили обмануть своего обожателя. Вы думали, что этотъ скандалъ заставитъ вашего дядю обезпечить вамъ независимое сущес-твование. Въ настоящее время вамъ надо выбрать одно изъ дружъ: или отдатьсь въ руки г. Росини... или же довѣриться мнѣ.

Она взглянула на него. Что онъ хотѣлъ сказать? Что значило это предложеніе, сдѣланное столь серъ-езно, точно его дѣлалъ другъ, же-лающій лить помочь, помочь безъ всякой задней мысли?

Послѣ иѣкотораго молчанія онъ привязалъ обѣ лошади. Затѣмъ онъ осмотрѣлъ тяжелыя входныя ворота; на каждой створкѣ ихъ красовались двѣ доски въ видѣ креста. Какое-то старое объявленіе, которому было двадцать лѣтъ, свидѣтельствовало,

что съ того времени никто не пе-реступалъ порога входныхъ воротъ.

Ренинъ вырвалъ изъ желѣзной рѣшетки, окружавшей замокъ, же-лѣзный стержень и употребилъ его въ видѣ лома. Гнилые доски сдали. Подъ одной изъ нихъ оказалась замечная скважина. Онъ попытался открыть замокъ при помощи ножа, съ разными приспособленіями. Ско-ро ворота открылись. Показалось площа-дка, заросшая верескомъ. Она шла до полуразвалившагося длин-наго зданія, надъ которымъ господ-ствовали четыре башенки по угламъ его. На самомъ верху было возве-дено иѣчто въ родѣ бельведера-балкона.

— Надѣ вами не каплетъ. Се-годня вечеромъ вы примете рѣше-ніе. Если господину Росини удастся второй разъ убѣдить васъ, тогда, клянусь, вы меня не встрѣтите на своемъ пути. До того же времени позвольте мнѣ быть съ вами. Мы вчера рѣшили осмотрѣть этотъ замокъ. Исполнимъ это сейчасъ. Это способъ убить время. Я надѣюсь, что это будетъ интересно.

(Продолжение с. иѣдуетъ.)

Помощь плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолжение, см. № 4—9.)

Онъ говорилъ такъ, какъ будто приказывалъ. Онъ точно повелѣвалъ и одновременно молилъ. Молодая женщина не пыталась противиться. Она послѣдовала за нимъ къ развалившемуся крыльцу, откуда внутрь замка вела дверь, точно также забитая досками кресть на крестъ.

Ренинъ примѣнилъ прежний методъ. Они вошли въ помѣстительный вестибюль, поль котораго составляли червонія и бѣлые плитки. Вездѣ красовалась старая мебель и первокоровыя кресла. Гербъ, изображавшій орла, вѣспившагося въ каменную груду, помѣщался надъ дверьми, откуда свисала паутина.

Это дверь въ залъ, вѣроятно, замѣтилъ Ренинъ. Эту дверь открыть было труднѣе, при чёмъ киянью пришлось пустить въ ходъ всю свою силу.

Гортензія во время этой операции не промолвила ни слова. Она съ удивленіемъ слѣдила за этими по-

слѣдовательными воломами, произведенными съ рѣдкимъ искусствомъ. Онъ угадалъ ея мысли и сказалъ совершенно серьезно:

— Для меня это дѣтская игра. Я былъ слесаремъ.

Она схватила его за руку и прошептала:

— Слушайте.

— Что такое? — спросилъ онъ.

Она скользила его руку сильнѣе, требуя, чтобы онъ молчалъ. Тотчасъ же онъ сказалъ:

— Въ самомъ дѣлѣ, это странно.

— Слушайте, слушайте, — повторяла удивленная Гортензія, — О! Неужели это возможно?

Они слышали невдалекѣ сухой шумъ, регулярные удары, которые при внимательномъ вслушиваніи, воспринимались какъ регулярный ходъ, регулярный тикъ-такъ стѣнныхъ часовъ. Казалось совершенно необъяснимымъ, какимъ образомъ, какимъ чудомъ часы продолжали жить въ этомъ мертвомъ царствѣ.

Непонятное, таинственное явленіе, какая-то загадка.

— Однако, — прошептала Гортензія, не смѣвшая повысить голосъ, — вѣдь сюда никто не входилъ.

— Никто.

— Нельзя допустить, что эти часы шли въ теченіе двадцати лѣтъ безъ завода.

— Нельзя, конечно.

— Тогда?

Сергѣй Ренинъ открылъ всѣ три окна и сбила ставни. Они, дѣятельно, находились въ гостиной. Здѣсь царилъ полный порядокъ: стулья были на своихъ мѣстахъ, вся мебель находилась налицо. Жильца этой комнаты, уѣзжая, очевидно, ничего съ собой не захватили: книгъ, ни разныхъ бездѣлушки.

Ренинъ осмотрѣлъ старые стѣнныя часы, заключенные въ высокой деревянной футлярѣ. Черезъ овальное стекло можно было видѣть диски маятника. Онъ открылъ дверцы: гигантъ часы находились въ концѣ своего пути.

Въ此刻ъ моментъ часы зашѣптали и затѣмъ пробили восемь разъ. Это низкаго звона часы молодая женщина потомъ уже никогда не могла забыть.

— Какое чудо! — прошептала она.

— Дѣйствительно, чудо, — потвердилъ онъ, — вѣдь простой механизмъ этикъ часовъ лишь съ не дѣльнымъ заводомъ.

— И вы ничего не находите въ этомъ странного?

— Какъ сказать... впрочемъ...

Онъ наклонился и вынулъ изъ футляра металлическую трубку, скрытую за гирами.

— Зрительная труба, — проговорилъ онъ задумчиво, — зачѣмъ ее спрятали?... Странно! Что бы это значило?

Часы начали бить вторично. Раздалось восемь ударовъ. Ренинъ закрылъ футляръ часовъ и съ зрителной трубой въ рукахъ продолжалъ осмотръ. Комната, въ которой они находились, сообщалась широкой аркой съ другой комнатой, видимо, курительной, тоже меблированной. Тамъ стояла пустой станокъ для ружей. Календарь, висѣвшій на стѣнѣ, показывалъ пятое сентября.

— А, — воскликнула съ удивлениемъ Гортензія, — тоже число, какъ и сегодня... Какое странное совпаденіе!

— Удивительное, — проговорилъ онъ. — Это годовщина ихъ отъѣзда... уже прошло двадцать лѣтъ съ того дня, ровно двадцать лѣтъ,

— Согласитесь, — замѣтила она, — что все это необъяснимо.

— Конечно, хотя...

— У васъ какая то мысль?..

Онъ отвѣтилъ черезъ нѣсколько секундъ:

— Меня интересуетъ эта зрительная труба... Каково было ея назначение? Изъ оконъ можно увидѣть лишь деревья сада. Горизонта нѣть... Чтобы воспользоваться этимъ инструментомъ, надо было возвратиться выше... Хотите подняться?

Она не колебалась. Тайна, окружавшаяся ихъ, возбуждала ея любопытство. Она готова была слѣдовать за Ренинъмъ и помочь ему въ его изысканіяхъ.

Они поднялись по главной лѣстнице и добрались до винтовой лѣстницы, которая вела на верхній бельведеръ-балконъ.

Этотъ бельведеръ-балконъ имѣлъ видъ террасы, окруженней парапетомъ въ два метра вышиною.

— Когда-то, видимо, этотъ парапетъ былъ составленъ изъ зубцовъ, которые потомъ уничтожили. Были тутъ раньше и бойницы; теперь онъ задѣланъ.

— Во всякомъ случаѣ, — сказала она, — здѣсь тоже зрительная труба не могла примѣняться. Намъ

остается только спуститься внизъ.

— Я другого мнѣнія, — возразилъ онъ, — логично разсуждая, надо притти къ выводу, что именно отсюда можно видѣть окрестность и именно здѣсь пользовались этой зрителной трубой.

Онъ взлѣзъ на парапетъ и увидѣлъ оттуда всю окрестность. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ замка, — такъ около восьмисотъ метровъ, — виднѣлась другая развалившаяся башня, очень низкая, вся обвитая плющемъ.

Ренинъ продолжалъ осмотръ. Казалось, что онъ искалъ разрѣшенія загадки въ зрителной трубѣ, стараясь понять, какимъ образомъ и для чего она примѣнялась. Онъ изслѣдовалъ всѣ бойницы. Одна изъ нихъ, вѣрнѣе, то мѣсто, гдѣ она раньше находилась, обратила его особенное вниманіе. Тамъ въ известкѣ, которой она была задѣлана, замѣчалось углубленіе, наполненное землей и появившейся на ней травой.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Завяжите узелъ въ носовомъ платкѣ, чтобы не засыпать подписьаться съ 1-го февраля на **„Старый Нарвскій Листокъ“**.

Помощь плащомъ сатаны

Современный роман.

(Продолжение, см. № 4—10.)

Онъ вырвалъ траву и очистилъ углубленіе, имѣвшее двадцать сантиметровъ въ діаметръ. Наклонившись впередъ, онъ убѣдился въ томъ, что это углубленіе, проникающее всю толщу стѣны, давало возможность видѣть всю окрестность, а также башню, обвитую плющемъ.

Оказалось, что зрительная труба свободно входила въ это отверстіе, такъ плотно прилегая къ нему, что ея нельзя было повернуть ни вправо ни влево.

Ренинъ вытеръ стекла трубы и приложилъ глазъ. Нѣсколько секундъ онъ молчалъ, и затѣмъ проговорилъ звонкованнымъ голосомъ:

— Это ужасно... Право, ужасно... — Въ чёмъ дѣло? — забеспокоилась она.

— Смотрите...

Она наклонилась и, взглянувъ въ трубу, проговорила съ содроганіемъ:

— Это два чучела, не такъ ли?..

Ихъ тамъ повѣсили... Но зачѣмъ? — Смотрите, — повторилъ онъ, — смотрите внимательно. Подъ шляпами... лица.

— О! — съ ужасомъ промолвила она, — это чудовищно!..

Поле зреяня зрительной трубы представляло такой видъ: площадка развалившейся башни, окруженней съ одной стороны стѣной, заросшей мхомъ, являлась какъ-бы фономъ. Но этомъ фонѣ среди мелкой вороси можно было различить мужчина и женщину, прислоненныхъ къ стѣнѣ, находящейся въ концѣ парка.

Гортензію удивило, что князь Ренинъ пересталъ какъ-бы интересоваться всѣмъ этимъ дѣломъ. Онъ даже о немъ не говорилъ. Въ деревенскомъ трактирѣ, куда они наскочили, чтобы подкрепить свои силы, она обратилась къ хозяину за разясненіями. Но тотъ недавно привѣхъ въ эту мѣстность и не зналъ даже имени владѣльца имѣнія.

— Два скелета, — прошептала Гортензія, — два скелета, покрытые одеждой... Кто могъ ихъ сюда привезти?..

— Они вѣхали въ Марезъ.

Нѣсколько разъ Гортензія вспоминала о кошмарномъ зреяющѣ.

— Никто.

— Однако?

— Эти люди, вѣроятно, много лѣтъ тому назадъ умерли тамъ, на этой башнѣ. Тѣла ихъ разложились, а вороны полакомились ими.

— Но это же сплошной ужасъ, — сказала Гортензія, при этомъ она поклонилась и все лицо ея выражало отвращеніе.

Черезъ поль часа Гортензія Даниель и Сѣргей Ренинъ покинули замокъ Галингра. Передъ этимъ они посѣтили старую башню, составлявшую остатки разрушенной усадьбы.

Пробраться въ эту башню можно было по полуразрушенной деревянной лѣстницѣ. Башня примыкала къ стѣнѣ, находящейся въ концѣ парка. Гортензію удивило, что князь Ренинъ пересталъ какъ-бы интересоваться всѣмъ этимъ дѣломъ. Онъ даже о немъ не говорилъ. Въ деревенскомъ трактирѣ, куда они наскочили, чтобы подкрепить свои силы, она обратилась къ хозяину за разясненіями. Но тотъ недавно привѣхъ въ эту мѣстность и не зналъ даже имени владѣльца имѣнія.

Они вѣхали въ Марезъ.

Нѣсколько разъ Гортензія вспоминала о кошмарномъ зреяющѣ.

— Но Ренинъ весело отмечался

и какъ-будто избѣгалъ касаться этого вопроса.

— Но надо же решить этотъ вопросъ! — наконецъ съ нетерпѣніемъ воскликнула она.

— Конечно, надо решить. Надо, чтобы вы въ отношеніи Росинны пришли къ опредѣленному решенію.

Она покачала плечами.

— Рѣчь не о немъ... Во всякомъ случаѣ, сегодня.

— Сегодня?

— Надо узнать что такое эти два трупа.

— Но Росинны?..

— Росинны можетъ ждать, но я ждать не могу.

— Ладно! Вѣроятно, онъ еще не починилъ свои щиры. Но что вы скажете? Это главное.

— Главное то, что мы видѣли. Вы поставили меня лицомъ къ лицу съ загадкой, которая меня глубоко заинтересовала. Каковы ваши намѣрения?

— Мои намѣрения?

— Да, вѣдь мы видѣли два трупа. Вы, вѣроятно, обѣ этомъ поспѣшили предупредить власти?

— О, боги! — отвѣтилъ онъ, смеясь, — зачѣмъ?

— Но эту загадку надо же искать.

премѣнно раскрыть... произошла потрясающая драма.

— Намъ для этого никого не нужно.

— Какъ? Что вы говорите? Вы сами можете распутать?

— Господи, все же совершенно ясно! Мнѣ кажется, что я читаю книгу, снабженную богатыми иллюстрациями. Это же такъ просто!

Она взглянула на его съ удивлениемъ, думая, что онъ подшучиваетъ надъ нею. Но видѣть у него былъ совершенно серьезный.

— Какъ-же это такъ? — прошептала она, вздрагивая.

День приближался къ закату.

Когда они вернулись въ Ларезъ, охотники уже возвратились.

— А теперь, — замѣтилъ онъ, — мы пополнимъ свои свѣдѣнія, спросимъ мѣстныхъ аборигеновъ-старожиловъ... Знаете ли вы кого либо, кто могъ бы помочь намъ?..

— Мой дядя. Онъ никогда не покидалъ этой мѣстности.

— Отлично. Мы къ нему и обратимся. Вы увидите, какъ все логически вытекаетъ одно изъ другого. Очень любопытно распутывать подобная история, когда знаешь ихъ начало.

Въ замкѣ они разстались. Гортензія нашла у себя свои дорожные вещи и негодующее письмо Росинны. Онъ прощался съ нею и сообщилъ, что уѣзжаетъ.

— Богъ съ нимъ, — подумала Гортензія, — этотъ чудакъ нашелъ отличный выходъ.

Она позабыла и свой флиртъ съ нимъ, и ихъ планы. Ей казалось, что Росинны болѣе чуждъ ей, нежели этотъ Ренинъ, который на первыхъ порахъ возбуждалъ въ ней такъ мало симпатіи.

Вдругъ Ренинъ къ ней постучался.

— Вашъ дядя въ своей библиотекѣ. Пойдемте къ нему; я предупредилъ его о своемъ визитѣ.

Она послѣдовала за нимъ. Онъ добавилъ:

— Еще одно слово. Сегодня утромъ, помѣшивъ вамъ выполнить свое намѣреніе, я принялъ въ отношеніи васъ извѣстное обязательство. Сейчасъ вы увидите тому доказательства.

— Вы обязаны лишь удовлетворить мое любопытство, — возразила она со смѣхомъ.

(Продолжение слѣдуетъ.)

Помощь сатаны

Современный роман.

(Продолжение, см. № 4—11.)

— Ваше любопытство будет вполне удовлетворено, — отвѣтил онъ серьезно, — если только господинъ д'Эглерошъ подтвердитъ мои предположенія.

Господинъ д'Эглерошъ, дѣйствительно, находился одинъ.

Онъ курилъ трубку и пилъ вино. Онъ предложилъ стаканъ вина Ренину, который отъ него отказался.

— А у тебя, Гортензія, все благополучно? — проговорилъ онъ слегка заплетающимся языкомъ. Въ эти сѣрые осеніе дни такъ скучно. Ты совершила съ м-съ Ренинъ приятную прогулку?

— Именно по этому поводу я хотѣла съ вами поговорить, — прервала его князь.

— Вы меня извините, но черезъ десять минутъ я долженъ отправиться на станцію, чтобы встрѣтить подругу моей жены.

— О, десять минутъ для меня вполнѣ достаточно. Значитъ, можно

выкурить сигаретку?

— Конечно.

Онъ взялъ сигаретку, которую предложилъ ему д'Эглерошъ, захѣжъ ее и сказалъ:

— Вообразите себѣ, что случай заставилъ насъ посѣтить эту старую развалину, которая называется Галингра. Вы, вѣроятно, знаете это имѣніе?

— Конечно. Но вѣдь тамъ все уже въ теченіе четверти столѣтія заколочено. Вы не могли войти.

— О нѣтъ, мы вошли.

— И интересно тамъ?

— Очень. Мы открыли необыкновенные вещи.

— Что-же именно? — спросилъ графъ, поглядывая на часы.

Ренинъ рассказалъ

— Мы нашли заколоченные комнаты, гостиную, оставленную ею обитателями въ полномъ порядкѣ, стѣнныя часы, которые какимъ то чудомъ пришли бить во время нашего посѣщенія.

— Пустячные подробности, — прерваль графъ.

— Видѣли мы и другое. Мы взобрались на бельведер крыши и оттуда увидѣли на башнѣ, отстоящей довольно далеко отъ замка... мы увидѣли два трупа, вѣрнѣе два скелета: мужчину и женщину. Они имѣли на себѣ ту одежду, въ которой ихъ убили.

— Ужъ и убили!.. Пустое предположеніе...

— Я въ этомъ увѣренъ и по этому именно поводу я хочу съ вами поговорить.

Эта трагедія, произошедшая лѣтъ двадцать тому назадъ, развѣ вѣмъ неизвѣстна?

— Привыкаться, нѣтъ. Я никогда не слыхалъ о какомъ либо преступлѣніи, или исчезновеніи людей въ этой мѣстности.

— Жаль — проговорилъ Ренинъ съ нѣкоторымъ разочарованіемъ... Я надѣялся получить отъ васъ какій свѣдѣнія. Въ такомъ случаѣ извините меня.

Онъ посмотрѣлъ на Гортензію и направился къ дверямъ. Но тотчасъ вернулся и проговорилъ:

— Не могли ли вы познакомить меня съ кѣмъ либо изъ вашихъ родныхъ?

— Моихъ родныхъ? Зачѣмъ?..

— Потому что владѣніе Галингра принадлежало, вѣроятно и теперь принадлежитъ д'Эглерошамъ. Это видно по гербамъ, на которыхъ изображенъ орелъ на скалѣ.

Графа, казалось, слова Ренина удивили. Онъ оставилъ вино и проговорилъ:

— Это для меня новость.

Ренинъ покачалъ головой и замѣтилъ съ улыбкой:

— Я полагаю, что вы просто не хотите сознаться въ родствѣ съ этимъ неизвѣстнымъ владѣльцемъ.

— Значить, это сомнительный человѣкъ?

— Это просто человѣкъ, который убѣль.

— Что вы говорите?

Графъ всталъ. Взволнованная словами князя, Гортензія спросила:

— Вы твердо увѣремы, что совершилъ преступленіе кѣмъ-либо изъ обитателей замка?

— Вполнѣ.

— Откуда эта увѣренность?

— Потому что я знаю, кто были жертвыми этого преступленія и причину его.

Казалось, что Ренинъ, сущія по его тону, имѣла несஸоримыя данныя въ своемъ распоряженіи.

Графъ ходилъ по комнатѣ и въ концѣ концовъ проговорилъ:

— Минѣ всегда казалось, что что-то такое произошло, но я не старался углубляться въ эту исторію...

Дѣйствительно, лѣтъ двадцать тому назадъ одинъ изъ моихъ отдаленныхъ родственниковъ жилъ въ Галингрѣ. Я надѣялся, что все это происшествіе останется неизвѣстнымъ, хотя подробностей его я не знаю... Я только предполагалъ...

— Итакъ, этотъ вашъ кузенъ убилъ?..

— Да. Онъ принужденъ былъ убить.

Ренинъ недовѣрчиво пожалъ плечами.

— Я съ вами не согласенъ! Вашъ кузенъ убилъ спокойно, хладнокровно, обдуманно, предательски. Это отвратительнѣшее преступленіе.

— Откуда вы знаете?

Пришла минута, когда Ренинъ долженъ былъ высказаться. Гортензія понимала всю серьезность этого момента и хотя она еще точно ничего не знала, но сердце ея сжималось отъ какого-то тягостнаго предчувствія.

— Вся исторія очень проста, — проговорилъ Ренинъ. — Все свидѣтельствуетъ о томъ, что этотъ д'Эг-

лерошъ былъ женатъ и въ окрестностяхъ Галингра жила другая супружеская чета. Обѣ семьи были знакомы. Что же случилось въ одинъ прекрасный день? Трудно отвѣтить на этотъ вопросъ. Но я предполагаю что жена вашего кузена назначала свиданія мужу другой четы въ башнѣ, обвитой плющемъ, и имѣвшей выходъ въ поле. Вашъ кузенъ рѣшилъ отомстить, такъ узналъ обѣ этой любовной связи. Онъ хотѣлъ однако это такъ сдѣлать, чтобы не вышло скандала и никто ничего не узналъ бы обѣ убийствѣ. Съ бельведера при помощи зрителной трубы онъ могъ слѣдить за свиданіями возлюбленныхъ. И съ этого именно мѣста, принявъ всѣ мѣры предосторожности, все обдумавъ и взвѣшивъ, онъ въ одно изъ воскресеній, 5-го сентября, когда въ замкѣ никого не было, двумя выстрѣлами изъ ружья убилъ обоихъ любовниковъ.

Истина всплыла на свѣтъ Божій.

Графъ проговорилъ:

— Да... именно такъ, вѣроятно, все произошло.

(Продолженіе сълѣдуетъ.)

ПОДЪЩАЩОМЪ САТАНЫ

Современный роман.

(Продолжение, см. № 4—12.)

— Убийца, — продолжал Ренинъ, задѣлъ землю бойницу, чрезъ которую въ подзорную трубу наблюдалъ за убитыми и уничтожилъ деревянную лѣстницу, которая вела на башню. А исчезновеніе любовниковъ былъ объяснилъ ихъ совѣтникъ бѣгствомъ.

Гортензія вскочила. Она, какъ бы угадывая, воскликнула:

— Что вы хотите сказать?

— Я хочу сказать, что господинъ д'Эглероша обвинилъ свою жену и своего друга въ томъ, что они вмѣстѣ бѣжали.

— Нѣтъ, нѣтъ! Я должно быть ничего не понимаю: вы смѣшиваете двѣ истории, вѣдь дѣло идетъ только о кузинѣ моего дяди.

— Я ничего не смѣшиваю. Исторія вѣдь одна. Я излагаю события такъ, какъ они произошли.

Гортензія повернулась къ своему дядѣ. Она молчала, скрестивъ руки; голова его находилась въ тѣнѣ аба-

жура. Почему онъ не протестовалъ? Ренинъ съ увѣренностью продолжалъ:

— Существуетъ лишь одна версія. Пятаго сентября въ восемь часовъ господинъ д'Эглерошъ покинулъ свой замокъ, объяснивъ, что онъ отправляется въ погоню за бѣглыми.

Онъ уѣхалъ, оставивъ все на мѣстахъ и захвативъ только ружья.

Въ послѣднее мгновеніе передъ отѣзжаніемъ изъ понятной предосторожности онъ бросилъ подзорную трубу въ ящикъ стѣнныхъ часовъ. Слуха было угодно, чтобы труба остановила ходъ маятника. Это обстоятельство должно было выдать его черезъ двадцать лѣтъ.

Удары мои, когда я стучался въ двери, чтобы открыть ихъ, видимо, освободили маятникъ. Часы пошли, пробили восемь разъ...

И разгадка была въ моихъ рукахъ.

Гортензія прошептала:

— Но доказательства! Доказательства...

— Доказательства? — энергично продолжалъ Ренинъ, — ихъ много и вы это знаете. Кто могъ убить на расстояніи восьмисотъ метровъ? Только отличный стрѣлкъ, такой страстный какъ, вы, графъ...

Доказательства?.. Почему ничего не было взято изъ замка, исключая ружья? Эти ружья вѣамъ дороги, графъ, и мы ихъ находимъ у васъ въ полномъ порядкѣ. И разъ не доказательство тѣль фактъ, что какъ-то пятое сентября, т. е., въ то число, когда совершилось убийство, графъ, мучимый угрызеніями совѣсти, не находить себѣ мѣста и, не взирая на свою обычную воздержанность, напиваются и старается забыться въ разныхъ развлеченіяхъ.

Сегодня пятое сентября! Какія же еще доказательства? Вѣдь достаточно взглянуть на графа въ эту минуту.

И Ренинъ указалъ рукою на графа д'Эглероша, который въ эту минуту съ подавленнымъ видомъ опустился въ кресло, закрывъ лицо руками.

Гортензія ничего не возразила. Она никогда не любила дядю своего мужа. Она мысленно согласилась,

что Ренинъ правъ. Прошла томительная минута. Графъ налилъ себѣ вина и въ одинъ за другимъ опорожнилъ два стакана.

Потомъ онъ всталъ и обратился къ Ренину:

— Такъ ли это или не такъ, но нельзя назвать преступникомъ мужа, уничтожающаго свою преступную жену.

— Нѣтъ — возразилъ Ренинъ, — но я разсказалъ только одну версію этой исторіи. Есть и другая болѣе серьезная и... болѣе правдоподобная, которую распутаетъ тщательное слѣдствіе.

— Что вы хотите сказать?

— Вотъ что: дѣло, возможно, не въ оскорблѣнномъ мужѣ. Быть можетъ, вся суть въ томъ, что разоренный человѣкъ хотѣлъ присвоить состояніе и жену своего друга. Для этого онъ увлекаетъ своего друга и свою жену, посовѣтавъ имъ постѣть упомянутую развалившуюся башню. И потому выстрѣломъ изъ ружья убиваетъ ихъ.

— Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ, — запротестовалъ графъ, — все это ложь.

— Возможно, что я ошибаюсь, но почему тогда эти угрызенія со-

вѣсти? Если наказываютъ виновныхъ, то угрызенія совѣсти не мучать.

— Когда убили, всегда тяжело. Убийство — тяжкое бремя.

— И почему вы, графъ, женились потомъ на вдовѣ вашей жертвы? Все вѣдь дѣло въ этомъ. Тутъ возникаетъ рядъ вопросовъ: богата ли была вдова убитаго, вошла ли она въ предварительное соглашеніе съ убийцей и т. д. Я этикъ вопросъ еще не выяснилъ, но ихъ легко можетъ выяснить судебнага власть.

Графъ пошатнулся. Онъ оперся на стулъ и съ ужасомъ пролепеталъ:

— Вы предупредите властей?

— О, нѣтъ, — объявилъ Ренинъ, — вѣдь судебнага давністъ уже прошла. Къ тому же, убийца уже достаточно наказанъ угрызеніями своей совѣсти въ продолженіе двадцати лѣтъ. И не слѣдуетъ устраивать публичнаго скандала, который можетъ отразиться на племяннице господина д'Эглероша. Нѣтъ, не будемъ раскрывать всѣ эти мѣроности.

Графъ пришелъ нѣсколько въ себя и прошепталъ

— Въ такомъ случаѣ къ чому все это?

— Почему я вмѣшался въ это дѣло? Конечно, у меня есть извѣст-

ная цѣль. Но не бойтесь, графъ, вы дешево отѣлаетесь.

Борьба кончилася. Графъ понялъ, что ему приходится принести извѣстную жертву, и онъ проговорилъ не безъ ироніи:

— Сколько-же?

Ренинъ расхохотался.

— Отлично, мы поймемъ другъ друга. Но вы въ нѣкоторомъ заблужденіи: я работаю не ради денегъ, а ради славы.

— Говорите яснѣ.

— Рѣчь пойдетъ о возвращеніи присвоеннаго.

— Что такое?

Ренинъ повернулся къ письменному столу и проговорилъ:

— Въ этомъ столѣ хранится документъ, который вы должны подписать. Дѣло касается состоянія вашей племянницы Гортензіи Даніель. Ея состояніе было растрѣчено и вы являетесь отвѣтственнымъ лицомъ. Подпишите эту бумагу.

Графъ вздрогнулъ и сказалъ:

— Вы знаете цифру этого состоянія?

— Минѣ этого знать не надо.

— А если я откажу.

— Тогда я поговорю съ вашей супругой.

(Продолженіе слѣдующемъ.)

Помощь плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолжение, см. № 4-13.)

Безъ дальнѣйшаго колебанія графъ вынулъ изъ стола офиціальный документъ и подпись его.

— Вотъ, — заявилъ онъ, — и я надѣюсь...

— Вы надѣетесь, что между нами впредь не будетъ ничего общаго. Я въ этомъ увѣренъ. Я уѣзжаю сегодня вечеромъ, а ваша племянница, вѣроятно, завтра. Прощайте!

Въ гостиной, гдѣ никого не было, Ренинъ передалъ документъ Гортензію. Она была ошеломлена. Больше всего ее поразила дальновидность и изумительная ловкость князя, возстановившаго съ такой не умоловимой логикой всѣ подробности ужаснаго преступленія.

— Довольныы вы мною? — спросилъ онъ ее.

Она протянула ему обѣ руки.

— Вы меня спасли отъ Росинъ. Вы мнѣ дали свободу и независимость. Я вѣсъ благодарю отъ всей души.

— О, я не требую благодарности. Я просто хотѣла развлечь вѣсъ. Ваша жизнь такъ однообразна. Сегодня это однообразіе было нарушено. Не такъ-ли?

— Какъ вы можете обѣ этомъ спрашиватъ? Я пережила сегодня безконечно много.

— Вся жизнь наша такова: надо только умѣть найти. Вѣдѣ, если у вѣсъ есть охота, можно сдѣлать добро: спасти жертву, возстановить справедливость.

Она съ изумлениемъ проговорила:

— Но кто ты такой?

— Я просто авантюристъ, любитель приключений. Въ приключениихъ заключается весь смыслъ моей жизни. Сегодняшнее приключение особенно взволновало, такъ какъ оно касается вѣсъ. Но и приключения другихъ людей также интересны. Хотите испытать?

— То есть какъ?

— Будьте моей спутницей во время моихъ приключений. Если кто-либо меня призоветъ къ себѣ на помощь, спасайтъ его вмѣстѣ со мною. Если случай натолкнетъ меня на слѣды преступленія, будемъ сообща это преступленіе раскрывать. Хотите?

— Да, — отвѣтила она, — но...

Нѣкоторое колебаніе охватило ее. Она не понимала смысла предложенія князя,

— Вы, — продолжалъ онъ съ улыбкой, — сомнѣваетесь во мнѣ. Вы не знаете, куда я вѣсъ поведу. Вы опасаетесь, что въ концѣ концовъ я потребую отъ вѣсъ гонораръ. Вы правы. Намъ надо условиться.

— Конечно, — шутливо проговорила Гортензія, — говорите.

Она здѣмалась и сказала:

— Сегодня, въ день нашего первого приключения, часы Галингра пробили восемь разъ. Хотите, чтобы въ теченіе трехъ мѣсяцевъ мы совмѣстно еще семь разъ участвовали въ какомъ-либо приключениіи?

И когда кончится наше восьмое приключение, тогда...

— Что?

Она остановился.

— Замѣтьте, что во всякое время вы можете меня покинуть на поплутіи, если я вѣсъ не заинтересую. Но если вы поѣдете за мной до конца, если вы разрѣшите съ вами начать и кончить восьмое приключение, тогда пятаго сентября, когда старые часы пробьютъ восемь разъ, тогда вы должны...

— Что? — съ нѣкоторымъ волненіемъ спросила она. Она замолчала. Взглянувъ на краснѣя губы молодой женщины, воцѣлѣй, которыхъ она хотѣла получить въ нараду. Ренинъ сообразилъ, что Гортензія вполнѣ поняла его и нѣть смысла высказываться яснѣ.

— Одно удовольствіе вѣсъ ви-

дѣть для меня достаточно. Ставьте сами свои условия. Что вы потребуете?

Она была благодарна ему за его чуткость и отвѣтила съ улыбкой.

— Что я потребую?

— Да.

— Могу я потребовать нѣчто очень трудное!

— Все легко для того, кто хочетъ побѣдить.

— А если исполнить мою просьбу невозможно?

— Только невозможное меня интересуетъ.

Тогда она сказала:

— Я требую, чтобы вы мнѣ вернули старинную застежку изъ сердолика въ филигранной оправѣ. Я получила ее отъ моей матери, которая получила ее отъ своей матери. Она приносila счастье и имъ, и мнѣ. Всѣ это знали. Съ того времени, какъ она исчезла изъ ларя, куда я ее прятала, я сдѣлалась несчастной. Верните ее мнѣ, добрый гений!

— Когда ее у вѣсъ похитили?

Она разсмѣялась:

— Семь лѣтъ тому назадъ... или восемь... или девять... хорошо не знаю... Ничего не знаю по этому поводу...

— Я ее найду, — серьезно проговорилъ Ренинъ, — и вы будете счастливы.

(Продолжение см. въ 14-мъ номерѣ.)

Помощь плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолжение, см. № 4-14.)

4.

Графинъ вѣды.

Черезъ четыре дня послѣ своего перѣѣзда въ Парижъ Гортензія услѣвилась встрѣтиться съ княземъ Ренинъ въ Булонскомъ лѣсу.

Въ одно великолѣпное, ясное утро они расположились за отдѣльнымъ столикомъ, стоящимъ нѣсколько въ сторонѣ на террасѣ ресторана „Имперіалъ“.

Молодая женщина находилась въ превосходномъ настроении.

Она имѣла сегодня особенно привлекательный видъ. Чтобы не испугать ее, Ренинъ ни однѣ словомъ не напоминалъ ей о томъ условіи, которое они заключили.

Она рассказала своему отѣзду изъ Маррэзъ и заявила, что съ тѣхъ поръ о Росинъ ничего не слыхала.

— А я, — сказалъ Ренинъ, — слышалъ о немъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да, онъ мнѣ послѣ своихъ секундантовъ Сегодня утромъ унасъ съ нимъ состоялась дуэль. Кончилось для Росинъ цариной въ плечѣ. Дѣло это ликвидировано. Будемъ говорить о другомъ.

О Росинъ вопроса болѣе не возбуждалось.

Ренинъ предложилъ Гортензію, хотя и безъ особенного увлечения, участвовать въ двѣхъ приключениихъ, которыхъ онъ имѣлъ въ виду.

— Лучшее приключение, — объяснилъ онъ, — то, котораго не ожидалъ. Оно является совершенно неожиданно, никто и ничего о немъ предварительно не сообщаетъ, надо умѣть во время угадать его.

Минута колебанія и уже слишкомъ поздно. Особенное чутье, какъ у охотничьей собаки, подсказываетъ намъ, гдѣ именно мы можемъ найти искомую дичь.

Вокругъ нихъ терраса начала наполняться публикой. За сбѣднимъ

столомъ како-то молодой чловѣкъ съ безцѣвѣтными лицомъ и длинными усами читалъ газету. Откуда то доносились звуки оркестра. Въ одной изъ залъ танцевало нѣсколько паръ.

Гортензія наблюдала за всѣми этими лицами, надѣясь найти какойнибудь признакъ, свидѣтельствующій о внутренней драмѣ, или о несчастной судьбѣ, или преступныхъ наклонностяхъ.

Вдругъ, въ то время, когда Ренинъ платилъ по счету, молодой чловѣкъ съ длинными усами подавилъ крикъ изумленія, подозривъ лакея, съ испугомъ спросилъ:

— Сколько я вѣмъ долженъ? У васъ нѣть сдачи?.. Господи! по-торопитесь же...

Безъ колебанія Ренинъ схватилъ газету, которую читалъ молодой чловѣкъ. Взглянувъ на нее, онъ вполголоса прочиталъ:

— Господинъ Дурленъ,защитникъ Жака Обріе былъ принятъ въ Елисейскомъ Дворцѣ. Мы можемъ сообщить нашимъ читателямъ, что насколькото намъ извѣстно, президентъ отклонилъ просьбу о помилованіи, и казнь совершился завтра.

Когда молодой чловѣкъ про-

шелъ черезъ террасу и очутился у воротъ сада, мужчина и дама преградили ему путь.

— Извините, — проговорилъ мужчина, — я замѣтилъ ваше волненіе. Дѣло вѣдѣ идетъ о Жакѣ Обріе?

— Да, да... о Жакѣ Обріе, — проговорилъ молодой чловѣкъ... Жакъ другъ моего дѣства... Я бѣгу къ егъ женѣ... Она, вѣроятно, подавлена несчастіемъ.

— Могу я предложить вамъ свою помощь? Я князь Ренинъ, я и моя спутница рады были бы увидѣть госпожу Обріе и предложить ей свои услуги.

Молодой чловѣкъ, казалось, отъ волненія ничего не понималъ. Онъ неловко представился:

— Дютрейль... Гастонъ Дютрейль. Ренинъ сдѣлалъ знакъ своему шоферу Клеману, который ожидалъ его, посадилъ Дютрейля въ автомобиль и спросилъ:

— Адресъ? Адресъ госпожи Обріе.

— Проспектъ Руль, 23 bis... Ренинъ помогъ Гортензію занять мѣсто, сказавъ адресъ шоферу и въ пути началь разспрашивавъ Дютрейля.

— Я плохо знаю это дѣло. Обѣясните мнѣ все въ двухъ словахъ.

Жакъ Обріе убиль своего близкаго родственника? Не такъ ли?

— Онь невиновень, — отвѣтилъ молодой человѣкъ, видимо неспособный толкомъ все объяснить. Клянусь, что онъ невиновень. Я уже двадцать лѣтъ его другъ... Онь невиновень... и было бы чудовищно...

Отъ него трудно было добиться чего-либо. Вскорѣ, впрочемъ, они были у цѣли. Дютрейль позвонилъ у маленькаго одноэтажнаго домика.

— Барыня въ гостиной, со своей матерью, — доложила горничная.

— Я хочу ихъ видѣть, — сказала Дютрейль, пригласивъ своихъ спутниковъ, слѣдовать за собой.

Они вошли въ элегантную и довольно помѣстительную гостиную, которая раньше, вѣроятно, была кабинетомъ.

Тамъ сидѣли двѣ женщины въ слезахъ. Одна изъ нихъ, болѣе пожилая съ сѣдѣющими волосами, поднялась на встрѣчу Дютрейлю, который объяснилъ ей цѣль прихода Ренина.

— Мужъ моей дочери невиненъ, — воскликнула старушка, — нашъ Жакъ прекраснѣйший человѣкъ, у него золотое сердце! Какъ онъ могъ убить своего кузена!.. Онь же горячо любилъ его. Клянусь вамъ,

что онъ невиновень. И вотъ собираются совершить преступленіе — казнить его!

Это убить и мою дочь..

Ренинъ понялъ, что всѣ эти люди въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ пребывали въ полной увѣренности, что невиновный не можетъ быть казненъ. Извѣстіе же о предстоящей неизбѣжной казни приводило ихъ въ состояніе, близкое къ безумію.

Ренинъ подошелъ къ несчастной молодой блондинкѣ, на лицѣ которой выражалось глубокое горе. Гортензія сѣла около нея, стараясь ее утѣшить, а князь проговорилъ:

— Сударыня, я еще не знаю, что я могу для васъ сдѣлать. Но честью моей ручаюсь, что, если кто-либо можетъ помочь вамъ, такъ это я. Я васъ умоляю отвѣтить искони на мои вопросы, чтобы я могъ проникнуться вашей точкой зрѣнія, относительно Жака Обріе. Вѣдь онъ, по вашему мнѣнію, невиновень?

— О, конечно! — горячо вырвалось у нея.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Падъ шащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолженіе, см. № 4-10).

— Такъ вотъ эту увѣренность, которой вы не могли заставить проникнуться судебнаго власты, вы должны передать мнѣ, перелить въ меня. Я не требую отъ васъ подробностей, но прошу лишь отвѣтить на рядъ моихъ вопросовъ. Хотите?

— Спрашивайте.

Она была побѣждена. Нѣсколькими фразами Ренинъ заставилъ ее отдать ею власти. Гортензія лицемъ разъ убѣдилась въ томъ, какъ способностью убѣждать, подчинять и покорять обладать Ренинъ.

— Чѣмъ вашъ мужъ занимался?

— спросилъ онъ, предложивъ оставть имъ хранить полное молчаніе.

— Онь былъ страховыемъ агентомъ.

— Хорошо шли его дѣла?

— До прошлаго года хорошо.

— Въ послѣдніе же мѣсяцы возникли денежныя затрудненія?

— Да.

— Когда совершило преступленіе?

— Въ мартѣ, въ воскресенье.

— Жертва?

— Дальний кузенъ, господинъ Гильомъ, жившій въ Сиренѣ.

— Какая сумма похищена?

— Шестьдесятъ тысячъ, которая

наканунѣ этого кузенъ получила отъ стараго должника.

— Вашъ мужъ это зналъ?

— Да. Въ воскресенье объ этомъ

кузенъ ему сообщилъ по телефону, и Жакъ наставлялъ на томъ, чтобы эти деньги кузенъ не оставлялъ у себя, а положилъ на слѣдующій день въ банкъ.

— Это было утромъ?

— Въ часъ дня. Жакъ какъ-разъ долженъ былъ отправиться къ Гильому на свое мотоциклѣ. Но онъ уѣхалъ и предупредилъ его, что не выѣдетъ. Весь день онъ оставался дома.

— Одинъ?

— Да, одинъ. Обѣ горничны ушли. Я отправилась съ матерью и Дютрейлемъ въ кино. Вечеромъ мы

узнали объ убийствѣ Гильома, а на послѣ обѣда уѣзжалъ на своей мотоциклѣ.

— На основаніи какихъ уликъ?

Несчастная заколебалась. Видимо, улики были подавляющіе. Затѣмъ, по приглашенію Ренина, она сразу все сообщила:

— Убийца отправился въ Сент-Клу на мотоциклѣ. Слѣды мотоциклѣтъ тѣ же, что и слѣды машины моего мужа. Нашили платокъ съ монограммой моего мужа и принадлежащій ему револьверъ. Наконецъ, одинъ изъ нашихъ сосѣдѣй увѣряетъ, что онъ видѣлъ мужа въ три часаѣдущимъ на своей мотоциклѣ, а другой заявляетъ, что мужъ мой вернулся домой въ четырѣ съ половиной часа.

— А какъ оправдывается Жакъ Обріе?

Онъ утверждаетъ, что послѣ обѣда все время спалъ. Въ это время кто-либо могъ воспользоваться его мотоциклѣткой. Платокъ и револьверъ находились въ сумкѣ. Убийца могъ ими воспользоваться.

Эти объясненія правдоподобны.

— Да, но судебнаго власты возражаетъ слѣдующее: никто не знать, что мой мужъ сидѣлъ дома, такъ какъ въ воскресенье онъ всегда съ половиной, — отвѣтилъ онъ съ

дальшѣ?

Молодая женщина покраснѣла и прошептала:

— Въ буфетѣ Гильома убийца опорожнилъ поль бутылки вина. На этой бутылкѣ нашли отпечатки пальцевъ моего мужа.

Казалось, что она сдѣлала послѣдніе усиленіе и продолжать больше не можетъ. Она погрузилась въ глубокую задумчивость, изъ которой не въ состояніи были ее вывести заботы Гортензіи.

Матъ же проговорила:

— Вѣдь онъ же невиновень? Не правда ли? Не могутъ же казнить невиннаго? Вѣдь это значитъ посагать на жизнь моей дочери. О, Боже, Боже! Что мы сдѣлали? Почему судьба настѣнѣ такъ жестоко преслѣдуетъ? Моя бѣдная Мадленъ..

— Она лишила себя жизни, — съ ужасомъ прошептала Дютрейль. Ей не примириться никогда съ мыслью, что Жака гильотинируютъ.. Въ эту ночь она убьетъ себя..

Ренинъ сталъ ходить по комнатѣ.

— Вы ничего не можете сдѣлать?

— спросила его Гортензія.

— Сейчасъ одиннадцать часовъ съ половиной, — отвѣтилъ онъ съ

забоченнымъ видомъ... и завтра утромъ...

— Думаете ли вы, что онъ не виновенъ?

— Я не знаю... я не знаю. Убѣжденіе несчастной такъ твердо и трогательно, что съ нимъ необходимо считаться. Два человѣка, года живущіе другъ возлѣ друга, не могутъ ошибаться въ такой степени... одинъ въ отношеніи другого... и однако!..

Онъ присѣлъ на диванъ и закурилъ сигаретку и выкурилъ ихъ три при полномъ молчаніи окружающихъ. Никто не прерывалъ нити его размышленій. Иногда онъ посматривалъ на часы: каждая минута имѣла значеніе.

Наконецъ онъ подошелъ къ Мадленѣ Обріе, взялъ ее за руку и тихо проговорилъ:

— Не надо убиваться. До послѣдней минуты ничего не потеряю. Я вамъ обѣщаю дѣйствовать до этой послѣдней минуты. Но мнѣ необходимо, чтобы вы успокоились и довѣрились мнѣ.

— Я буду покойной, — сказала она съ убитымъ видомъ.

— И довѣрийтесь мнѣ?

— Я вамъ вѣрю.

— Подождите моего возвраще-

нія. Я вернусь часа черезъ два. Вы отправитесь съ нами, господинъ Дютрейль?

Передъ тѣмъ, какъ сѣсть въ аuto, онъ спросилъ молодого человѣка:

— Знаете-ли вы въ Парижѣ, недалеко отсюда, малопосещаемый маленький ресторанъ?

— Знаю: „Лютесія“. Въ первомъ этажѣ того дома, гдѣ я живу, площадь Тери.

— Отлично! Это вполнѣ подходитъ.

Въ пути они говорили мало. Ренинъ, однако, спросилъ Дютрейля:

— Насколько я помню, номера тѣхъ тысячныхъ билетовъ, которые похищены, извѣстны?

— Да, кузенъ Гильомъ записалъ всѣ шестьдесятъ номеровъ въ своей памятной книжкѣ.

Черезъ мгновеніе Ренинъ прошепталъ:

— Вся разгадка въ этомъ. Гдѣ эти деньги? Найти ихъ, — все понягъ.

Въ ресторанѣ онъ просилъ, чтобы имъ подали завтракать въ отдельной комнатѣ, гдѣ находился телефонъ. Затѣмъ Ренинъ взялъ телефонную трубку и рѣшительно заговорилъ:

(Продолженіе следуетъ).

Помощь плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолженіе, см. № 4-16).

— Алло!.. Прошу дать полицейскую префектуру, барышня... Алло! Алло!.. Префектура?.. Я хочу переговорить съ начальникомъ сѣскной полиціи. Въ высшей степени важное сообщеніе! Говорить князя Ренинъ. Кто у телефона?.. Господинъ секретарь префекта? Отлично. Я уже имѣлъ дѣло съ вашимъ патрономъ и въ разныхъ случаяхъ оказывалъ ему важныя услуги. Онъ долженъ помнить князя Ренина. Сегодня же я могу указать ему мѣсто, гдѣ находятся тѣ шестьдесятъ тысячъ, которыя похищены убѣдѣй Обріе у его кузена. Если мое сообщеніе его интересуетъ, пусть онъ сейчасъ же командруетъ ко мнѣ въ ресторанъ „Лютесія“ инспектора полиціи. Я тамъ буду ждать его съ дамой и господиномъ Дютрейлемъ, другомъ Обріе. Мое почтеніе, господинъ секретары!

Когда Ренинъ повѣсили трубку на мѣсто, онъ замѣтилъ изумленія лица Гортензіи и Дютрейля.

Гортензія спросила:

— Вы знаете? Вы, значитъ, открыли?

— Рѣшительно ничего, — отвѣтѣлъ.

тиль онъ смылся.

— Тогда?

— Тогда я поступлю такъ, какъ будто бы я уже зналъ. Это тоже хороший способъ. Позавтракаемъ, хотите?

Часы показывали безъ четверти часъ.

— Черезъ двадцать минутъ полиція будетъ здѣсь.

— А если никто не явится, — возразила Гортензія.

— Это меня удивило бы. Вѣть если бы я объяснилъ, что Обріе не виновенъ, тогда другое дѣло. Наканунѣ казни безполезно убѣждать этихъ господъ, что приговоренный является жертвой судебной ошибки. А перспектива найти похищенные шестьдесятъ тысячъ его несомнѣнно заинтересуетъ.

— Но вы же не знаете, гдѣ они?

— Дорогой другъ, — позвольте мнѣ такъ называть васъ, — если мы не можемъ объяснить какое либо физическое явленіе, тѣ мы дѣлаемъ гипотезу, согласно которой все необъяснимое явленіе и протекаетъ. Я это и дѣлаю.

— Значитъ, у васъ есть опредѣленная гипотеза?

Ренинъ ничего не отвѣтилъ и ка, которые работали со мной по только въ концѣ завтрака замѣтилъ: этому дѣлу съ самого начала.

— Конечно, у меня есть идея. Будь у меня два-три дня срока, я могъ бы провѣрить эту гипотезу, которая опирается и на мое внутреннее чутье, и на кое-какіе разрозненные факты. Но у меня всего два часа въ распоряженіи. Я пускаюсь по неизвѣстному пути, который долженъ привести меня къ правдѣ.

— А если вы ошибаетесь?

— У меня нѣтъ выбора. Къ тому же поздно. Стучать. Еще два слова: что-бы я ни говорилъ, не опровергайте меня. Вы также, господинъ Дютрейль.

— Онъ открылъ дверь. Въ комнату вошелъ худощавый человѣкъ съ рыжей бородой.

— Князь Ренинъ?

— Это я. Вы по порученію господина префекта, вѣроятно?

— Да.

Вошедший представился:

— Главный инспекторъ Морисо.

— Я очень вамъ благодаренъ за ту посвѣщенность, съ которой вы пришли, — проговорилъ Ренинъ, — какъ я радъ, что именно вѣсь командривали. Я вѣдь знаю ваши удивительные способности, о нихъ мнѣ много рассказывали.

Польщенный инспекторъ поклонился.

— Господинъ префектъ меня командривалъ въ полное ваше распоряженіе. Вину у меня два помощника.

— Это дѣло не затягивается, — объяснилъ Ренинъ, — я не прошу васъ даже сѣсть. Все будетъ конечно въ дѣвь минуты... Вы знаете о чёмъ рѣчъ?

— Дѣло идетъ о шестидесяти тысячахъ, похищенныхыхъ у господина Гильома. Вотъ номера кредитныхъ билетовъ.

Ренинъ пробѣжалъ списокъ и подтвердилъ:

— Совершенно вѣро.

Инспекторъ Морисо имѣлъ очень взволнованный видъ.

— Мой начальникъ придаетъ вашему сообщенію особенное значеніе. Не могли бы вы мнѣ указать...

Ренинъ помолчалъ и затѣмъ объяснилъ:

— Господинъ главный инспекторъ, мои розыски, съ ходомъ которыхъ я вѣсъ сейчасъ познакомлю, привели меня къ выводу, что убѣдѣя, вернувшись на проспектъ Руль и поставивъ мотоциклетку на мѣсто, побѣжалъ затѣмъ бѣгомъ въ Тери и вошелъ затѣмъ въ этотъ домъ.

— Въ этотъ домъ?

— Да.

— Но зачѣмъ?

— Чтобы спрятать плоды своего преступленія, то есть шестьдесятъ тысячныхъ билетовъ.

— Какимъ образомъ? Гдѣ?

(Продолженіе следуетъ).

Помощь плащомъ сатаны

Современный роман.

(Продолжение, см. № 4—17).

— Въ помѣщениіи пятаго этажа, отъ котораго онъ имѣлъ ключъ.

Гастонъ Дютрейль съ изумлѣніемъ восхитилъ:

— Но въ пятомъ этажѣ только одно помѣщеніе, которое я занимаю.

— Именно. А такъ какъ вы были въ кино съ мадамъ Обріе и ея матерью, то воспользовались вашимъ отсутствіемъ.

— Невозможно. Только у меня имѣется ключъ.

— Входя въ и безъ ключа.

— Но я не нашелъ никакихъ слѣдовъ.

Морисъ вмѣшался:

— Позвольте, вы говорите, что похищенные деньги спрятаны въ помѣщениіи г. Дютрейля.

— Да.

— Но такъ какъ Обріе была арестована на слѣдующій день, то деньги должны и теперь тамъ находиться.

— Это и мое мнѣніе.

— Но это же чепуха — со смѣхомъ замѣтилъ Дютрейль, — я бы ихъ нашелъ.

— Развѣ вы ихъ искали?

— Нѣтъ. Но я непремѣнно наткнулся бы на нихъ. Мое помѣщеніе вѣдь крошечное. Хотите посмотретьъ?

— Хотя оно и маленькое, но за прятать тамъ шестьдесятъ кредитныхъ билетовъ всегда возможно.

— Конечно, конечно, проговорилъ Дютрейль, — все возможно. Замѣчу только, что, по моему уѣждѣнію, никто ко мнѣ не входилъ. У меня одинъ ключъ, я самъ убираю комнату, и я не понимаю...

Гортензія также не понимала. Она старалась проникнуть въ мысли князя. Въ концѣ концовъ она предложила.

— Не проще ли всего осмотрѣть помѣщеніе господина Дютрейля. Вы намъ покажете?

— Прошу, — сказала молодой человѣкъ, — дѣйствительно, это проще всего.

Всѣ четверо поднялись въ квартиру Дютрейля. Они очутились въ маленькомъ помѣщеніи, состоящемъ изъ двухъ комнатокъ и двухъ чулановъ. Все тамъ находилось въ образцовомъ порядкѣ. Каждая вещь, каждый стулъ занимали свое определенное мѣсто. У трубокъ была своя этажерка, у спичекъ своя. На трехъ гвоздяхъ рядомъ висели три цапки. На столикѣ передъ окномъ стояла карточка, наполненная тонкой оберточной бумагой. Въ эту карточку Дютрейль бережно уложилъ свою фетровую шляпу... Рядомъ на крышкѣ онъ уложилъ свои перчатки. Онъ дѣйствовалъ, какъ человѣкъ, который любить, чтобы всякая вещь находилась на своемъ мѣстѣ. Какъ только Ренинъ переставилъ кое-какія вещи, вся его фигура выразила нѣмой протестъ: онъ надѣлъ опять шляпу, открылъ окно и облокотился на подоконникъ, точно возмущенный происходящимъ кощунствомъ.

— Вы продолжаете утверждать... — спросилъ инспекторъ Ренинъ.

— Да, да, я утверждаю, что послѣ преступленія деньги были принесены сюда.

— Поницемъ.

Это было легко. Черезъ поль не знаешь, и что онъ идетъ по из-

часа каждый уголь, каждый шкафчикъ были осмотрѣны.

— Ничего, — сказала инспекторъ, — должна ли мы продолжать?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Ренинъ, — деньги исчезли.

— Что вы хотите сказать?

— Я хочу сказать, что ихъ унесли.

— Кто унесъ? Будьте точнѣе.

Ренинъ ничего не отвѣтилъ. Но Гастонъ Дютрейль съ негодованіемъ заговорилъ:

— Господинъ инспекторъ, позовите мнѣ отвѣтить за этого господина. Выходить, что тотъ человѣкъ, который убилъ, похитилъ деньги, спряталъ ихъ здѣсь и затѣмъ перенесъ въ другое мѣсто, — этотъ человѣкъ именемъ я. Вы меня обвиняете въ этомъ преступлении?

Ударивъ себя въ грудь, онъ сталъ кричать:

— Я, я нашелъ деньги и запрягъ ихъ. Вы смыѣте это утверждать?

Ренинъ все еще молчалъ. Дютрейль, обращаясь къ инспектору, продолжалъ:

— Господинъ инспекторъ, я энергично протестую противъ всей этой комедіи. Передъ вашимъ пріѣздомъ князь Ренинъ сказалъ намъ, что онъ по этому дѣлу рѣшительно ничего не знаетъ, и что онъ идетъ по из-

бранныму имъ пути, надѣясь исключительно на случай. Не такъ ли?

Ренинъ сохранилъ полное молчаніе.

— Но говорите же, маконецъ! Объяснитесь. Выскажите же свои предположенія! Легко сказать, что я укралъ, но надо же это доказать. И были ли деньги здѣсь? Кто ихъ сюда принесъ? Зачѣмъ убийца выбралъ именно мое помѣщеніе? Все это лишено всякой логики и безконечно глупо!.. Дайте доказательства.. Хотя бы одно доказательство, одну улику...

Инспекторъ Морисъ недоумѣвалъ. Онъ вопросительно взглянулъ на Ренина, который невозмутимо проговорилъ:

— Всѣ подробности намъ можетъ сообщить г-жа Обріе. У нея имѣется телефонъ. Спустимся внизъ. Сейчасъ мы все узнаемъ.

Дютрейль пожалъ плечами:

— Какъ вамъ угодно, но сколько потерянаго времени!

(Продолженіе следуетъ).

Помощь сатаны

Современный роман.

(Продолжение, см. № 4-19).

Онъ имѣлъ видъ сильно разсерженаго человѣка. Долгое стояніе у окна подъ жгучими лучами солнца вызвало у него испарину. Онъ прошелся по комнатѣ, взялъ со стола графинъ съ водой, выпилъ нѣсколько глотковъ воды и затѣмъ поставилъ графинъ на подоконникъ.

— Идемъ, — сказалъ онъ.

Князь Ренинъ усмѣхнулся:

— Видимо, вы спѣшили покинуть это помѣщеніе.

— Я слышу васъ изобличить, — вразился Дютрель, хлопая дверью.

Они спустились внизъ и вошли въ комнату, где находился телефонъ. Комната была пуста. Ренинъ попросилъ соединить его съ Обріе.

Къ аппарата подошла горничная. Она отвѣтила, что госпожа Обріе послѣ припадка отчайна упала въ обморокъ и сейчасъ спитъ.

— Позвоните ея мать. Говорить князь Ренинъ по крайне важному дѣлу.

Онъ передалъ одну изъ слуховыхъ трубокъ Морису*. Впрочемъ, голоса звучали такъ ясно, что Дютрель и Гортензія могли все слышать совершение отчелтиво.

— Это вы, сударыня?

— Да. Князь Ренинъ? Что вы можете намъ сообщить? Есть еще надежда?

— Разслѣдование даетъ вполнѣ удовлетворительные результаты и вы вправѣ надѣяться. Въ настоящую же минуту мы надо получить отъ васъ очень важную справку. Въ день преступленія Гастонъ Дютрель заходилъ къ вамъ?

— Да, послѣ завтрака онъ зашелъ за мною и моей дочерью.

— Зналъ ли онъ въ эту минуту, что кузенъ Гильомъ только-что получилъ 60.000 франковъ?

— Да, я ему обѣ этомъ сообщила.

— И что Жакъ Обріе, которо-

*) Въ Парижѣ телефономъ имѣютъ для каждого ука отдельную трубку.

му нездоровилось, не совершилъ своей обычной прогулки на мотоциклистѣ и остался дома?

— Да.

— Вы вполнѣ въ этомъ увѣрены.

— Вполнѣ.

— И въ кино вы были втроемъ?

— Да.

— Во время сеанса вы сидѣли все въ рядъ?

— О, нѣтъ! не было свободныхъ мѣстъ рядомъ. Господинъ Дютрель сѣлъ отдельно.

— Съ вашими мѣстъ вы могли его видѣть?

— Нѣтъ.

— Во время антрактовъ онъ подходилъ къ вамъ?

— Нѣтъ, мы его опять увидѣли только при выходѣ.

— По этому поводу у васъ нѣтъ никакихъ сомнѣній?

— Никакихъ.

— Хорошо, сударыня! черезъ часъ я вамъ сообщу о результатахъ моихъ розысковъ. Не будите госпожа Обріе.

— А если она проснется?

— Успокойте ее и обнадежьте. Все идетъ лучше, нежели я предполагалъ.

Онъ повѣсила трубку и со смѣхомъ обратился къ Дютрелью:

— Одноко, молодой человѣкъ, дѣло принимаетъ интересный обогрѣтъ. Какъ вы думаете?

Что означали эти слова? Что было на умѣ у Ренина? Молчаніе было тягостно и жутко.

— Господинъ главный инспекторъ, въ вашемъ распоряженіи здѣсь имѣются люди?

— Даа полицеекъ.

— Очень важно, чтобы они находились налицо. Попросите также хозяина, чтобы насы ни подъ какимъ предлогомъ не беспокоили.

Когда Морис вернулся, Ренинъ закрылъ двери, стоя передъ Дютрельемъ и съ насмѣшкой заявилъ:

— Отъ трехъ до пяти часовъ, молодой человѣкъ, ваши дамы, какъ установлено, вѣсъ не видѣли. Любопытный фактецъ.

— Фактъ довольно естественный, — вразился Дютрель, — который ничего не доказываетъ.

— Онъ доказываетъ, что въ вашемъ распоряженіи находились два добрыхъ часа.

— Ну, да! Я ихъ провѣль въ кино.

— Или въ другомъ мѣстѣ? Да вы могли совершилъ изрядную прогулку, напримѣръ, по направлѣнію въ Сюресы...

— О, — попытался отвѣтить какъ бы призывая его въ свидѣтели.

Когда Ренинъ кончилъ, онъ разсмѣялся.

— Бѣзиколѣпно! славная шутка!.. Значить, соѣди видѣли меня ъдувшимъ и возвращающимся на мотоциклетѣ?

— Васъ; вы преодѣлись въ kostюмъ Обріе.

— И на бутылкѣ въ буфетѣ на мѣстѣ преступленія обнаружили отпечатки моихъ пальцевъ?

— Эта бутылка была открыта жакомъ Обріе у себя во время завтрака; это вы перевезли ее къ кузену Гильому.

— Уморительно! — воскликнулъ Дютрель, какъ бы искренно забавляясь; — выходить, я скомбинировала это преступленіе и умышленно подвѣль подъ овиненіе Жака Обріе?

— Это былъ вѣрнѣйшій способъ, чтобы васъ самого не обвинили.

— Но вѣдь Жакъ мой другъ дѣства.

— Вы влюблены въ его жену. Молодой человѣкъ съ негодованіемъ воскликнулъ:

— Какъ вы смѣетесь.. Такая наглость!

— У меня имѣются доказательства.

(Продолженіе сълѣдуетъ).

— О, — попытался отвѣтить какъ бы призывая его въ свидѣтели.

Когда Ренинъ кончилъ, онъ разсмѣялся.

— Бѣзиколѣпно! славная шутка!.. Значить, соѣди видѣли меня ъдувшимъ и возвращающимся на мотоциклетѣ?

— Васъ; вы преодѣлись въ kostюмъ Обріе.

— И на бутылкѣ въ буфетѣ на мѣстѣ преступленія обнаружили отпечатки моихъ пальцевъ?

— Эта бутылка была открыта жакомъ Обріе у себя во время завтрака; это вы перевезли ее къ кузену Гильому.

— Уморительно! — воскликнулъ Дютрель, какъ бы искренно забавляясь; — выходить, я скомбинировала это преступленіе и умышленно подвѣль подъ овиненіе Жака Обріе?

— Это былъ вѣрнѣйшій способъ, чтобы васъ самого не обвинили.

— Но вѣдь Жакъ мой другъ дѣства.

— Вы влюблены въ его жену. Молодой человѣкъ съ негодованіемъ воскликнулъ:

— Какъ вы смѣетесь.. Такая наглость!

— У меня имѣются доказательства.

(Продолженіе сълѣдуетъ).

— О, — попытался отвѣтить какъ бы призывая его въ свидѣтели.

Когда Ренинъ кончилъ, онъ разсмѣялся.

— Бѣзиколѣпно! славная шутка!.. Значить, соѣди видѣли меня ъдувшимъ и возвращающимся на мотоциклетѣ?

— Васъ; вы преодѣлись въ kostюмъ Обріе.

— И на бутылкѣ въ буфетѣ на мѣстѣ преступленія обнаружили отпечатки моихъ пальцевъ?

— Эта бутылка была открыта жакомъ Обріе у себя во время завтрака; это вы перевезли ее къ кузену Гильому.

— Уморительно! — воскликнулъ Дютрель, какъ бы искренно забавляясь; — выходить, я скомбинировала это преступленіе и умышленно подвѣль подъ овиненіе Жака Обріе?

— Это былъ вѣрнѣйшій способъ, чтобы васъ самого не обвинили.

— Но вѣдь Жакъ мой другъ дѣства.

— Вы влюблены въ его жену. Молодой человѣкъ съ негодованіемъ воскликнулъ:

— Какъ вы смѣетесь.. Такая наглость!

— У меня имѣются доказательства.

(Продолженіе сълѣдуетъ).

Помощь плащомъ сатаны

Современный роман.

(Продолжение, см. № 4—19.)

— Лжец. Я ее уважаю, но...

— Вы ее любите, вы ее жалеете.

У меня есть тому доказательства.

— Ложь! Вы меня едва знаете.

— Я давно уже слышу за вами и ждал только той минуты, когда изобличу вас.

Онъ схватил молодого человека за плечи и рѣзко проговорил:

— Дютрейль, сознавайтесь! У меня есть доказательства налицо. Мои свидѣтели вѣсна ожидаютъ у префекта сыскной полиціи. Сознайтесь же! Вѣдь васъ терзаютъ упреки совѣсти. Вспомните вашъ ужасъ въ ресторанѣ, когда вы прочитали въ газѣтѣ о предстоящей казни Обри. Вы надѣялись, что онъ отѣдѣлъся каторгой... Но гильотина не входила въ ваши планы. Подумайте: завтра казнить невиновнаго! Сознайтесь же!

Онъ всячески старался вырвать у него признаніе, но Дютрейль съ негодованиемъ возразилъ:

— Вы сошли съ ума. Все это вздоръ! Всѣ ваши доказательства ложны. И днемъ у меня вѣдь вы не нашли?

Возмущенный Ренинъ погрозилъ

ему кулакомъ.

— Каналъ! Я тебя все же отдамъ палачу.

Онъ отвѣтъ инспектора въ стопону:

— Каковъ негодяй!

— Возможно... но до сихъ поръ ни одного доказательства.

— Погодите, господинъ Морисо, проговорилъ Ренинъ, — мы увидимся у господина префекта. Не такъ ли?

— Да, онъ будетъ у себя въ три часа.

— Къ этому времени все будетъ выясено. Увидите!

Ренинъ улыбнулся, какъ бы увѣренный въ полномъ своемъ успѣхѣ. Гортензія, находившаяся около него, сказала ему такъ, чтобы другіе не слышали:

— Вы его изобличили? Не правдали?

— Я не подвѣнился пока ни на шагъ.

— Но это же ужасно! А ваши доказательства?

— Нѣтъ и тѣни уликъ. Я надѣялся его смутить. Но онъ, разбѣгникъ, хорошо владѣетъ собою.

— Но вы уѣдѣли, что это онъ?

— Безусловно. Я это чувствую, я въ этомъ вполнѣ сейчасъ увѣренъ.

— И онъ любить госпожу Обри?

— Если логично разсуждать, да. Но все это теоретическая предположенія, не больше. Доказательства нѣтъ. Вѣтъ если бы нашли деньги! Иначе префектъ осмѣтъ меня.

— Тогда... — прошептала Гортензія, чувствуя, что у нея скимаетъ сердце.

Онъ не отвѣтилъ и, съ довольнымъ видомъ, потирая руки, приился ходить по комнатѣ. Казалось, что все шло у него превосходно, именно такъ, какъ онъ и предполагалъ.

— Не отправимся ли мы въ префектуру, господинъ Морисо? Начальникъ вѣшь, вѣроятно, уже тамъ. Все такъ ясно, что дѣло это можно и кончить.

— Господинъ Дютрейль отправится съ нами?

— Почему бы мнѣ и не отправиться, — отвѣтилъ толькъ съ вымысляющимъ видомъ.

Но въ то мгновеніе, когда Ренинъ открылъ дверь, въ коридорѣ послышался шумъ и въ комнату вѣжда хозяинъ въ сильномъ волненіи.

— Господинъ Дютрейль, еще вѣдь! Его квартира въ огнѣ. Кто то это замѣтилъ съ улицы и предупредилъ насъ.

Глаза молодого человека злобно сверкнули. На губахъ его засмѣялись:

— Улыбка, которую Ренинъ подмѣтилъ.

— А, разбойникъ, — вскричалъ онъ, — ты выдалъ себя. Это ты поджегъ свою квартиру и теперь деньги спортишь.

Онъ загородилъ ему дорогу.

— Оставьте меня, — завопилъ Дютрейль, — вѣдь у меня ключъ, никто безъ меня войти не можетъ... Вотъ ключъ... пропустите меня!

Ренинъ вырвалъ у него изъ рукъ ключъ и схвативъ за воротъ, проговорилъ:

— Ни съ мѣста, негодяй! Тешерь то ты попался. Господинъ Морисо, прикажите полицѣйскому слѣдить за нимъ и застрѣлить при попыткѣ къ бѣгству. Полицѣйскій, мы на васъ разсчитываемъ.

Онъ быстро поднялся по лѣстницѣ, сопутствующей Гортензіи и инспекторомъ, который шелъ неохотно и ворчалъ:

— Вѣдь не могъ же онъ поджечь свою квартиру, когда все время находился съ нами,

— Онъ поджегъ заранѣе.

— Но какъ? Но какъ?

— Почемъ я знаю! Но пожаръ самъ собою не вспыхиваетъ въ тѣтъ именемъ момента, когда требуется скотъ изоморфометрирующей бумаги.

Горячка слышалась шумъ. Лакеи ресторана вытащили выломать дверь. Слышался ѡдѣй вибрации гарн.

(Продолжение следуетъ).

Помощь плащомъ сатаны

Современный роман.

(Продолжение, см. № 4—20.)

— Мѣсто, друзья, — воскликнулъ Ренинъ, — у меня ключъ! Онъ открылъ дверь.

Изъ комнаты выползла волна дыма, но Ренинъ сейчасъ же замѣтилъ, что огонь потухъ самъ собою за отсутствіемъ горючаго материала.

— Господинъ Морисо, прикажи-те никому не входить. Все дѣло иначе можетъ быть испорчено. Закройте двери на ключъ.

Они вошли въ первую комнату. Все тамъ закоптѣло отъ дыма, но пламя ничего не тронуло, исключая кучки бумаги, которая горорѣла по срединѣ комнаты передъ окномъ.

Ренинъ ударилъ себя по лбу.

— Какой я оселъ!

— Что такое? — спросилъ инспек-

торъ.

— Картонка отъ шляпы, которая находилась на столикѣ. Онъ тамъ запряталъ деньги. Они тамъ находились во время нашего обыска.

— Невозможно!

— Всегда забывають этотъ трюкъ. Кто могъ подумать, что деньги за-прятаны въ картонку, куда при входѣ разсѣянныи жестомъ кладутъ свою шляпу. Тамъ въ голову не придетъ искать... Хорошо сыграли, господинъ Дютрейль.

Инспекторъ съ недовѣріемъ воз-разилъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно. Онъ былъ съ нами и не могъ про-извѣсти пожара.

— Все было имъ, увѣряю васъ, приготовлено заблаговременно. Картонка... оберточная бумага... деньги — все это было заранѣе пронитано какимъ либо легко воспламеняю-щимся составомъ. Когда мы уходили, онъ туда что-нибудь бросилъ... спич-ку, можетъ быть! Я точно не знаю.

— Но мы бы вѣдь замѣтили, чортъ возьми! И какъ допустить, что онъ такимъ образомъ уничтожилъ 60.000 франковъ — добычу своего преступленія. Если же этотъ тайничекъ былъ столъ хороши, — а

онъ былъ хороши, такъ мы его не открыли, — то зачѣмъ это беспо-лезное уничтоженіе...

— Онъ испугался, господинъ Морисо. Не забывайте, что онъ рискуетъ своей головой. Лучше потерять деньги, нежели познакомиться съ гиль-отиной. Эти деньги были единствен-нымъ доказательствомъ.

Морисо изумился.

— Какъ такъ? Единственнымъ доказательствомъ?

— Ну, конечно.

— Но ваши свидѣтели, ваши улики? Все то, что вы передали префекту?

— Все это блефъ...

— Ну, у васъ и аллюомъ!

— Иначе вы бы мнѣ не помогли.

— Нѣтъ.

— Въ этомъ все дѣло.

Ренинъ наклонился надъ горячей бумагой. Остался только пепель, больше ничего.

— Странно! Какъ онъ умудрился совершилъ поджогъ?

Онъ сосредоточился и сталъ что-то обдумывать. Гортензія, чувствуя, что наступаетъ минута побѣды или пораженія, спросила съ беспокойствомъ:

— Все потеряно?

— Нѣтъ, нѣтъ, — отвѣтилъ онъ

задумчиво, — еще не все потеряно. У меня блеснула сейчасъ лѣчь на-дежды.

— Господи! Если-бы это удалось!

— Не будемъ спѣшить. Это толь-ко опытъ, краснѣйший опытъ, который можетъ удастся...

Онъ помолчалъ и потомъ, щелкнувъ языкомъ, воскликнулъ:

— Молодчина же этотъ Дютрейль! Какой способъ онъ избрѣлъ, чтобы скечь деньги! И какое хлад-ноокровіе! Животное заставило меня пошевелить мозгами. Молодчина!

Онъ взялъ половую щетку, очи-стилъ комнату отъ пепла, затѣмъ изъ сосѣдней комнаты принесъ картонку для шляпы, похожую на ту, которая сгорѣла, поставилъ ее на столикъ и поджегъ бумагу, находя-щуюся внутри.

Вспыхнуло пламя. Ренинъ въ скоромъ времени потушить огонь, вынувъ изъ бумажника нѣсколько кредитныхъ билетовъ, наполовину скжегъ ихъ и затѣмъ уложилъ въ картонку вмѣстѣ съ остаточной со-рѣвной оберточной бумагой.

— Господинъ Морисо, — сказа-валъ онъ, наконецъ, — прошу васъ въ послѣдній разъ оказать мнѣ со-дѣлствіе. Приведите сюда Дютрей-ля. Вы ему скажете слѣдующее:

— Вы разоблачены. Деньги не загорялись. Следуйте за мною.

Инспекторъ, не взирая на некоторое колебание, все же исполнилъ властное требование Ренина. Онъ вышелъ.

Ренинъ повернулся къ молодой женщинѣ.

— Вы понимаете мой боевой планъ?

— Да, но попадается ли Дютрейль?

— Все зависитъ отъ состоянія его нервовъ. Быстрое нападеніе можетъ сбить его съ толку.

— Но если онъ замѣтитъ, что картонка другая?

— Конечно, онъ имѣть некоторые шансы за себя. Онъ очень ловкий парень и можетъ вывернуться. Съ другой стороны, онъ очень взволнованъ. Нѣтъ, нѣтъ, я надѣюсь, что въ послѣднюю минуту онъ сдастся и капитулируетъ...

Они замолчали. Ренинъ не двигался. Гортензія была безконечно взволнована. Дѣло шло о жизни невинной жертвы. Ошибка, неудача... и черезъ двѣнадцать часовъ Жакъ Обрѣ будетъ казненъ. И къ чувству ужаса у нея примѣшивалось чувство жгучаго любопытства. Что сдѣлаетъ князь Ренинъ? Какъ пове-

деть себя Гастонъ Дютрейль? Она переживала минуту высшаго напряженія, минуту громаднаго душевнаго возбужденія.

Послышались шаги. Они приближались, Гортензія взглянула на свое го спутника. Онъ всталъ, вдругъ стремительно подскочилъ къ дверямъ и крикнулъ:

— Скорѣй! Надо кончить!

Два полицейскихъ инспектора и два лакея вошли имѣстѣ съ Дютрейлемъ.

Ренинъ схватилъ его за руку и весело проговорилъ:

— Браво, старина! Ловко придумано съ графиномъ и столикомъ! Только, дружище, ты влопался!

— Что такое? — пробормогаль въ смущеніи молодой человѣкъ.

— Господи! Вся суть въ томъ, что огонь не все уничтожилъ. Онъ иошадилъ запрятанные тобою кредитные билеты. Посмотри! Даже номера остались... Ты можешь ихъ узнать. Теперь ты, старина, окончательно погибы!

Молодой человѣкъ содрогнулся. Глаза его забѣгали. Онъ не послѣдовалъ предложенію Ренина взглянуть на картонку и кредитные билеты, сразу покѣріль ему и съ рѣдѣньями упалъ на стулья.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Помощь сатаны

Современный романъ.

(Продолженіе, с.и. № 4—21.)

Неожиданное нападеніе, какъ наѣхалъ Ренинъ, вполнѣ удалось. Видя, что всѣ его планы разбиты, онъ потерялъ сразу силу сопротивленія и сдался.

Ренинъ не позволилъ ему вздохнуть:

— Правильно, молодчики! Полнымъ чистосердечнымъ признаніемъ ты спасаешь свою голову. Вотъ и перво, чтобы записать твоё сознаніе... А ловко все продѣлано... Особено графинъ съ водой... Прекрасная штука! Вы ставите на подоконникъ большой широобразный графинъ съ водой. Этотъ графинъ выполняетъ роль зажигательного стекла и направляетъ лучи солнца на картонку и заранѣе приготовленную тонкую оберточную бумагу. Черезъ десять минутъ послѣ этого все обѣято плашнемъ. Чудесное изобрѣтеніе, право! И какъ простой! Точно яблоко Ньютона. Когда-нибудь ты вѣроятно замѣтишь, какъ лучи солнца, проходя черезъ графинъ съ водой, зажигаютъ спичку или сухой мохъ. Это обстоятельство породило въ твоей головѣ блестящую идею. Молодчина! Поздравляю тебя! Ну, а теперь

вотъ тебѣ листъ бумаги... пиши: „Я убилъ Гильома...“ пиши же чоргъ вовсімъ!

Ренинъ наклонился надъ Дютрейлемъ и, гипнотизируя его своимъ взглядомъ, заставилъ написать свое признаніе.

— Господинъ инспекторы! Вотъ заявленіе Дютрейля. Не откажите его господину префекту. Всѣ присутствующіе, надѣюсь, подтвердятъ, что Дютрейль сознался въ убийствѣ Гильома.

Затѣмъ онъ обратился ста на смѣшкой къ совершенно подавленному убийцѣ:

— И дуракъ же ты, дружище! Вѣдь и картонка твоя, и деньги согрѣли. А это новая картонка, а полутороглавые кредитные билеты принадлежатъ мнѣ. А ты ничего не понялъ. Въ послѣднюю минуту ты самъ далъ мнѣ единственное доказательство своей виновности. И какое еще: признаніе, написанное въ присутствіи свидѣтелей! Если тебя гильотинируютъ, то ты этого заслуживаешь. Ну, прощай, Дютрейль.

На улицѣ князь Ренинъ попросилъ Гортензію отправиться въ автомобилѣ къ Мадленъ Обрѣ и сооб-

щить ей о происшедшемъ.

— А вы? — спросила Гортензія.

— У меня много разныхъ неотложныхъ дѣлъ.

— Вы отказываете себѣ въ удовольствіи объявить Обрѣ эту радость?

— Ну, подобная удовольствія приѣдѣются. Единственное, что меня интересуетъ, это борьба. Остальное скучно.

Она схватила его за руку и мимоуздышка задержала его руку въ своей. Она хотѣла бы много, много высказать этому удивительному человѣкѣ, который съ такой гениальностью дѣлалъ добро, какъ бы изъ любви къ спорту. Но она не въ силахъ было что-либо сказать. Всѣ эти событія ее безконечно взволновали. Она почувствовала, что въ глазахъ ей стояли слезы.

Онъ поклонился и проговорилъ:

— Благодарю васъ! Я вознагражденъ.

5.

Тереза и Жерменъ.

Послѣдніе дни осени отличались такою мягкостью, что 2-го октября утромъ нѣсколько семействъ, живущихъ въ своихъ виллахъ въ Эгрета, спустились къ берегу моря. Вдали между горами воздухъ былъ такъ чистъ, прозраченъ и извѣненъ, а небо такъ сине и ясно, что все рѣшиительно окутывало дымка поззій, дымка своеобразной прелести.

— Восхитительно! — проговорила Гортензія.

Затѣмъ она добавила:

— И все же не для того мы прѣѣхали сюда, чтобы наслаждаться красотой природы или же заниматься разсужденіемъ вопроса, двѣстактно ли эта громада камней, называемая „Иглой“ была обиталищемъ Арсена Люпена.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Ренинъ, — я согласенъ удовлетворить ваше законное любопытство, хотя бы частично, такъ какъ пока я узналъ еще очень мало по интересующему менѣ вопросу.

— Я васъ слушаю.

— Начну съ маленькаго введенія. Вы понимаете, дорогой другъ, что, дѣлать своимъ ближнимъ дѣло, и долженъ вѣздѣ имѣть друзей, сообщающихъ мнѣ о томъ, когда мнѣ нужно дѣйствовать. Иногда мнѣ сообщаютъ ерунду, на которую я не обращаю вниманія. Но недавно тому назадъ я получилъ отъ своего корреспондента извѣстіе, что онъ перехватилъ по телефону очень любопытный разговоръ. Изъ своей парижской квартиры одна дама бесѣдовала съ однимъ господиномъ, временно живущимъ въ соѣдѣніи съ большимъ городомъ. Название города, фамилия господина, фамилия дамы неизвѣстны. Господинъ и дама говорили по испански, но употребляли наричие, называемое яванскимъ,

(Продолженіе слѣдуетъ).

Помощь плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолжение, см. № 4—22.)

Въ концѣ концовъ изъ перехваченой бесѣды установлено слѣдующее: I) Бесѣдовавшіе — братъ и сестра. Они ожидаютъ третье лицо, состоящее въ бракѣ и желающее какою бы то ни было цѣною получить свою свободу. II) Они условились при помощи газетнаго объявленія встрѣтиться 2 октября. III) Свиданіе это состоится въ концѣ дня во время прогулки по скаламъ, при чѣмъ лицо, желающее освободиться отъ брачныхъ узъ, приведетъ съ собой свою предполагаемую жертву. Вотъ суть этого дѣла. Все страшно занимательно. День тому назадъ утромъ въ одной газетѣ я прочиталъ слѣдующее объявление:

— Сви-е, 2-го окт., полдень, 3—Матильдъ.

Такъ какъ вопросъ шель о скалахъ, то я рѣшилъ что преступленіе совершился на берегу моря. Я знаю, что въ Этрета есть скалы, называемыя „Тремя Матильдами“. Вотъ почему мы здѣсь. Намъ нужно воспрепятствовать выполненію злого намѣренія.

— Вы говорите о возможномъ преступленіи. Вѣдь это же только ваше предположеніе?

— Ничуть. Разговоръ шель о бракѣ одного изъ собесѣдниковъ съ тѣмъ третьимъ лицомъ, о кото-ромъ я упоминалъ. Этому третьему лицу надо освободиться отъ своей пары, которая 2-го октября должна быть сброшена со скалы въ море. Все это строго логично.

Они сидѣли на террасѣ казино

противъ лѣстницы, которая спускалась къ морю. Они видѣли передъ собой на берегу кабинки купающихъ. Передъ этими кабинками четыре господина играли въ бриджъ, а группа дамъ занималась рукодѣльемъ и болтала.

Нѣсколько дальше стояла отдельно закрытая кабинка.

Дѣти съ голыми ногами играли въ водѣ.

— Вся эта благодать и осенняя идилія меня не радуютъ, — сказала Гортензія, — такъ какъ я все думаю о вашемъ сообщеніи. Ужасная загадка!

— Именно ужасная, дорогой другъ! И такъ трудно ее разгадать!

— Что-то произойдетъ?

И она добавила:

— Кому изъ собравшихся здѣсь угрожаетъ опасность? Кто въ числѣ обреченныхъ? Эта ли смѣющаяся блондинка? Или тѣль большой господинъ, который курить? И кто между ними будущій убѣйца? Всѣ эти люди спокойны и веселы, и смерть бродить между ними.

— Отлично! — замѣтилъ Ренинъ, — мнѣ удалось и вѣсъ заинтересовать, увлечь! Я вѣсъ предупреждалъ, что это случится. Вы невольно проникаетесь тѣми таинственными драмами, которые совершаются вблизи вѣсъ. Вамъ хочется раскрыть тайну, добиться разгадки загадочнаго явленія. Съ какимъ, напримѣръ, вниманіемъ вы слѣдите за этой приближающейся супружеской четой? Не они ли это? Можетъ быть, именно

этотъ господинъ намѣренъ уничтожить свою благовѣрную? Или дама хочетъ, наоборотъ, упразднить мужа?

— Д'Имбревали! Ну, это невозможно! Это такое идеальное супружество! Вчера я долго въ гостинице бесѣдовала съ женой, а въ...

— А я игралъ въ гольфъ съ Жакомъ д'Имбревалемъ, этимъ атлетомъ, и игралъ въ куклы съ ихъ двумя прелестными дѣвочками.

Д'Имбревали къ нимъ приблизились, и они обмѣнялись съ ними нѣсколькими фразами. Госпожа д'Имбреваль сообщила, что ея дѣчи вернулись утромъ въ Парижъ со своей гувернанткой. Ея мужъ, здоровенный мужчина съ русой бородой жаловался на жару и держалъ свой фланелевый пиджакъ въ рукахъ.

— Тереза, ключъ отъ кабинки у тебя? — спросилъ онъ свою жену, когда они отошли отъ Гортензіи и Ренина.

— Вотъ онъ, — отвѣтила жена, — ты будешь читать газеты?

— Да, если только ты не предпочитаешь погулять.

— Лучше позднѣе; мнѣ еще надо написать десятокъ писемъ:

— Отлично! Мы взберемся на скалы.

(Продолженіе сълѣдуетъ).

Помощь плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолжение, см. № 4—23.)

Гортензія и Ренинъ переглянулись. Что это значило? Не находились ли они на пути къ раскрытию тайны?

Гортензія попыталась посмѣяться:

— Мое сердце усиленно бѣться: но я не вѣрю такому совпаденію. Она мнѣ какъ-то сказала, что съ мужемъ она ни разу даже не поспорила. Нѣтъ, видимо, они отличаются.

— Мы это увидимъ скоро у Трехъ Матильдъ, если кто-либо изъ нихъ туда пойдетъ.

Д'Имбревали спустился по лѣстнице, а его жена оперлась на перила террасы. У нея была красивая гибкая фигура. Красивыи ея профиль съ нѣсколько выдающимся подбородкомъ ясно обрисовывался. Въ минуты спокойствія лицо носило отпечатокъ какой-то тоски и страданія.

— Жакъ, ты потерялъ что-то, — кинула она мужу, замѣтивъ, что

онъ наклонился надъ гравемъ.

— Да, я выронилъ ключъ.

Она помогла ему въ поискахъ. Скорѣе они исчезли съ глазъ Гортензіи и Ренина. Слѣдъ, возникшій между игроками въ бриджъ, покрылъ ихъ голоса.

Затѣмъ госпожа д'Имбреваль вернулась на лѣстницу и остановилась, глядя на море, а мужъ ея направился къ стоящей отдельно кабинкѣ. По дорогѣ игроки въ бриджѣ обратились къ нему съ просьбой разрѣшить ихъ споръ, но онъ уклонился выскакать свое мнѣніе, прошѣлъ тѣ сорокъ шаговъ, которые отдѣляли его отъ кабинки, открыть ее и вошелъ туда.

Тереза д'Имбреваль поднялась на террасу и, посидѣвъ минуту, дѣясь на скамейкѣ, вышла изъ кабинки. Гортензія замѣтила, что она вошла въ одинъ изъ флигелей, прилагающій къ гостинице, и затѣмъ увидѣла ее на балконѣ своего по-мѣщенія.

— Однинадцать часовъ, — сказала Ренинъ, — я увѣренъ, что кто-нибудь, — онъ или она, или кто-либо изъ этихъ игроковъ, — долженъ сейчасъ отправиться на свиданіе.

Прошло, однако, двадцать минутъ, потомъ двадцать пять и никто не двигался.

— Возможно, что госпожа д'Имбреваль уже пошла; ея на балконѣ нѣгъ, — сказала Гортензія, начиная нервничать.

— Если она у Трехъ Матильдъ, — мы ее тамъ застанемъ.

Она всѣгда въ это время между играющими возникъ новый споръ. Одинъ изъ нихъ воскликнулъ:

— Спросимъ д'Имбревали.

— Хорошо, — согласился другъ, — пусть она будетъ нашимъ посланникомъ, хотя видѣли, сейчасъ, что онъ въ дурномъ настроении. Откажется еще!

Стали звать:

— Д'Имбреваль, д'Имбревали!

Тогда они замѣтили, что д'Имбреваль закрылъ за собой двери кабинки, у которой не было оконъ.

— Онь спить, вѣроятно! Надо его разбудить.

— Д'Имбреваль, д'Имбревали

Всѣ четверо игроковъ направились къ кабинкѣ и постучались.

— Д'Имбреваль, вы спите? На террасѣ Сергѣй Ренинъ вдругъ вскочилъ съ такимъ изволнованіемъ пиджакъ, что Гортензія искуглась. Онъ пробормоталъ:

— Голько бы не опоздать! Не отвѣчая на вопросы Гортензіи, онъ пустился бѣжать по направлению къ кабинкѣ. Онъ подбѣжалъ туда въ тотъ моментъ, когда игроки пытались открыть двери.

— Стойте, — скомандовалъ онъ, — все должно быть сдѣлано по правиламъ.

— Въ чѣмъ дѣло? — спросилъ кто-то.

Черезъ щелочку ему удалось взглянуть внутрь кабинки.

Его стали спрашивать:

— Что тамъ такое? Что вы видите?

Онъ повернулся и сказалъ:

— Я былъ увѣренъ, что, если д'Имбреваль не отвѣчать, то потому, что серьезнѣе происшествіе мѣшило ему сдѣлать это.

— Важное происшествіе?

— Да, надо полагать, что д'Имбреваль раненъ или... умеръ.

— Какъ умеръ! — послышались

крики, — онъ только-что настъ по-
кинуль.

Ренинъ вынулъ перочинный но-
жикъ, взломалъ замокъ и открылъ
двери кабинки.

Послышались крики ужаса. Гос-
подинъ д'Имбреваль лежалъ на по-
лу лицомъ внизъ, судорожно сжи-
мая въ рукахъ газету. Синя его
была вся въ крови.

— О, — сказалъ кто-то, — онъ
себя убили!

— Какъ могъ онъ себя убить? —
вразбралъ Ренинъ. — Рана вѣдь
нанесена въ спину. Да и здѣсь нѣтъ
никакого оружія.

Игроки запротестовали:

— Преступленіе?.. Это же невоз-
можно. Здѣсь никого не было. Мы
бы видѣли.

Сбѣжались дачники со всѣхъ
сторонъ. Ренинъ пустилъ въ кабин-
ку только доктора. Врачъ лишь
удостовѣрилъ, что д'Имбреваль убить
ударомъ кинжала.

Въ этотъ моментъ прибыль мэръ
и полицейскій. Они выполнили нуж-
ные формальности и унесли трупъ.
Кто-то побѣжалъ предупредить же-
ну покойнаго, которая опять появ-
илась на своемъ балконѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

По дѣлающимъ сатаны

Современный романъ.

(Продолженіе, см. № 4—24.)

Итакъ, трагедія совершилась. Не-
возможно было понять, какъ чело-
вѣкъ, запершійся въ кабинкѣ, могъ
быть убитъ почти на глазахъ у де-
сятка свидѣтелей. Вѣдь дверь ка-
бинки оказалась запертою и никто
туда не входилъ. Кинжалъ, кото-
рымъ воспользовался убийца, не
былъ найденъ. Казалось, что это
какой-то фокусъ, а между тѣмъ дѣ-
ло шло обѣ ужаснѣшемъ преступ-
леніи.

Волненіе Гортензія было неопи-
суемо. Впервые за время ея похож-
дений съ Ренинъмъ ей пришлося
такъ близко видѣть совершенное
преступленіе. Она прошептала:

— Какой ужасъ.. Несчастный..
А, Ренинъ, этого вы были безсиль-
ны спасти.. Самое ужасное заключа-
ется въ томъ, что мы могли его спа-
сти, такъ какъ знали о заговорѣ.

Ренинъ даль ей понюхать на-
шатырного спирту и, когда она успо-
коилась, сказалъ ей, одновременно
наблюдая за молодой женщиной:

— Вы, слѣдовательно, полагаете,
что есть связь между этимъ убий-
ствомъ и тѣмъ заговоромъ, о кото-
ромъ мы узнали.

— Ну, конечно, — отвѣтила она
удивленіемъ.

— Значитъ, имѣя въ виду, что
заговоръ задуманъ мужемъ противъ
жены своей или женой противъ мужа,
вы думаете, что госпожа д'Им-
бреваль..

— О, нѣтъ, это невозможно, —
вразбралъ она. Во первыхъ, госпожа
д'Имбреваль не покидала своего по-
мѣщенія.. во вторыхъ, я никогда
не повѣрю, чтобы эта прелестная
женщина была способна на это..

— нѣтъ, нѣтъ, здѣсь нѣчто другое.

— Что же именно?

— Я не знаю... Возможно, что
разговоръ между братомъ и сестрой
по телефону былъ плохо понятъ...
Вѣдь преступленіе совершено въ
другихъ условіяхъ, въ другое вре-
мѧ.. въ другомъ мѣстѣ.

— Значитъ, — замѣтилъ Ренинъ,
— обѣ исторіи не находятся ни въ
какой связи?

— Ахъ, — прошептала она, —
ничего рѣшительно нельзя понять.
Все это такъ странно.

Ренинъ началъ иронизировать:

— Мой ученикъ сегодня не дѣ-
лаетъ мнѣ чести..

— То есть, какъ?

— Судите сами: вся эта драма
развернулась, можно сказать, на ва-
шихъ глазахъ, а вы въ ней ничего
не понимаете и ничего не можете
разгадать. Точно дѣло происходитъ
Богъ знаетъ гдѣ.

Гортензія сконфузилась.

— Что вы говорите! Неужели
вы что-нибудь разгадали? По ка-
кимъ-же признакамъ?

Онъ посмотрѣлъ на часы.

— Я не все помялъ. Преступле-
ніе во всей его внезапности — да!
Но его психологія пока еще мнѣ не
ясна. Сейчай сѣднадцать часовъ.
Братъ и сестра, видя что на санда-
ни къ тремъ Матильдамъ никто не
является, вѣроятно пріѣдуть сюда.
Не думаете ли вы, что мы скоро
тогда распутаемъ все это дѣло и
поймемъ его связь съ убийствомъ
д'Имбреваль?

Они пошли по набережной, вдоль
которой расположились дачи. У од-
ной дачи они замѣтили много лю-
допытныхъ. Два таможенныхъ сол-
дата стояли у входныхъ дверей да-
чи и никого туда не пускали. Че-
резъ толпу быстро пробирался мэръ.
Онъ возвращался съ почты, откуда
телефонировалъ въ Гавръ. Ему от-
вѣтили, что прокуроръ и судебный
слѣдователь въ скоромъ времени
прибудутъ въ Этретъ.

— Мы имѣмъ время, чтобы по-
завтракать, — сказалъ Ренинъ. —
Трагедія не разыграется раньше
двухъ-трехъ часовъ. Думаю, что

выходить очень интересно.

Они поторопились позавтракать.
Гортензія, возбужденная и взволно-
ванная желаніемъ все скорѣй узнать,
засыпала Ренина вопросами. Онъ
отвѣчалъ уклончиво и все погляды-
валъ по направлѣнію набережной, ко-
торая виднѣлась черезъ окна столовой.

— Вы ихъ ожидаете?

— Да, братъ и сестра.

— Вы полагаете, что они риск-
нутъ..

— Вниманіе! Вотъ и они!

Онъ быстро вышелъ.

По главной улицѣ неувѣренными
шагамишли мужчины и женщины,
точно незнакомые съ топографіей
мѣстности. Брать были маленький,
худенький человѣкъ съ автомобиль-
ной фуражкой на головѣ. Сестра,
тоже маленькая, но довольно пол-
ная, хотя и въ лѣтахъ уже, все же
сохранила слѣды своей былой кра-
соты, какъ это можно было замѣ-
тить透过一个面纱.

Они подошли къ собравшейся
группѣ людей. Видимо, оба воли-
вались и беспокоились.

Сестра подошла къ матросу.
Съ первыхъ же словъ, когда, вѣро-
ятно, она услыхала обѣ убийствѣ
д'Имбревала, она вскрикнула и ста-
ралась притиснуться впередъ. Брать
также пробирался въ первые ряды
и обратилъ къ таможеннымъ сол-
датамъ:

(Продолженіе слѣдуетъ).

Помощь сатаны

Современный роман.

(Продолжение, см. № 4—25.)

— Я другъ д'Имбреваль. Вотъ убили?.. Нѣть, это совершенно невозможно! моя визитная карточка... Фредерикъ Астенъ... Моя сестра, Жермена Астенъ, подруга госпожи д'Имбреваль... Они настъ ожидали... У настъ было назначено свиданіе...

Ихъ пропустили. Ренинъ и Гортензія, не говоря имъ ни слова, послѣдовали за ними.

Д'Имбревали занимали во второмъ этажѣ четыре комнаты и гостиную. Сестра бросилась въ одну изъ комнатъ и упала на колѣни передъ кроватью, куда положили убитаго. Въ гостиной сидѣла Тереза. Она рыдала среди нѣсколькоихъ хранящихъ безмолвіе людей. Братья сѣль около нея, схватили ее за руку и проговорили дрожащимъ голосомъ:

— Бѣдный мой другъ... бѣдный мой другъ!

Ренинъ и Гортензія внимательно взглянули на нихъ. Гортензія прошептала:

нѣ откровенны и дать мнѣ необходиимыя дополнительныя свѣдѣнія. Каждая изъ васъ понимаетъ, что находится въ опасности, такъ какъ знаетъ свои злые намѣренія. Но ненависть васъ сейчасъ ослѣпляетъ и я хочу помочь вамъ. Черезъ полчаса слѣдователь будетъ здѣсь. До его прихода вы должны притти къ соглашенію.

Обѣ подскочили какъ-бы подъ ударами хлыста.

— Да, вы должны притти къ соглашенію, — повторилъ онъ еще болѣе довелительно. Добровольно или нѣть, но это должно совершиться. Вы не однѣ являетесь страдающими лицами. У васъ вѣдь двѣ дѣвочки — обратился онъ къ госпожѣ д'Имбреваль. — Я вмѣшиваюсь въ это дѣло, чтобы защитить ихъ и быть имъ полезнымъ. Ошибка, лишнее слово и... онѣ, эти дѣвочки, погибли. Этого не должно быть.

При упоминаніи о дѣтяхъ госпожа д'Имбреваль упала въ кресло и зарыдала. Жермена Астенъ пожала плечами и пошла по направлению къ двери.

— Куда вы идете? — остановилъ ее Ренинъ.

— Меня вызвалъ судебній слѣдователь.

нился къ госпожѣ д'Имбреваль и опять сѣль около нея, обнаруживая живое участіе къ ся горю. Въ концѣ концовъ, переговоривъ съ сестрою въ передней и какъ-будто о чѣмъ-то условившись съ нею, Фредерикъ ушелъ. Все это продолжалось около сорока минутъ.

Въ это время подкатилъ автомобиль съ прокуроромъ и судебнімъ слѣдователемъ. Ренинъ, ожидавшій ихъ прибытия позднѣе, сказалъ Гортензіи:

— Надо поспѣшить. Ни подъ какимъ видомъ не оставляйте госпожу д'Имбреваль.

Предупредили свидѣтелей, чтобы они собрались, а слѣдователь приступилъ къ дѣлу. Опросъ госпожи д'Имбреваль долженъ былъ послѣдовать позднѣе. Всѣхъ постороннихъ удалили. Остались только двѣ сидѣлки и Жермена Астенъ.

Жермена стала на колѣни передъ тѣломъ убитаго и, закрывъ лицо руками, долго молилась. Когда она встала и хотѣла выйти изъ комнаты, къ ней подошелъ Ренинъ.

— Мнѣ, сударыня, надо сказать вамъ нѣсколько словъ.

Она удивилась и отвѣтила:

— Говорите; я васъ слушаю.

— Не здѣсь.

— Гдѣ же?

— Рядомъ, въ гостиной.

— Нѣть, — живо возразила она.

— Почему? Хотя вы и не поздоровались съ госпожой д'Имбреваль, все же думаю, вы ея приятельница?

Онъ не далъ ей времени подумать, увлекъ ее въ гостиную и подоідя къ госпожѣ д'Имбреваль, которая собиралась уйти въ свою комнату, сказалъ:

— Сударыня, умоляю васъ выслушать меня. Присутствіе госпожи Астенъ не должно васъ смущать. Мы должны переговорить, не теряя ни одной минуты, о вещахъ въ высшей степени важныхъ.

Обѣ женщины очутились лицомъ къ лицу, при чемъ ясно было, что одна ненавидѣла другую; эта ненависть читалась въ каждой чертѣ ихъ лицъ. Гортензія, которая раньше думала, что онѣ пріятельницы, видя это, ужаснулась, ожидая, что произойдетъ роковое столкновеніе. Она заставила госпожу д'Имбреваль сѣсть. Ренинъ же сталь на середину комнаты и проговорилъ твердымъ голосомъ:

— Случай, который помогъ мнѣ открыть правду, дастъ мнѣ также возможность васъ обѣихъ счастіи. Но вы должны быть со мной вѣд-

— Нѣть.

— Да, какъ и всѣхъ, кто можетъ что-либо показать.

— Васъ тамъ не было. О проишшедшемъ вы ничего не знаете. Никто ничего не знаетъ объ этомъ преступлѣніи.

— Я знаю, кто его совершилъ.

— Быть не можетъ!

— Тереза д'Имбреваль.

Это обвиненіе было брошено съ жестомъ злобы и ненависти.

— Негодяйка! — вскрикнула госпожа д'Имбреваль, бросаясь къ ней. — Пошла вонъ! Пошла вонъ! Ахъ, какая подлая женщина!

Гортензія пробовала ее успокоить, но Ренинъ тихо сказалъ:

— Оставьте ихъ, я именно этого хотѣлъ... заставить ихъ сдѣлаться и выяснить такимъ образомъ истину.

Госпожа Астенъ, оскорблennая, дѣланно расхохоталась:

— Негодяйка? Почему? Потому, что я тебя обвиняю?

— За все, за все! Ты, Жермена, негодяйка, подлая женщина! Слышишь!

(Продолжение слѣдуетъ).

Падающим сатаны

Современный роман.

(Продолжение, см. № 4—26.)

Тереза д'Имбреваль повторяла оскорбительные слова, точно они приносили ей облегчение. Когда она стала успокаиваться, возможно, что физическая сила изменила ей. Тогда госпожа Астэнг перешла в атаку. Лицо ея сдвинулось неизнаваемым, оно постарело на двадцать лет.

— Ты, ты смешь меня оскорблять послѣ совершенного тобой преступления! Ты рѣшаешься поднимать голову, когда человѣкъ, котораго ты убила, лежитъ тутъ рядомъ. Если кто изъ насъ негодяйка, то это ты, Тереза! Ты убила своего мужа.. Ты убила своего мужа!

Она подскочила къ своей пріятельницѣ и ногти ея рука почти касались ея лица.

— Помѣй сказать, что не ты убила его, — вскрикнула она, — не говори этого, я тебѣ это запрещаю. Кинжалъ въ твоемъ ридикюль. Мой братъ его ощупалъ, когда говорилъ тебѣ о рукояткѣ его оказалась со

слѣдами крови. Это кровь твоего мужа, Тереза. Я сразу все угадала. Когда какой то матросъ мнѣ отвѣтилъ внизу, что убили д'Имбреваль, я сразу же сообразила, что это ты его убила.

Тереза ничего не отвѣчала. Она даже не протестовала. Гортензія по-казалось, что она чувствуетъ свою гибель. Ея лицо посѣрѣло и выражало полнѣшее отчаяніе. Гортензія стала умолять ее защищаться.

— Объясните-же все, умоляю васъ. Во время совершения преступленія вы же находились у себя на балконѣ.. Откуда появился этотъ кинжалъ?.. Какъ объяснить?

— Объясненія! — засмѣялась Жермена Астэнгъ, — она ихъ дать не можетъ. Не въ мелочахъ дѣло, а въ сути. Главное же доказательство — кинжалъ. И это фактъ, что онъ у неѣ въ ридикюль.. Да, да, Тереза, именно ты убѣдала.. Я часто говорила своему брату, что ты убѣешь своего мужа. Фредерикъ,

питавшій къ тебѣ слабость, пробовалъ защищать тебѣ. Но въ сущности онъ предвидѣлъ это событіе. Ужасное преступленіе совершилось. Ударъ кинжала въ спину. Подлая, подлакі.. И я ничего не смѣю сказать, я должна молчать? Но ни у меня, ни у Фредерика нѣть ни малѣйшихъ сомнѣній. Я тебя непремѣнно выдаю. И ты, Тереза, теперь погибла, невозвратно погибла! Ничто не спасетъ тебя. Твой кинжалъ сейчасъ будетъ найденъ слѣдователемъ и на немъ будутъ найдены слѣды крови тобой убитаго мужа. И у тебя также найдутъ его бумажникъ. Да, найдутъ!

Она пылала такой злобой, что не могла продолжать и подбородокъ ея конвульсивно дрожалъ.

Ренинъ тихо сквачилъ ридикюль Терезы д'Имбреваль, но она не хотѣла его выпустить изъ рукъ. Она стала наставлять и сказала ей:

— Предоставьте мнѣ дѣйствовать, сударыня. Ваша пріятельница Жермена права. Если слѣдователь найдетъ у васъ кинжалъ, онъ васъ немедленно арестуетъ. Этого быть не должно. Предоставьте мнѣ свою дѣятельность.

Его мягкий тонъ побѣдилъ сопротивленіе Терезы. Ея пальцы рас-

жались. Она открыла мѣшечекъ-ридикюль, вынула оттуда маленький кинжалъ съ ручкой изъ чернаго дерева и бумажникъ изъ шагреневой кожи и спряталъ обѣ вещи въ боковой карманъ своего костюма.

Жермена Астэнгъ смотрѣла на него съ изумлѣніемъ.

— Вы сумасшедшій! По какому праву?

— Эти вещи нельзя оставлять на виду. Теперь я спокоенъ. Слѣдователь не станетъ искать въ моемъ мараманѣ.

— Но я васъ выдамъ, — возразила она съ возмущеніемъ, — судебная власть будетъ предупреждена.

— Нѣть, нѣть, вы будете молчать, — замѣтила онъ со смѣхомъ.

— Судебной власти ничего совсѣмъ сюда свой носъ. Ваши взаимныя недоразумѣнія должны быть разрѣшены вами же. Какая глупая идея — обращаться по всякому поводу къ судебной власти!

Госпожа Астэнгъ была совершенно поражена.

— Но вы не имѣете никакого права такъ говорить! Кто вы такой? Другъ этой женщины?

— Съ того момента, какъ вы на нее напали,

— Если я на нее нападаю, то потому, что она виновна въ убийствѣ своего мужа...

— Я этого не отрицаю, — спокойно объявилъ Ренинъ, — въ этомъ отношеніи мы сходимся. Жакъ д'Имбреваль, дѣйствительно, убить своей женой, но судебная власть этого знать не должна.

— Она это узнаетъ черезъ меня.. Клянусь.. Эта женщина должна быть наказана.. Она вѣдь убила!

Ренинъ подошелъ къ ней и тронулъ ее за плечо:

— Вы спрашиваете меня, почему я вмѣшиваюсь въ это дѣло? А вы, сударыня, по какому праву, впутываетесь въ эту исторію?

— Я была другомъ убитаго.

— Только другомъ?

Она нѣсколько смущилась, но сейчасъ же возразила:

— Я была его другомъ. Мой долгъ отомстить за него.

— Вы, однако, будете молчать какъ и онъ.

— Онъ то вѣдь не зналъ, кто его убилъ.

— Ошибаетесь. Онъ имѣлъ время передъ смертью выдать свою жену, но этого не сдѣлалъ.

(Продолжение см. въ 27-мъ).

Помощь плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолжение, с.и. № 4—27.)

— Почему?

— Ради дѣтей.

Госпожа Астэнгъ не сдавалась, хотя нравственная сила Ренина подчинила ее. Она поняла, что вмѣшательство Ренина дало опору господѣ д'Имбрель.

— Благодарю вѣсть, — сказала Тереза, — если вы такъ хорошо разгадали, то вы понимаете, что я только ради дѣтей не отдалась въ руки судебной власти. Я, право, такъ устала...

Итакъ, сцена мѣнялась. Получилось такое впечатлѣніе, что виноватая начинала оправляться, а обвинительницу окхватило какое-то беспокойство. Она не находила словъ, чтобы продолжать настаивать на своемъ обвиненіи, тогда какъ другая чувствовала потребность признаніемъ облегчить свое сердце.

— Сейчасъ, — ласково сказала Ренинъ, — я полагаю, что вы можете и должны намъ все объяснить?

— Да, да... — согласилась она,

— я должна отвѣтить этой женщинѣ... Всю правду, не такъ-ли?..

Она заплакала, лицо ея постѣрѣло отъ горя и тихо, короткими

фразами, безъ гиѣва, она заговорила

— Уже четыре года она его любовница.. Какъ я страдала!.. Она сама объявила объ ихъ связи.. по злобѣ!.. Она меня еще больше не навидѣла, нежели любила Жака.. Каждый день она наносила мнѣ новые раны.. часто сообщала мнѣ по телефону о назначенныхъ съ моя стороны свиданіяхъ. Она думала, что такимъ путемъ она доведетъ меня до самоубийства.. Я о немъ думала.. Но дѣти меня отъ него удержали. А Жакъ слабѣлъ, подпадая подъ ея вліяніе. Она требовала, чтобы онъ со мной развелся, и онъ, видимо, шелъ на это. На него и она, и ея братъ, опаснѣйшій человѣкъ, оказывали самое дурное вліяніе, подчинивъ его своей власти.. Жакъ дѣвался со мной съ каждымъ днемъ все жестче.. У него не хватало мужества покинуть меня, но я была для него препятствіемъ къ осуществленію его плановъ. Господи, какіе муки я переживала!

— Надо ему было дать свободу, — вскричала Жермена Астэнгъ, — нельзя убивать человѣка только за то, что онъ хочетъ развестись.

Тереза покачала головой:

— Я не потому убила его, что онъ хотѣлъ развестись. Если бы онъ хотѣлъ развестись, какъ я могла бы удержать его. Но твои намѣренія, Жермена, перемѣнились. Для тебѣ уже не достаточно было развода, ты хотѣла добиться другого.. На эту подлость по слабости характера мой мужъ согласился..

— Что ты хочешь сказать? — проромтотала Жермена.. Чего я добивалась?..

— Мой смерти.

— Ты лжешь, — воскликнула Астэнгъ.

Тереза не повысила голоса и спокойно, невозмутимо повторила:

— Да, ты задумала умертвить меня. Я прочла твои послѣдніе письма, которая онъ забылъ срѣтать. Ихъ было шесть. Тамъ этого страшного слова нѣтъ, но оно чувствуется между строкъ. Я прочла это съ ужасомъ! Мой Жакъ дошелъ до такого мѣрзости.. Но все же я ни одной минуты не думала и послѣ этого убить его. Такіе женщины, какъ я, предумышленно не убиваютъ.. Я это сдѣлала неожиданно, потерявъ голову.. по твоей винѣ, Жермена.

Она вопросительно посмотрѣла на Ренина, точно прося у него защиты.

— Говорите безъязвенно, я беру все на себя.

Она провела рукою по лбу. Страшная сцена оживала въ ея во-

ображеніи и мучала ее.. Жермена Астэнгъ не двигалась, глаза ея выражали смущеніе. Гортензія же съ нетерпѣніемъ ожидала разъясненій этой загадочной тайны.

— Случилось все это позже и по твоей винѣ, Жермена. Я положила обратно бумажникъ въ ящикъ стола и ничего о немъ не сказала мужу. Я не хотѣла сказать ему то, что узнала. Это было такъ ужасно! Но надо было торопиться. Твои письма сообщали о твоемъ прѣвѣтѣ сегодня же... Сначала я хотѣла просто уѣхать. Машиной я захватила этотъ кинжалъ, чтобы защищаться... но когда Жакъ и я пришли на берегъ моря, тогда я готова была умереть... Пусть я умру и весь этотъ кошмаръ этимъ и кончится. Но ради дѣтей я хотѣла, чтобы моя смерть имѣла видъ несчастнаго случая и чтобы Жакъ не обвинили. Вотъ почему твой планъ прогулки по скаламъ былъ для меня подхваченъ.. Паденіе съ вершины скалы вполнѣ естественно... Жакъ меня покинулъ, чтобы идти къ Тремъ Матильдамъ*. По дорогѣ окончо террасы онъ уронилъ ключъ отъ этой кабинки. Я спустилась и помогла ему искать ключъ.

(Продолжение следуетъ.)

Помощь плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолжение, с.и. № 4—27.)

...И вотъ тутъ-то, по твоей именѣ винѣ, Жермена, все это произошло. Изъ кармана у Жака выпали бумажникъ и фотографія. Эту фотографію я тотчасъ же узнала: на ней была изображена я съ моими двумя дѣвочками. Я взяла фотографію и... увидѣла. Ты знаешь, Жермена, я и увидѣла! Вѣсто меня на фотографіи были ты. Ты меня замѣнила своей особой. Одной рукой ты обнимала мою старшую дочь, другая же дѣвочка отѣхала на твоихъ колѣнъяхъ.. Это была ты, Жермена, будущая мать моихъ дѣтей, которая должна была послѣ моей смерти заняться ихъ воспитаніемъ.. Гы! Ты!.. Тогда я потеряла голову. У меня находился кинжалъ. Жакъ наклонился... Я нанесла ему ударъ...

Каждое слово ея исповѣди дышало правдой. И Ренинъ, и Гортензія слушали эту исповѣдь съ чувствомъ глубокаго интереса.

кошмаромъ, воспоминаніе о которомъ проходило.. Я ничего не знала.. до той минуты, когда...

Она остановилась. Рыданія не давали ей говорить.

Ренинъ кончилъ за нее:

— Вы ничего не знали до той минуты, когда пришли вѣсъ предупредить.

— Да... Только тогда я поняла, что именно сдѣлала.. Я почувствовала, что сквозу съ ума и готова кричать: „Это я! Не ищите! Вѣтъ кинжалъ! Я убийца!..“ Я готова была кричать о моей винѣ, какъ вдругъ моего бѣднаго Жака принесли домой.. У него было очень спокойное и доброе лицо.. Я тогда поняла свой долгъ, какъ онъ выполнилъ свой долгъ.. Онъ меня не выдалъ, промолчалъ ради дѣтей. Я тоже рѣшила молчать. Въ этомъ убийствѣ мы оба были виновны, и оба мы были обязаны сдѣлать все, чтобы оно не отразилось на нашихъ дѣтяхъ. Во время своей агоніи онъ ясно понялъ это.. онъ имѣлъ необыкновенное мужество и силу воли послѣ смертельнаго раненія двигаться, отвѣтывать на вопросы и запереться, чтобы умереть. Этими поступками онъ искупилъ всю свою вину предо мною и одновременно пре-

стиль меня, такъ какъ не выдалъ меня.. Это онъ приказывалъ мнѣ молчать и защищаться противъ всѣхъ и особенно противъ тебя, Жермена.

Послѣднія слова она произнесла съ большой твердостью. Она начинала приходить въ себя и, думая о поступкѣ мужа, въ этомъ черпала энергию свою для дальнѣйшей борьбы. Въ присутствіи интриганки, ненависть которой довела ихъ до преступленія и смерти, она готова была на борьбу, воля ея укрѣпилась.

Но Жермена Астэнгъ не признавала себя побѣжденной. Она прослушала свою соперницу съ искаженнымъ отъ злобы лицомъ. Казалось, что ничего не могло смягчить ея сердца и угрозынія совѣсти ее не мучили. Подъ конецъ ея тонкія губы сложились въ улыбку, точно она радовалась тому, что событія принесли такой оборотъ. Ея жертва находилась въ ея власти.

Она медленно поправила шляпу, посмотрѣлась въ зеркало, подудрилась и направилась къ дверямъ.

Тереза бросилась за ней.

— Куда ты идешь?

— Это мое дѣло.

— Къ следователю?

— Возможно.

— Ты не пойдешь.
— Хорошо, я его подожду здѣсь.
— И ты ему скажешь?
— Конечно! Все то, что ты сей-
час сказала по своей наивности.
Все теперь ясно! Ты дала всѣ не-
обходимые разъясненія.

Тереза схватила ее за плечо.
— Да, но я ему еще кое-что
разъясню. Если я погибну, то по-
гибнешь и ты.
— Ты мнѣ ничего не можешь
сдѣлать.
— Я выдамъ тебя, покажу твои
письма.
— Какія письма?
— Тѣ, въ которыхъ говорится
о намѣреніи убить меня.
— Ложь! Эти были просто дру-
жескія письма.
— Эти были письма любовни-
ковъ и соучастниковъ.
— Докажи.
— Они здѣсь, въ бумажнике
Жака.
— Нѣть.
— Что ты говоришь?
— Я говорю, что эти письма
принадлежатъ мнѣ. Я ихъ взяла
обратно.. Вѣрнѣе, мой братъ.
— Ты ихъ похитила, негодяйка,
— воскликнула Тереза, и — ты мнѣ
ихъ отдашь.

— У меня ихъ уже нѣть. Они
у брата.

— Онь мнѣ ихъ вернетъ.
— Онь уѣхалъ.
— Его найти.
— Его — да, но не письма. По-
добные письма уничтожаются.

Тереза пошатнулась и въ отчая-
ніи протянула руки къ Ренину.
Ренинъ проговорилъ:

— Она говорить правду. Я слѣ-
дилъ за поведеніемъ брата. Онъ
вытащилъ письма изъ бумажника и
ушелъ съ ними.

Князь сдѣлалъ паузу и добавилъ:
— Онь захватилъ, во всякомъ
случаѣ, пять писемъ.

Хотя эта фраза была произне-
сена небрежно, но всѣ поняли ея
серьзное значеніе. Обѣ женщины
подошли къ нему поближе. Что онъ
хотѣлъ сказать? Если Фредерикъ
унесъ всего пять писемъ, то гдѣ
же находилось шестое?

— Я думаю, — продолжалъ Ре-
нинъ, — что, когда бумажникъ вы-
палъ у него на берегу моря, то
выпало изъ него это шестое письмо,
а также и фотографія. Д'Имбрэ-
валь поднялъ и письмо и фотогра-
фію.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Помощь шащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолженіе, см. № 4—29.)

— Откуда вы это знаете? — из-
мѣнившимся голосомъ спросила Жер-
мена Астэнгъ.

— Я нашелъ ихъ въ его флан-
гелевской курткѣ, которую повѣсили
около его кровати. Вотъ это письмо.
Оно подписано Жерменой Астэнгъ.
Изъ него видно, что она совсѣмъ
своему любовнику убить жену. Я
даже удивляюсь, что такая ловкая
женщина написала столь неосторож-
ное письмо.

Госпожа Астэнгъ позеленѣла и
такъ смущилась, что даже не пыта-
лась защищаться. Ренинъ продол-
жалъ, обращаясь исключительно къ
ней:

— По моему мнѣнію, вы винов-
аты во всемъ томъ, что произо-
шло. Вы очевидно разорены и,
пользуясь слабостью господина д'Им-
брэвала, хотѣли заставить его на-
ять на васъ женитьбы, несмотря на всѣ
препятствія. Такимъ путемъ вы хотѣли
получить его состояніе. У ме-
ня есть доказательства всѣхъ этихъ
вашихъ низменныхъ расчетовъ. Нѣ-
сколько минутъ послѣ меня вы ста-
ли рѣться въ карманахъ куртки
и такъ властно, какъ бы не до-
убитаго. Я вынулъ оттуда шестое

письмо, но оставилъ въ карманѣ
клошечки бумаги, который вы жадно
искали; они тоже, видимо, выпали
изъ бумажника. Этотъ клошечокъ бу-
маги былъ чекъ, подпісанный д'Им-
брэвalemъ, въ 100.000 франковъ на
имя вашего брата... Свадебный по-
дарокъ, очевидно... На булавки...

Госпожа Астэнгъ это поняла. По-
добные натуры, неукротимы во
время борьбы, пока эта борьба
возможна, въ случаѣ пораженія, лег-
ко сдаются. Жермена была, слиш-
комъ умна, чтобы не понять, что
маленькая попытка къ сопротивле-
нію, лишь ухудшитъ ея положеніе.
Она находилась всѣцѣ въ его
власти. Въ подобныхъ случаяхъ
подчиняются.

Она не пыталась разыграть ко-
мѣдію, или вѣсть въ истерику. Она
подчинилась.

— Я съ вами согласна, — про-
говорила она, — что же вы тре-
буете?

— Уѣзжайте.

— Но если потребуютъ моего
свидѣтельства?

— Вашего показанія не потре-
буется.

— Однако...

— Вы отвѣтите, что рѣшиль-

и ничего по этому дѣлу не знаете.

Она направилась къ выходу. У

порога дверей остановилась и сквозь

зубы прошептала:

— А чекъ?

Ренинъ посмотрѣлъ на госпожу

д'Имбрэвала, которая объявила:

— Пусть чекъ останется у нея.

Мнѣ этихъ денегъ не надо.

Объяснивъ Терезѣ д'Имбрэваль

подробно, что именно она должна

показать слѣдователю, Ренинъ и
Гортензія покинули дачу.

На берегу прокуроръ и слѣдо-
ватель продолжали слѣдствіе, до-
прашивали свидѣтелей и ссыла-
лись между собою.

— Когда я подумаю только, —
замѣтила Гортензія — что у васъ
находятся кинжалъ и бумажникъ
д'Имбрэвала...

— Это вѣрно кажется очень опас-
нѣмъ? — отвѣтилъ онъ со смѣхомъ.
— Мнѣ же это кажется безконечно
смѣшнымъ.

— Вы не боитесь?

— Чего?

— Чтобы васъ не заподозрили?
— Господи! Никто никогда ни о
чемъ не догадается. Мы сейчасъ
расскажемъ судебнѣй власти о томъ,
что видѣли. Это увеличить ея смѣ-
щеніе, такъ какъ мы вѣдь ничего
не видѣли. Изъ осторожности мы
пробудимъ здѣсь дни два, слѣдя
за событіями. Но дѣло конечно! Ни
о чёмъ никто не догадается.

— А вы, однако, все разгадали
съ первого же мгновенія. Какимъ
образомъ?

(Продолженіе слѣдуетъ).

Подъ плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолжение, см. № 4-30.)

— Потому, что вместо того, чтобы прибегать ко всякимъ хитростиамъ, какъ это обыкновенно дѣлаютъ, я сразу правильно ставлю вопросъ и отвѣтъ приходитъ самъ собою. Господинъ входить въ кабинку и тамъ запирается. Черезъ полчаса его находятъ мертвымъ. Никто не входилъ. Что же произошло? Для меня отвѣтъ ясенъ. Не стоять даже голову ломать. Такъ какъ преступление совершено не въ кабинкѣ, то, слѣдовательно, оно совершено раньше: господинъ передъ входомъ въ кабинку былъ смертельно раненъ. И вотъ все для меня ясно! Госпожа д'Имбреваль, которая должна была быть убита сегодня вечеромъ, предупредила это событие. Когда мужъ ея наклонился, она въ привадѣ аффекта убила его. Оставалось искать лишь мотива этого преступления. Когда я познакомился съ этими мотивами, я рѣшилъ защитить ея. Вотъ и вся история!

Наступала вечеръ. Синева не бѣлась дѣлалась темнѣе, море еще болѣе спокойнымъ.

— О чёмъ вы думаете? — спросилъ Ренинъ.

— Я думаю о томъ, — сказала она, — что если бы я вдругъ сдѣлалась жертвой какой-нибудь интриги, то я всегда сохранила бы въ васъ вѣру, въ то, что вы меня всегда спасете, не взирая ни на какія препятствія. Нѣть границъ вашему могуществу.

Онъ тихо прошепталъ:

— Я безгранично хотѣлъ бы вами нравиться.

6.

Фильмъ-разоблачитель.

— Обратите вниманіе на того, который играетъ дворецкаго, — сказала Сергея Ренинъ.

— Въ чёмъ же дѣло? — спросила Гортензія.

Они сидѣли въ кино на бульварѣ. Молодая женщина увлекла туда Ренина, чтобы посмотретьъ одну фильмовую артистку, которая имѣла къ ней близкое отношение. Роза-Андрэ, значившаяся въ афишѣ жирнымъ шрифтомъ, приходилась ей свободной сестрой, такъ какъ ихъ отецъ былъ женатъ два раза. Нѣсколько лѣтъ уже онъ находился въ ссорѣ и даже не пере-

писывались. Очень красавица и гибкая. — Роза-Андрэ сначала безъ успѣха пробовала свои силы на драматической сценѣ, но затѣмъ сдѣлалась известной кино-артисткой. Въ этотъ вечеръ она оживляла своимъ талантомъ и жгучей красотой довольно посредственный фильмъ — «Счастливая принцесса».

Не отвѣчая прямъ, Ренинъ продолжалъ во время антракта:

— Когда я смотрю плохую картину, тогда я угѣшаю себя тѣмъ, что наблюдаю за второстепенными исполнителями. Какъ часто эти бѣдяя, которыхъ заставляютъ двадцать разъ повторять одно и то же, во время окончательной съемки думаютъ совершенно о другомъ. Любопытно наблюдать ихъ именно въ подобные моменты. Напримѣръ, вотъ этотъ дворецкій...

Экранъ представлялъ роскошно сервированный обѣдній столъ, за которымъ сидѣла «Счастливая принцесса», окружная своями вѣдѣхателями. Полдюжины лакеевъ прислуживали, руководимы большими дворецкими съ толстыми вульгарными лицами, у которыхъ обѣ брови соединились въ одну линію.

— Это голова животнаго, — сказала Гортензія, — что вы въ немъ нашли?

— Посмотрите только, какъ онъ поглядываетъ на вашу сестру...

— Пока я ничего не замѣчаю — возвѣшила Гортензія,

— Взглядите только, какъ взглѣдъ онъ бросаетъ на вашу сестру, и не слишкомъ ли часто онъ смотритъ на нее?

— До сихъ поръ, право, я ничего не замѣтила, — возразила Гортензія.

— А я замѣтилъ, — продолжалъ князь, — для меня ясно, что въ дѣйствительной жизни онъ питаетъ къ вашей сестрѣ чувства, не имѣющія ничего общаго съ его ролью дворецкаго. На экранѣ, когда онъ за собой не наблюдаетъ или думаетъ, что за нимъ не сдѣлать, его секретъ прорывается наружу. Да вотъ, смотрите...

Дворецкій не двигался. Обѣдъ кончался. Принцесса пила изъ кубка шампанскаго, а онъ сдѣлилъ за нею жадными глазами, покрытыми тяжелыми вѣками.

Еще разъ два они подѣмѣли подобные взглѣды, которымъ Ренинъ придавалъ особенное значеніе. Гортензія съ нимъ не соглашалась.

— Онь всегда такъ смотрѣтъ, это чловѣкъ, — сказала она.

Картина кончалась. Въ програмѣ значилось, что послѣ первой картины прошелъ годъ и «Счастливая принцесса» живѣтъ въ красивой нормандской хижинѣ, уточнющей въ цѣлахъ, съ избраникомъ своего сердца — незадачливымъ музыкантомъ, котораго она выбрала себѣ въ супруга.

(Продолжение следуетъ).

Подъ плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолжение, см. № 4-31.)

Она была попрежнему счастлива и привлекательна. Около нея вѣялся рой ухаживателей. Среди всякихъ дворянъ, крестьянъ, горожанъ и банкировъ выдѣлялся волосатый полуудицкий дровосѣкъ, который часто попадался ей во время ея прогулокъ. Вооруженный топоромъ, страшный и зловѣштій, онъ бродилъ вокругъ хижинъ и чувствовалъ, что ужасная опасность угрожаетъ счастливой принцессѣ.

— Смотрите, смотрите, — прошепталъ Ренинъ, — знаете, кто это дровосѣкъ?

— Нѣть.

— Дворецкій нашъ. Взяли одногодъ и того же исполнителя для обѣихъ ролей.

И дѣйствительно, не взирая на гrimъ и всѣ происшедшія перемѣны, подъ оболочкой дровосѣка все же можно было обнаружить прежнаго дворецкаго, такъ какъ сохранились и животное выраженіе лица его и соединенія въ одну линію бровей.

Принцесса вышла изъ своей хижинѣ. Дровосѣкъ спряталъ за кустами и подстерегъ ее. Отъ зре-

мени до времени экранъ показывалъ въ увеличенныхъ размѣрахъ его кровожадные глаза и огромныя руки убийцы.

— Я боюсь его, — сказала Гортензія, — онъ ужасенъ въ своей реальности.

— Это потому, — отозвался Ренинъ, — что онъ вполнѣ вошелъ въ свою роль. Вѣда прошло три мѣсяца со дня съемки первой картины. За эти три мѣсяца любовь его сильно развилась. Онъ ожидаетъ ее принцессу, а Розу-Андрэ.

Чловѣкъ присѣлъ. Жерта приблизилась, ничего не подозрѣвая. Она прошла дальше, услыхала шумъ, остановилась и сначала съ ульбкой. За это время со страхомъ начала оглядываться. Дровосѣкъ вылѣзъ изъ кустовъ и устремился къ ней.

Такимъ образомъ они очутились лицомъ къ лицу.

Онъ открылъ объятія, чтобы схватить ее. Она пыталась закричать, позвать на помощь, но была не въ силахъ это сдѣлать. Онъ схватилъ свою жертву, взвалилъ ее на плечи и бросился бѣжать.

— Ну, что — уѣдѣлись? — проговорилъ Ренинъ. — Развѣ вы думаете,

что этотъ второстепенный исполнитель могъ бы все это продѣлать съ такой энергией, если бы дѣло шло о другой женщины?

Тѣмъ временемъ дровосѣкъ прибѣжалъ къ берегу большой рѣки. Онъ положилъ тѣло безжизненной Розы-Андрэ въ старую лодку и отчалилъ отъ берега.

Затѣмъ онъ причалилъ у опушки лѣса и унесъ принцессу къ пещерѣ, входъ которой онъ принялъ на себѣ.

Затѣмъ слѣдовала развязка: борьба между чловѣкомъ-животнымъ и женщиной. Въ ту минуту, когда сопротивленіе ея было сломлено, врывается мужъ и выѣѣломъ убиваетъ насилиника... чловѣка-зѣвра.

Они вышли изъ кино въ четыре часа. Они пошли пѣшкомъ, а автомобиль Ренина слѣдовалъ за ними. Послѣ долгаго молчанія, которое нѣсколько обезпокоило Гортензію, Ренинъ спросилъ ее.

— Вы любите свою сестру?

— Да, очень.

— Однако, вы на нее сердиты?

— Это прошло. Я ее ревновала къ моему мужу. Признаться, безъ всякаго повода. Почему вы меня обѣ этомъ спрашиваете?

— Я самъ не знаю... Этотъ фильмъ меня преслѣдуѣтъ, выраженія лица этого чловѣка было такое странное!

Она взяла его за руку и живо вскликнула:

— Говорите же! Что вы подозрѣваете?

— Что я подозрѣваю? Все и ничего. Но я думаю, что ваша сестра въ опасности.

— Простое предположеніе.

— Да, предположеніе, основанное на фактахъ. По моему, сцена похищенія изображаетъ не нападеніе дровосѣка на «Счастливую принцессу», а нападеніе актера на женщину, которую онъ давно желаетъ сдѣлать своей. Конечно, все прошло по сценарию. Только Роза-Андрэ могла замѣтить кое-что. И я также ясно видѣла, стъ какой страстью склонились руки этого чловѣка, какіе взглѣды бросали онъ на свою жертву, которую онъ предпочелъ бы убить, нежели отдать другому.

Я уѣждѣнъ, что во время этой сцены субъектъ этоѣѣтъ быть готовъ на все, даже на убѣйство!

— Но уже прошло столько времени, — возразила Гортензія, — теперь, слѣдовательно, опасность миновала.

— Конечно, конечно... и все же я хотѣлъ бы получить кое-какія справки.

— Гдѣ?

— У того общества, которое «вергѣло» фильмъ. Вотъ контора этого учрежденія. Войдите въ автомобиль и подождите меня нѣсколько минутъ.

(Продолжение следуетъ).

Помощь плащомъ сатаны

Современный роман.

(Продолжение, см. № 4-32.)

Онъ позвалъ шоффера и ушелъ. Гортензія не была согласна съ Мондіаль Ренинъ. Ей казалось, что актеръ просто хорошо исполнилъ свою роль. Она думала, что воображение увлекло Ренина.

— Ну, — сказала она, съ отвѣтъ: — Возможно, — отвѣтилъ онъ съ изумлениемъ видомъ.

Она тоже забеспокоилась:

— Что вы говорите?

Она все рассказала однімъ духомъ:

— Этого человека зовутъ Дальбрекомъ. Это очень своеобразное, угрюмое, замкнутое существо, которое всегда держалось отдельно отъ своихъ товарищъ. Не замѣти, чтобы онъ ухаживалъ за вашей сестрой. Однако, онъ такъ отличался во время „вертѣнія“ второго эпизода, что его пригласили для участія въ новой фільмѣ. Съемка производилась въ окрестностяхъ Парижа. Имъ были доволы, какъ вдругъ случилось нечто неожиданное. Въ пятницу, 18-го сентября, въ одно пре-

красное утро онъ вломалъ гаражъ автомобильного общества Мондіаль и укатилъ на прекрасной машинѣ, захвативъ также 25.000 франковъ. Была подана жалоба. Автомобиль нашли въ воскресенье въ окрестностяхъ Дрэ.

Гортензія съ изумлениемъ испу-
гомъ замѣтила:

— Пока... никакой связи...

— Связь есть. Я узналъ, что Ро-
за-Андрэ, ваша сестра этимъ лѣтомъ путешествоvalа. Затѣмъ она про-
жила двѣ недѣли въ департаментѣ Л’Эрѣ въ своемъ имѣніи „Счастли-
вая принцесса“. Ее пригласили въ Америку. Она вернулась въ Парижъ, сдала свой багажъ на вокзалѣ С. Лазаря и 18-го сентября уѣхала, чтобы переночевать въ Гаврѣ. Па-
роходъ отходилъ въ субботу.

— Въ пятницу, 18-го, — прошеп-
тала Гортензія, — въ тотъ же день, какъ и этотъ человѣкъ... Онъ ее похитилъ...

— Мы это узнаемъ, — сказала Ренинъ, — отправимся въ контору За-
атлантическаго общества.

Въ этотъ разъ Гортензія сопро-
вождала Ренина и сама наводила справки.

Скоро всѣ справки были даны: Роза-Андрэ заказала для себя каюту на пароходѣ „Ла Провансъ“, но пароходъ ушелъ въ море безъ пассажирки, которая своевременно не явилась. На слѣдующій же день въ пароходной конторѣ за под-
писью Розы-Андрэ была получена телеграмма, въ которой сообщалось, что она опоздала и просила сохра-
нить ея багажъ. Телеграмма была послана изъ Дрэ.

Гортензія вышла на улицу глубоко взволнованная. Казалось, об-
стоятельства указывали на какое-то покушеніе. Все складывалось небла-
гоприятно, какъ это и почувствовалъ Ренинъ.

Затѣмъ они пересѣкли весь Па-
рижъ. Она вышла, она же осталась въ автомобиль.

— Прошу, — сказала она, — откры-
вай дверцы.

— Что-нибудь новое? Вась при-
няли? — озабоченно спросила она.

— Я не стремился быть прини-
маемъ. Я хотѣлъ только встрѣтиться съ инспекторомъ Морисо, котораго

мы однажды прислали, чтобы помо-
чь въ дѣлѣ Дютрейля.

Если полиція что-либо извѣстно, то мы

узнаемъ все черезъ него.

— Вы нашли его?

— Сейчай онъ въ томъ малень-
комъ кафѣ, которое виднѣется тамъ

на площади.

Они вошли въ кафѣ и сѣли за

столикъ, за которымъ главный ин-
спекторъ.

инспекторъ читалъ газету. Онъ ихъ
тотчасъ же узналъ. Ренинъ пожалъ
ему руку и безъ вступленія сказълъ:

— Я хочу сообщить вамъ объ
интересномъ дѣлѣ, въ которомъ
вы можете отличиться. Но, быть мо-
жетъ, вы уже в курсѣ этого дѣла...

— Какое дѣльце?

— Дальбрека!

Казалось, что Морисо удивился.
Съ изумлениемъ колебаниемъ осто-
роожно заговорилъ:

— Да, я знаю... газеты говорили
объ этомъ... кражу автомобиля...
25.000 франковъ похищено. А завтра
газеты заговорятъ объ открытии,
которое удалось сдѣлать сыскной
полиціи. Дальбрекъ, оказывается,
въ прошломъ году убиль ювелира
Бурга.

— Дѣло идетъ о другомъ, — про-
говорилъ Ренинъ.

— О чѣмъ же?

— О похищении, совершенномъ
имъ 19-го сентября.

— А, вы уже знаете?

— Да, я знаю.

— Въ такомъ случаѣ, — объявилъ
инспекторъ — я вамъ все объясню.
Въ субботу, 19-го сентября, дѣйст-
вительно, среди бѣла дня одна дра-
ма на улицѣ была похищена тремя
бандитами и увезена въ автомобиль.
Газеты сообщали объ этомъ случаѣ,
не давая именъ ни жертвъ, ни по-
хитителей, такъ какъ эти имена не
были имъ извѣстны.

(Продолжение следуетъ.)

Помощь плащомъ сатаны

Современный роман.

(Продолжение, см. № 4-33.)

Только вчера мы удалось уста-
новить личность одного изъ банди-
тov въ Гаврѣ. Это лицо похищено
25.000 франковъ, и автомобиль, и
молодую женщину. Фамилия его —
Дальбрекъ. Что же касается моло-
дой женщины, то — кто она, узнать
не удалось.

Гортензія не прерывала инспек-
тора. Когда онъ кончилъ, она вздох-
нула:

— Это ужасно... Несчастная по-
гибли... и нѣтъ надежды...

Обращаясь къ Морисо, Ренинъ
объяснилъ:

— Жертва является сводной се-
строй этой дамы... Похищена знаме-
нитая фільмовая артистка Роза-
Андрэ.

Въ нѣсколькохъ словахъ онъ
сообщилъ Морисо о своихъ подо-
врѣньяхъ, когда они смотрѣли фільмъ
„Счастливая принцесса“, и раска-
зывалъ о своихъ разсѣдованіяхъ.

Вокругъ маленькаго столика во-

дворилось продолжительное молча-
ние. Главный инспекторъ, поражен-
ный и въ этотъ разъ проницатель-
ностью Ренина, ожидая, что онъ
скажетъ. Гортензія же умоляла его
взглядомъ, точно прося сразу же
проникнуть въ эту тайну.

Онъ спросилъ Морисо:

— Три человѣка совершили по-
хищеніе?

— Да.

— Ихъ было трое въ Дрэ?

— Нѣтъ. Въ Дрэ напали на

сѣдѣльную мастерскую.

— Дальбрека?

— Не думаю. Его личность не

установлена.

Ренинъ подумалъ нѣсколько мгно-
вений и затѣмъ разложилъ на столѣ
большую дорожную карту.

Послѣдовало новое молчаніе,
послѣ которого онъ обратился къ
инспектору:

— Вы оставили своихъ товари-
щъ въ Гаврѣ?

— Да, двухъ инспекторовъ.

— Можете ли вы имъ протеле-
фонировать сегодня же вечеромъ?

— Да.

— И попросить, чтобы въ ваше
распоряженіе дали еще двухъ ин-
спекторовъ.

— Да.

— Тогда приходите завтра въ
дѣвнадцать часовъ...

— Куда?

— Сюда.

Онъ отмѣтилъ пальцемъ точку
на картахъ, которая была обозначена
такъ — „Дубъ въ кадѣ“. Это мѣсто
находится въ лѣсной чаѣ Бретон-
скаго лѣса въ департаментѣ Л’Эрѣ.

— Здѣсь, — повторилъ онъ, — имен-
но здѣсь въ вечеръ похищена Даль-
брекъ искать для себя убѣжища.
До завтра, господинъ Морисо. Будь-
те аккуратны. Пять человѣкъ не
слишкомъ много, чтобы овладѣть
подобнымъ человѣкомъ-авѣремъ.

Инспекторъ не обнаружилъ при-
знаковъ удивленія, хотя этотъ все-
вѣдущій субъектъ его нарядно по-
ражалъ. Онъ заплатилъ по счету,
приложилъ по военному руку къ
своему головному убору и прого-
ворилъ:

— Мы будемъ на мѣстѣ.

На слѣдующій день въ восемь

часовъ утра Гортензія и Ренинъ по-

кинули Парижъ въ помѣстительномъ
лимузинѣ, которымъ управлялъ Клем-
онъ, шофферъ Ренина. Путешес-
твие было молчаливое. Гортензія не
взиряя на всю вѣру во всемогущество
Ренина, провела очень плохую
ночь и съ томительнымъ беспокой-
ствомъ думала объ исходѣ пред-
приятія.

Они приближались къ цѣли свое-
го путешествія. Она спросила его:

— Какія у васъ данные, что онъ
увезъ ее въ этотъ лѣсъ?

Онъ опять разложилъ на колѣ-
няхъ дорожную карту и объяснилъ
ей, что если провести прямую лин-
ию отъ Гавра до Дрэ, гдѣ былъ
найденъ автомобиль, то эта линія
дойдетъ до западной опушки Бретон-
скаго лѣса.

— Намъ уже извѣстно, что въ
Бретонскому лѣсу была снята кар-
тина „Счастливая принцесса“. И
вотъ вопросъ разрѣщается такимъ
образомъ: Дальбрекъ, вѣроятно, въ
субботу, проѣзжая мимо лѣса, рѣ-
шилъ тамъ скрыть свою жертву.

(Продолжение следуетъ.)

Помощь плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолжение, см. № 4—34.)

Оба же сообщника вернулись въ Парижъ. Гротъ-пещера находится именно тутъ. Какъ не воспользоваться этимъ? Въдь нѣсколько мѣсяціевъ тому назадъ, когда снимали фильмъ, онъ отнесъ туда любимую женщину. Для него это приключение фатальнымъ образомъ опять начинилось. Но сейчашъ это не игра, а реальность... Роза-Андрэ его пльница. Помощи ожидать нѣть. Лѣсъ огромный и никого кругомъ нѣть. Этой ночью или въ слѣдующую ночь Роза-Андрэ должна ему отдаться.

Гортензія вздрогнула.

— Или она умретъ. О, Ренинъ, мы прибудемъ слишкомъ поздно.

— Почему?

— Подумайте... три недѣли... Не думаете-ли вы, что онъ держитъ ее тамъ въ заключеніи?

— Не думаю. Мѣсто это находится на перекрестьѣ дорогъ и не очень надежное. Но мы тамъ, вѣро-

ятно, найдемъ кое какія указанія.

Они позавтракали и проникли въ густой Бретонскій лѣсъ, полный средневѣковыхъ воспоминаній. Ренинъ, хорошо знакомый съ лѣсомъ, направилъ автомобиль къ знаменитому дубу, вѣтки которого образовывали какъ-бы широкую кадку. Не дѣжная отъ дерева, оставилъ машину, они пошли пѣшкомъ. Тамъ ихъ ожидалъ Морисъ съ четырьмя внушительного вида молодцами.

— Идемъ, —сказалъ Ренинъ, — гдѣ тамъ въ чащѣ деревьевъ.

Они легко нашли его. Сваленые скалы прикрывали его входъ, оставляя узкій проходъ между густыми кустарниками.

Ренинъ вошелъ въ гротъ-пещеру и при помощи электрическаго фонарика освѣтилъ ее. На стѣнахъ виднѣлись разные надписи и рисунки.

— Ничего не видно, —сказалъ онъ Гортензія и Морису, — но вотъ доказательства, которыми я искать. Если Дальбрека привело сюда вос-

поминаніе о фильме, то помнила о фильме и Роза-Андрэ. Въ „Счастливой принцессѣ“ героиня, когда ее похитили, по дорогѣ ломаетъ вѣточки, чтобы указать путь своимъ спасителямъ. Посмотрите, здѣсь съ правой стороны у входа также можно замѣтить только что сломанный вѣточекъ.

— Пусть такъ, —согласилась Гортензія, — но вѣдь прошли три недѣли и съ того времени...

— Съ того времени ваша сестра запрятана, вѣроятно, въ болѣе наѣдное мѣсто.

— Или она умерла и погребена подъ грудой сухихъ листьевъ.

— Нѣть, нѣть, —возразилъ Ренинъ, — топия ногой, —невѣроятно, чтобы этотъ человѣкъ все это проѣдалъ ради какого-то безсмысличного убийства. Онъ вооружился терпѣніемъ. Онь, вѣроятно, хотѣлъ овладѣть своей жертвой путемъ угрозъ, путемъ голода...

— Тогда?

— Будемъ искать.

— Но гдѣ?

— Будемъ руководствоваться, чтобы выйти изъ этого лабиринта, фильма „Счастливую принцессу“, или вѣрѣ въ госпожу Розу-Андрэ, которой принадлежитъ усадьба, Красотка.

Сена отсюда въ километрѣ разстоинія. Спустился къ Сенѣ.

Они отправились дальше. Ренинъ сѣдовѣлъ безъ колебаній, какъ хорошая гончая по слѣдамъ. Они приближались къ группѣ домовъ на берегу рѣки. Ренинъ направился къ домуку перевозчика и стала его разспрашивать.

Произошелъ быстрый діалогъ. Три недѣли тому назадъ перевозчикъ замѣтилъ исчезновеніе одной изъ принадлежащихъ ему лодокъ. Она отыскала ее черезъ нѣкоторое время въ поль мили ниже.

— Въблизи хижинъ, гдѣ эти мѣсяцы снимали кино-фильмъ? — спросила Ренинъ.

— Да.

— Именно здѣсь высадили на берегъ похищенную женщину?

— Да. „Счастливую принцессу“, или вѣрѣ въ госпожу Розу-Андрэ, которой принадлежитъ усадьба, Красотка.

— Въ настоящее время домъ открытъ?

— Нѣть. Владѣлица мѣсяцъ тому назадъ, все заперевъ, уѣхала.

— Есть тамъ сторожъ?

— Никого.

Ренинъ повернулся къ Гортензіи:

(Продолжение следуетъ).

Помощь плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолжение, см. № 4—35.)

— Никакого сомнѣнія! Это та самая, которую онъ для нея избралъ.

Охота продолжалась. Они пролѣдовали по берегу Сены, стараясь не шумѣть. Наконецъ, передъ ними обрисовалась усадьба „Красотка“, окруженнаго густой живой изгородью. Гортензія и Ренинъ узнали хижину „Счастливой принцессы“. Окна были забиты, дорожки заросли травою.

Они просидѣли тамъ въ кустахъ около часу. Инспекторъ началъ проявлять признаки нетерпѣнія. Молодая женщина начинала сомнѣваться, что ея сестра находится здѣсь въ заключеніи. Но Ренинъ увѣрялъ:

— Она здѣсь, говорю я вамъ. Это математически вытекаетъ. Дальбрекъ безусловно выбралъ это мѣсто, чтобы сломить ея волю. Онъ надѣется въ этой хорошо знакомой обстановкѣ сдѣлать ее болѣе послушной.

Вдругъ послышались шаги. По здѣсь. Не надо позволять этому бандиту.

дорогѣ показалась фигура. Лица ея нельзя было разглядѣть. Но та же походка, весь обликъ были именно того человѣка, котораго Ренинъ и Гортензія видѣли на фильме.

Такъ, въ двадцать четыре часа на основаніи неясныхъ указаній Ренинъ при помощи простыхъ разсуждений дошелъ до разгадки цѣлой драмы. И Ренинъ и Дальбрекъ дѣствовали и находились подъ вліяніемъ фильма.

Дальбрекъ былъ одѣтъ бродягой въ старый заплатанный костюмъ. За плечами его были мѣшокъ, откуда высывалось горлышко бутылки и краюшка хлѣба. Въ рукахъ онъ держалъ топоръ.

Онъ проникъ въ усадьбу, прошелъ въ садъ и приблизился къ дому.

Ренинъ задержалъ за руку Мориса, который хотѣлъ броситься впередъ.

— Но почему? — спросила Гортензія.

— Вдругъ послышались шаги. По здѣсь. Не надо позволять этому бандиту.

диту войти въ домъ... Иначе...

— Пусть! Главное — спаси мою сестру.

— А если мы прибудемъ слишкомъ поздно, чтобы ее спасти? Придя въ бѣшенство, она можетъ ее убить на мѣстѣ ударомъ топора.

Они стали ждать. Прошелъ еще цѣлый часъ. Бездѣствие ихъ раздражало. Гортензія временами плачала. Но Ренинъ настаивалъ на своемъ, и всѣ ему подчинились.

День близился къ закату. Уже первая ночная тьма покрыла яблони. Вдругъ открылась парадная дверь дома. Раздались крики ужаса и одновременно побѣды. Изъ дома выскочилъ человѣкъ. Онъ держалъ въ рукахъ крѣпко прижимая къ груди, женщину.

— Онь... и Роза — прошептала Гортензія. — О, Ренинъ спасите еел...

Дальбрекъ бросился бѣжать черезъ лѣсную чащу, какъ сумасшедший, хохоча и воя дикимъ голосомъ; не взирая на свою ношу, онъ совершилъ громадные скакчи, напоминая дикое животное, опьяненное страстью и жаждой крови. Свободной рукой онъ взмахнулъ топоромъ, блеснувшимъ въ наступившей темнотѣ... Роза страшно кричала. Онъ вдругъ подбѣжалъ къ

колодцу и протянулъ руки, какъ бы желая бросить въ колодецъ молодую артистку.

Наступило страшное мгновеніе. Неужели она приведетъ въ исполненіе свое ужасное намѣреніе? Но, видимо, онъ хотѣлъ лишь попугать молодую женщину, чтобы заставить ее быть послушной. Загѣмъ человѣкъ съ ношей вернулся опять въ домъ. Раздались звуки задвигаемаго затвора.

Удивительное дѣло! Ренинъ не двинулся съ мѣста. Онъ остановилъ агентовъ, готовыхъ броситься въ домъ... Гортензія, скавтывъ его за платье, стала умолять:

— Спасите же еел... Это сумасшедший... Она ее убьетъ... Я васъ умоляю...

Въ эту минуту человѣкъ опять показался въ одномъ изъ верхніхъ оконъ дома. Онъ раскачивалъ надъ бездной Розу-Андрэ, какъ бы собираясь бросить ее внизъ.

Казалось, онъ не могъ рѣшиться на это. Или это тоже была лишь угроза? Считать ли онъ, что Роза достаточно напугана и укрощена?.. Она скрылась.

(Продолжение следуетъ).

Помощь Плащомъ сатаны

Современный роман.

(Продолжение, см. № 4-37.)

На этот раз Гортензия побывала. Она скимала с отчаянием руку Ренина и умоляла его:

— Ради Бога!.. Я вас прошу.. Чего же вы еще ждете?..

Онъ уступилъ.

— Хорошо, согласился онъ, — пойдемъ, но не будемъ торопиться. Надо все обдумать.

— Обдуматъ.. Но Роза.. Онъ убьетъ Розу!.. Вы же видѣли топоръ.. Это сумасшедшъ.. Онъ ее убьетъ.

— У насъ есть время, — сказала онъ, — я за все ручалась.

Гортензия оперлась на князя, такъ какъ не въ силахъ была ити. Они подошли къ дому. Ночная темнота скрывала ихъ.

Они обошли садъ и подошли къ дому съ задней стороны. Туда прошель Дальбрекъ въ первый разъ. Они, дѣйствительно, замѣтили маленьку дверь, которая, вѣроятно, вела на кухню.

— Взломайте дверь, когда надо будетъ, и войдите.

— Не пора ли уже, — пробурчалъ Морис, сгоравшъ отъ нетерпѣнія.

— Нѣтъ еще.. Я сначала хочу

узнать, что совершаются въ другой части дома. Когда я свистну, ломайте дверь и бросайтесь съ револьверами на человѣка. Но не раньше, слышите! Мы играемъ большую игру...

— А если онъ будетъ отбиватьсь? Это же сумасшедшее животное!

— Прострѣлите ему тогда ноги. И главное, захватите его живымъ. Васъ же пятеро, чортъ возьми.

Онъ увлекъ Гортензію и успокоилъ ее:

— Скорѣй! Надо дѣйствовать. Вѣрьтесь мнѣ.

Она вздохнула:

— Я не понимаю.. я ничего не понимаю.

— Я также, — отозвался Ренинъ. Въ этомъ дѣлѣ что-то меня заставляетъ сомнѣваться. Но я достаточно понимаю, чтобы опасаться неправдимого.

— Непоправимое — это убѣство Розы.

— Нѣтъ, — возразилъ онъ, — это дѣйствие судебной власти. Это дѣйствие я и хочу предупредить.

Они обошли домъ. Затѣмъ Ренинъ остановился передъ окномъ нижняго этажа.

— Послушайте, — проговорилъ онъ, — говоря... вотъ въ той комнатѣ.

Ему удалось найти въ ставняхъ щель черезъ которую пробивался светъ. При помощи ножа онъ открылъ ставни. Тяжелая драпировка закрывала окно, но вверху она не соединилась.

— Поднимитесь на подоконникъ, — прошептала Гортензія.

— Да! Если потребуется я изведу свой револьверъ на человѣка, а вы свистнете, чтобы они атаковали домъ съ другой стороны. Вотъ вамъ свистокъ.

Она поднялся очень осторожно до того мѣста, гдѣ драпировка не была затянута. Въ одной руцѣ онъ держалъ револьверъ, а въ другой — алмазъ для разрѣзанія стекла.

— Вы ее видите? — прошептала Гортензія.

Онъ прильнуть къ стеклу и издалъ тотчасъ же звукъ удивленія.

— А, — сказала онъ, — это невѣроятно!

— Стрѣляйте, стрѣляйте! — требовала Гортензія.

— Да нѣтъ же.

— Нѣтъ, нѣтъ, напротивъ!

Вся дрожа, она при помощи Ренина взобралась на подоконникъ.

— Смотрите!

Она приблизила свое лицо къ стеклу.

— А! — отозвалась она, пораженная.

— Что вы скажете? Я подозрѣвала нѣчто, но не это!

Двѣ лампы и двадцать сорокъ освещали роскошную гостиную, установленную восточными тахтами и украшенную коврами. На одной изъ тахтъ полулежала Роза-Андрэ. На ней было затканое серебромъ платье, которое она носила, когда участвовала въ фільмѣ „Счастливая принцесса“. Ея дивные плечи обнажены, въ волосахъ сіяли бриллианты и жемчуга.

Дальбрекъ стоялъ передъ ней на колѣньяхъ. Онъ былъ одѣтъ въ охотничій костюмъ и смотрѣлъ на нее съ восхищениемъ. Роза улыбалась, счастливая, довольная, и вошла своимъ бѣлосѣрѣйшими руками по его волосамъ. Два раза она поцѣловала его въ лобъ, а затѣмъ впилась въ его ротъ жаднымъ поцѣлевымъ. Глаза же ея выражали истому и страсть.

Полная сладостраствія сцена! Они какъ бы слились взорами, губами, трепещущими руками. Ихъ соединяло непредолимое молодое желаніе, чувство исключительной и горячей взаимной любви. Ясно было, что въ мирной и уединенной обстановкѣ этой комнаты для нихъ, помимо ихъ страсти, ихъ взаимного влечения, ихъ поцѣлевъ и ласкъ, ничего не существовало.

(Продолжение слѣдуетъ).

Помощь Плащомъ сатаны

Современный роман.

(Продолжение, см. № 4-38.)

Гортензія не могла отвести своихъ глазъ отъ этого неожиданного вѣнца. Эти ли люди нѣсколько минутъ тому назадъ играли со смертью? Была ли это, дѣйствительно.. Она ея не узнавала. Она видѣла совсѣмъ другую женщину, обновленную, преображенную силой своей любви, всю глубину и жгучесть которой Гортензія ощущала всѣмъ существомъ своимъ.

— Боже, — прошептала она, — какъ она любить его! И тако чудовище! Возможно ли это!

— Надо ее предупредить, — сказала Ренинъ, — и съ ней говориться.

— Да, да, — согласилась Гортензія, — нельзя, чтобы она была замѣшана въ скандалѣ и арестѣ.. Пусть она уйдетъ.. Надо чтобы обѣ этомъ никто ничего не зналъ.

Къ несчастью, Гортензія была такъ взвуждена, что поторопилась. Вмѣсто того, чтобы тихо постучать въ окно, она съ силой ударила по рамѣ. Оба влюбленныхъ съ испугомъ вскочили, прислушиваясь. Ренинъ попытался вырѣзать стекло, чтобы объяснить имъ положеніе, но на это у него не хватило времени.

На порогѣ кухни при свѣтѣ двухъ электрическихъ карманныхъ лампочекъ Ренинъ нашелъ Дальбрека съ перебитой пулѣ ногой на землѣ. Онъ стональ и его держали трое полицейскихъ.

Роза-Андрэ въ страшномъ волненіи пыталась что-то объяснить.

Гортензія привлекла ее къ себѣ и прошептала ей на ухо:

— Это я.. твоя сестра.. Я хотѣла тебя спасти.. Ты узнаешь меня?

Казалось, что Роза ничего не понимала. Ея глаза блуждали, какъ у безумной.

Она подошла неровными шагами къ полицеистскимъ и начала:

— Это отвратительно... Вѣдь этотъ человѣкъ ничего не совершилъ...

Ренинъ, не колеблясь, подхватилъ ее и обращаясь съ нею, какъ съ больной, увлекъ ее въ сосѣднюю гостиную, куда прошла и Гортензія.

Она яростно отбивалась и прерываясь голосомъ протестовала:

— Это же преступленіе.. По какому праву?.. Зачѣмъ его арестовываютъ? Да, я читала объ убѣствѣ Бургэ, но это ложь.. Она можетъ доказать свою невиновность.

Ренинъ уложилъ ее на диванъ и твердо сказалъ:

— Будьте спокойны. Не говорите ничего такого, что можетъ васъ скомпрометировать.. Что же вы хотите? Этотъ человѣкъ все же похитилъ автомобиль и 25.000 франковъ.

— Мой предполагаемый отъѣздъ въ Америку заставилъ его потерять голову.. Но автомобиль вѣдь нашли.. Деньги же будуть возвращены.. Онъ ихъ не тронулъ. Нѣтъ, нѣтъ, никто не имѣетъ права съ нимъ такъ поступать. Я здѣсь на доброй волѣ. Я люблю его.. Большѣ жизни.. Такъ любить лишь разъ.. Я люблю, люблю его..

Несчастная не имѣла силь пропадать. Она говорила, какъ во снѣ. Наконецъ, она не выдержала, упала и потеряла сознаніе.

Часъ спустя Дальбрекъ лежалъ въ отдельной комнатѣ съ крѣпко связанными руками. Докторъ, привлеченный изъ сосѣдняго города, перевязывалъ раненую ногу и предписывалъ своему пациенту полный покой до слѣдующаго утра. Морис и его люди сторожили плѣнника.

Ренинъ же ходилъ по комнатѣ, заложивъ руки за спину. Онъ имѣлъ веселый видъ и съ улыбкой временами поглядывалъ на обѣихъ сестеръ, какъ бы любуясь тѣмъ зѣрнищемъ, которое онъ представлялъ.

— Что такое? — спросила Гортензія, замѣтивъ его настроение.

Онъ проговорилъ, потирая руки:

— Это смѣшило!

— Что именно вамъ кажется смѣшилымъ? — съ упрекомъ спросила его Гортензія.

— О Господи! Вѣдь все смѣшило въ этомъ дѣлѣ! Роза-Андрэ занимается свободнымъ флиртомъ съ этимъ лѣснымъ человѣкомъ, обижающими его, покрывающими страстными поцѣлевыми, а мы въ это время ищемъ ее въ разныхъ пещерахъ и чуть-ли въ гробницахъ. Умора! Возможно, что въ первую ночь она, дѣйствительно, была плѣнницей. Но утро застало ее живехонькой.

(Продолжение слѣдуетъ).

Помощь плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолжение, см. № 4—39.)

Одной ночи было достаточно, чтобы Дальбрекъ приучилъ ее. Онъ показался ей принцемъ изъ сказки. Въ одну ночь... И они рѣшили, что они созданы одинъ для другого и удалились сюда, чтобы вполнѣ отдатьться своей любви. Но этого имъ показалось мало! Они рѣшились заставить себѣ будущее путемъ кино. И вотъ промокшій репетиціи тѣль фильмъ, которые они совмѣстными усилиями создаютъ. Мы съ ужасомъ присутствовали на этихъ репетиціяхъ, думая, что это не игра, а жуткая дѣйствительность. Признаюсь, я кое-что подозреваю, кое о чёмъ догадывался, но никогда не думалъ, что "Счастливая принцесса" предпочла безчестіе смерти.

Видимо, все это приключение заставило Ренина. Онъ продолжалъ:

— Все здѣсь произошло наоборотъ, не такъ, какъ на фильме. Я шелъ по сѣдѣмъ "Счастливой принцессѣ", думая, что дѣйствіе разошлось, какъ на фильме. Ничего подобнаго. Роза-Андрэ избираетъ совсѣмъ другой путь и въ нѣсколько часовъ превращается въ самую влюблѣнную принцессу. Дальбрекъ, эта

каналья, насть ловко провелъ. Вѣдь мы думали, судя по фильму, что это грубое животное, человѣкъ-зѣвѣръ. А на дѣлѣ оказывается, что онъ Донъ-Жуанъ, сердцеѣдъ и женскій обольститель.

Ренинъ опять сталъ потирать свои руки. Но онъ не продолжалъ, такъ какъ замѣтилъ, что Гортензія его не слушала. Роза очнулась. Гортензія ее обняла и нѣжно проговорила:

— Роза, Роза!.. Это я... Не бойся! Она стала тихо ее успокаивать. Но Роза, хотя и стала приходить въ себя, оставалась неподвижной и углубилась въ свои собственныя мысли. Видимо, она безконечно страдала.

Ренинъ понялъ все въ горѣ, понялъ, что это горѣ надо уважать и бережно съ нимъ обращаться. Онъ подошелъ къ ней и тихо сказалъ:

— Я вамъ вполнѣ сочувствую. Ваша обизнанность, вашъ нравственный долгъ защищать того, кого вы любите, и доказать его невиновность. Но увѣряю васъ, не надо торопиться. Пусть лучше думаютъ еще нѣкоторое время, что вы его жертва. Завтра утромъ я самъ дамъ вамъ счастье, какъ дѣйствовать. А пока

идите съ сестрой въ вашу комнату, соберитесь въ дорогу, пересмотрите свои бумаги, чтобы слѣдствіе ничего не обнаружило противъ васъ... Довѣрьтесь мнѣ, право!

Ренинъ долго говорилъ еще и въ концѣ концовъ ему удалось убѣдить молодую женщину. Она согласилась ждать.

Расположились въ усадѣбѣ на ночь. Провизіи было достаточно. Одинъ изъ полицѣйскихъ приготовилъ обѣдъ.

Гортензія расположилась въ одной комнатѣ съ сестрой своей. Морис и два агента помѣстились въ гостиной. Двое другихъ полицѣйскихъ остались при раненомъ.

Ночь прошла спокойно.

Рано утромъ жандармы, предупрежденные Клемономъ, прибыли въ усадѣбѣ. Было рѣшено, что Дальбрекъ отвезутъ въ госпиталь мѣстной тюрьмы. Ренинъ предложилъ свой автомобиль, который Клемонъ подалъ къ дому.

Обѣ сестры спустились внизъ. Роза-Андрэ имѣла выраженіе лица человѣка, готоваго на все. Гортензія смотрѣла на нее съ нѣкоторымъ страхомъ. Ренинъ казался довольнымъ.

Все было готово. Оставалось только разбудить Дальбрека и его сторожей.

Морис самъ отправился къ пѣтѣнику. Онъ могъ только удостоѣвѣрить, что оба полицѣйскихъ крѣп-

ко спали, а Дальбрекъ исчезъ.

Ни полицѣйскіе, ни жандармы этимъ обстоятельствомъ не смутились. Они были увѣрены, что раненаго съ перебитой ногой немедленно найдутъ. Никого не интересовали подробности этого бѣгства. Дальбрекъ, очевидно, спрятался въ саду.

Начались поиски. Результаты этихъ поисковъ казались настолько очевидными, что Роза-Андрэ направилась къ главному инспектору.

— Молчите! — шепнула ей Ренинъ, наблюдавшій за нею.

Она пробормотала:

— Но его найдутъ... застрѣлять...

— Его не найдутъ, — проговорилъ Ренинъ.

— Откуда вы знаете?

— Я самъ помогъ ему при помошнико шоффера своего бѣжать. Я подсыпалъ наркотикъ въ кофе его сторожей; они ничего и не слыхали.

Она съ удивленіемъ взорвала:

— Но онъ же раненъ... Онъ умираетъ въ какомъ-нибудь уголку.

— Нѣтъ.

Гортензія слушала, ничего не понимая, но успокоенная и полная вѣры въ Ренина.

Онъ продолжалъ тихимъ голосомъ:

— Обѣщайте мнѣ, что черезъ два мѣсяца, когда онъ поправится и вы все выясните въ отношеніи его передъ судебнѣй властью, вы уѣдете съ нимъ въ Америку.

(Продолженіе следуетъ).

Помощь плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолженіе, см. № 4—40.)

— Обѣщю.

— И выйдете за него замужъ?

— И это обѣщю.

— Тогда идемъ, но ни одного слова удивленія, ни одного жеста. Иначе вы все погубите.

Онъ поизвѣлъ Мориса, который и начинать впадать въ отчаяніе, и сказалъ ему:

— Господинъ главный инспекторъ, мы должны отвезти эту даму въ Парижъ, гдѣ она будетъ окружена необходимымъ ей уходомъ. Но будьте увѣрены, что по поводу этого дѣла у васъ непрѣятностей не возникнетъ. Я сегодня же вечеромъ заѣду въ префектуру, гдѣ у меня хорошія связи.

Онъ далъ руку Розѣ-Андрэ и подвелъ ее къ автомобилю. Когда они шли, она вдругъ пошатнулась и прошептала:

— А, Боже мой, онъ спасенъ... Я его вижу!

Вѣсто Клемона сидѣлъ Дальбрекъ въ костюмѣ шоффера. Больше очки и опущенный козырекъ дѣлали его неузнаваемымъ, но Роза тотчасъ узнала своего возлюбленнаго.

— Садитесь, — сказала Ренинъ.

Она сѣла рядомъ съ Дальбрекомъ. Ренинъ и Гортензія заняли задніе мѣста. Самъ инспекторъ по-полицѣйски съ обнаженной головой провожалъ ихъ.

Они пустились въ путь. Но скоро въ лѣсъ имъ пришлось остановиться. Дальбрекъ, силой воли превозмогшій свои страданія, потерпѣлъ сознаніе. Его уложили. На его мѣсто сѣлъ Ренинъ, а около послѣднаго Гортензія. Затѣмъ новая остановка. Пришлось захватить шоффера Клемона, который шелъ по дорогѣ.

Затѣмъ въ автомобильѣ водворился молчаніе. Гортензія ничего не говорила и не разспрашивала Ренина. Ее даже не интересовалъ спосѣбъ, примѣненный Ренинъ, чтобы увезти Дальбрека. Она все думала о своей сестрѣ, о ея страшной любви, которая глубоко трогала ее.

Ренинъ сказалъ, когда приближались къ Парижу:

— Я въ эту ночь говорилъ съ Дальбрекомъ. Онъ, конечно, не виноватъ въ убийствѣ ювелира. Это въ общемъ добрый малый, нѣжный и преданный Розѣ-Андрэ. Наружность его обманчива.

И онъ добавилъ

— Онъ правъ: надо идти на все для того, кого любишь. Ей, его возлюбленной, надо жертвовать всѣмъ, ей надо дать радости жизни и счастья, и если она скучаетъ, то развлече се разными приключениями, заставивъ смеяться... или даже плакать.

У Гортензія показались на глазахъ слезы. Въ первый разъ онъ намекалъ на сантиментальное приключение, которое ихъ соединило. Узы, которыя ихъ связывали и вначалѣ были такіе слабы, крѣпли все больше и больше. Въ присутствіи этого удивительного человѣка, который подчинялъ событія своей волѣ и который, казалось, игралъ съ судьбой тѣхъ, противъ кого онъ боролся или кого защищалъ, она чувствовала себя слабой и не спокойной. Она его боялась и одновременно ее влекло къ нему. Она думала о немъ часто, какъ о своемъ повелителе, иногда же какъ о врагѣ, противъ котораго надо было защищаться. Чаша же всего въ ея воображеніи онъ рисовался въ видѣ нѣжнаго, преданнаго и полнаго очарованія друга.

7.

Случай Жана — Луи.

Это произошло съ такою быстротой, такъ внезапно, что Гортензія была совершенно ошеломлена. Они перекинули Сену, черезъ мостъ,

какъ вдругъ замѣтили, что какой-то женскій силуэтъ быстро вскочилъ на парапетъ и бросился въ воду. Со всѣхъ сторонъ послышались крики. Гортензія схватила Ренина за руку и вскликнула:

— Что вы дѣлаете?.. Вы же не броситесь въ воду! Я вамъ запрещаю это...

Пиджакъ ея спутника остался у нея въ рукахъ. Ренинъ перескочилъ черезъ перила моста... Больше она ничего не видѣла. Черезъ три минуты, увлеченная людскими потоками, она очутилась на берегу рѣки. Ренинъ вѣзился по лѣстницѣ. Онъ несъ молодую женщину съ черными волосами, прилипшими къ мертвенно-блѣдному лицу.

— Она жива, — объявилъ Ренинъ, — скорѣй надо отнести ее въ аптеку и оказать первую помощь. Никакой опасности для нея нѣтъ.

Онъ передалъ спасенную двумъ полицѣйскимъ, пробрался черезъ толпу зѣвакъ и репортеровъ, стремившихся узнать его имя, къ автомобилю и усадилъ въ него Гортензію.

— Ловко! — вскликнула онъ черезъ мгновеніе, когда они покатали, — пришло выкупаться. Это, дорогой другъ, у меня нѣчто непреодолимое: если кто либо въ моемъ присутствіи бросается въ воду, то я долженъ непремѣнно послѣдовать за нимъ. Ативизмъ какой-то!

(Продолженіе следуетъ).

Помощь сатаны

Современный роман.

(Продолжение, см. № 4—5.)

Онъ вернулся къ себѣ и перешелъ. Гортензія ожидала его возвращенія въ автомобилѣ. Онъ вернулся и приказалъ шоферу:

— Улица Тильзитъ.

— Куда мы отправляемся?—спросила Гортензія.

— Узнать, какъ себя чувствуетъ молодая особа.

— У васъ есть ея адресъ?

— Да. Я прочитала ея адресъ на браслете, а также ея имя—Женевьевы Эммарь. Итакъ, мы ее поѣхаемъ. Конечно, миѣ ея благодарности не надо. Я просто любопытна. Миѣ уже удалось спасти около дюжины такихъ дѣвушекъ. Всегда одно и тоже: разочарованіе въ любви и, обычно, въ любви самой вульгарной. Вы увидите сами, другъ.

Когда они вошли въ квартиру по улицѣ Тильзитъ, изъ комнаты спасенной выходитъ докторъ. По словамъ прислуги, молодая дѣвушка чувствовала себя хорошо и спала. Ренинъ сообщилъ, что она спасла томившую, передаль свою визитную карточку. Изъ комнаты дочери вы-

ѣжалъ отецъ съ протянутыми руками и слезами на глазахъ.

Это былъ почтеннаго вида человѣкъ, слабаго сложенія, который, не ожидая вопросовъ, началъ взволнованіемъ объясняться:

— Это уже второй разъ! Недѣлю тому назадъ мое бѣдное дитя пыталось отправиться. Какой ужасъ! Я готовъ отдать ради нея послѣднюю каплю крови! „Я не хочу жить, я не хочу жить!“—вотъ все, что она отвѣчаетъ на вопросы. Боже, какъ это ужасно! И почему, по какой причинѣ!

— Да, почему?—спросилъ Ренинъ.—разбросанный бракъ?

— Да, вѣрно!. Бѣдная дѣвочка такъ впечатлительна...

Ренинъ прервалъ его и сталъ предлагать ему вопросы:

— Будемъ методичны. Мадемузъ Женевьевы была невѣстой?

Господинъ Эммарь не уклонился отъ отвѣтѣ и сказалъ:

— Да. Съ весны. Въ Ницѣ на Пасху мы познакомились съ Жан-Луи д'Ормивальемъ. Когда мы вернулись въ Парижъ, этотъ молодой человѣкъ, живущій обычно съ матерью и теткой въ деревнѣ, прі-

ѣхалъ сюда и поселился вблизи настъ. Обрученные видѣлись ежедневно. Сознаюсь вамъ, Жан-Луи Вобуа миѣ было не очень симпатиченъ.

— Простите,—замѣтилъ Ренинъ,—вы называли его Жан-Луи д'Ормиваль.

— Это тоже его фамилия.

— У него ихъ, значитъ, двѣ.

— Я не знаю. Тутъ какака-то за-

гадка.

— Подъ какимъ именемъ онъ вамъ представился!

— Жан-Луи д'Ормиваль.

— А Жан-Луи Вобуа?

— Такъ онъ былъ представленъ

моей дочери однимъ господиномъ, знающимъ его. Впрочемъ, это не такъ важно—Вобуа или д'Ормиваль?

Моя дочь его обожала. Казалось, онъ также питалъ въ отношеніи ся пламенную страсть. Этимъ лѣтомъ на берегу моря они всегда были вмѣстѣ. И вотъ, вдругъ, мѣсяцъ то-

му назадъ, когда Жан-Луи покинулъ

матери и теткѣ, моя дочь полу-

чила слѣдующее письмо:

„Женевьевы! Непреодолимыя прѣятствія мѣшали нашему счастью. Съ полнымъ отчаяніемъ я отъ него отказываюсь. Я васъ такъ же безумно люблю, какъ и прежде. Прощайте! Простите меня!“

— Черезъ нѣсколько дней послѣ получения этого письма моя дочь совершила первую попытку къ самоубіству.

— Почему этотъ разрывъ? Но въ любовь? Старая связь?

— Нѣть, не думаю. Но въ жизни Жана-Луи какая то тайна, вѣрнѣе цѣлый рядъ тайнъ и загадокъ, которыхъ его преслѣдуютъ. Лицо его всегда, даже въ минуты любви, выражаетъ грусть, тоску, безконечную печаль. Точно что-то гложетъ его сердце.

— Ваше впечатлѣніе нашло подтвержденія?.. А по поводу его двойной фамилии вы его не спрашивали?

— Да, два раза. Въ первый разъ онъ мнѣ отвѣтилъ, что тетку его звали Вобуа, а мать д'Ормиваль.

— А во второй?

— Противоположное. Онъ заговорилъ о своей матери Вобуа и теткѣ д'Ормиваль. Я ему это замѣтилъ. Онъ покраснѣлъ, а я не настаивалъ.

— Живеть онъ далеко отъ Парижа?

— Въ Бретань... Замокъ д'Эльсевенъ, въ восьми километрахъ отъ Кархъ.

Ренинъ слегка задумался и затѣмъ сказалъ несчастному отцу:

— Я не хочу беспокоить вашу дочь. Но скажите ей слѣдующее: Женевьевы, тетъ господинъ, который спасъ тебя, ручается своей честью, что черезъ три дня онъ приведетъ тебѣ твоего жениха. Напиши Жан-Луи нѣсколько словъ, которыя этотъ господинъ ему передастъ.

Старикъ былъ ошеломленъ. Онъ пробормоталъ:

— Вы могли бы?.. Моя бѣдная дѣвочка была бы спасена!.. Она была бы такъ счастлива!

И онъ добавилъ тихимъ голосомъ, въ которомъ какъ бы чувствовался стыдъ:

— О! Умоляю, дѣйствуйте скрѣ. Поведеніе моей дочери заставляетъ меня предполагать, что она нарушила свою дѣвичью честь...

— Молчите,—прерваль его Ренинъ,—есть слова, которыя не слѣдуетъ говорить.

...Въ тотъ же вечеръ Ренинъ и Гортензія по желѣзной дорогѣ отправились въ Бретань.

Въ десять часовъ утра они прибыли въ Кархъ, откуда отправились дальше автомобилемъ, который имъ одолжилъ одинъ изъ мѣстныхъ жителей.

— Вы нѣсколько блѣдны, дорогой другъ,—сказаль со смѣхомъ Ренинъ Гортензію, когда они остановились передъ паркомъ д'Эльсевенъ.

— Признаюсь,—проговорила она,—эта история меня сильно взволновала. Дѣвушка, которая два раза покушалась на самоубійство... Какая храбрость!.. Я боюсь...

— Чего вы боитесь?

— Я боюсь, что вамъ это дѣло не удастся. Развѣ вы не беспоконитесь?

— Дорогой другъ, — отвѣтилъ онъ, — я васъ, вѣроятно, удивлю,

если скажу, что миѣ страшно весело.

— Почему?

— Я и самъ не знаю. По моему, вся эта исторія, которая васъ такъ волнуетъ, имѣть комическій характеръ. Д'Ормиваль... Вобуа... пахнетъ стариной! Будьте покойны.

Они прошли черезъ главный входъ. Тамъ стояли дѣвъ башенки, одна съ инициалами госпожи д'Ормиваль, а другая—госпожи Вобуа. Отъ каждой изъ нихъ шли дорожки направо и налево среди кустарниковъ и буковыхъ деревьевъ.

Главная же аллея вела къ низкому некрасивому, тяжелому зданію. Это зданіе было снабжено двумя уродливыми флигелями, къ которымъ вели каждая изъ упомянутыхъ дорожекъ. Налѣво жила, очевидно, госпожа д'Ормиваль, а право кроилось занимала госпожа Вобуа.

Звукъ голосовъ остановилъ Гортензію и Ренина. Они стали прислушиваться. Изъ окна нижняго этажа, по стѣнамъ котораго ползли дикий виноградъ и дикия розы, доносились рѣзкіе, непріятные крики спорящихъ.

— Намъ итти дальше нельзѧ, — сказала Гортензія,—это будетъ неловко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

По д'Шащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолжение, см. № 4—12.)

— Напротивъ,—прощепталъ Ренинъ,—въ подобныхъ случаяхъ не скромность является обязанностью. Мы же вѣдь явились сюда, чтобы дѣлать что-то узнать. Пойдемъ прямо, тогда спорящія настѣ не замѣтятъ.

Споръ разгорался. Когда они приблизились къ окну, они увидѣли двухъ старыхъ дамъ, которыхъ, гро- въ кулаками, кричали одна на другую.

Онъ находился въ обширной столовой, где стояла накрытый обѣденный столъ. За столомъ сидѣлъ читая газету, съ трубкой въ зубахъ, молодой человѣкъ, вѣроятно, Жанъ-Луи, не обращавшій вниманія на мегерь.

Она изъ нихъ, худая и высокая, была одѣта въ зеленоватое шелковое платье. Ея блокурые ло- коны не соотвѣтствовали ея старому и увядшему лицу. Другая, еще болѣе тощая, но совсѣмъ маленькая, была въ пестромъ ситцевомъ хала-

тѣ. Ея накрашенное лицо дышало злобой.

— Поганая вы, вѣдь что!—кричала она,—вы злока и еще воровка!

— Я—воровка?—запопила другая.

— А исторія съ уткой въ десертѣ франковъ? Это развѣ не воровство?

— Молчите, негодяя! Кто у меня слямзилъ пятьдесятъ франковъ? Господи, и жить съ такой мерзостью!

Тогда другая вскочила, какъ ужаленная, и бросилась къ молодому человѣку:

— И ты, Жанъ, позволяешь этой сволочи д'Ормиваль меня оскорблять?

На это высокая со злой воз- разила:

— „Сволочь! Ты слышишь, Луи? Вѣдь тебѣ твой Бобу съ лицомъ и манерами старой кокотки! Да за- ставь же ее замолчать.

Вдругъ Жанъ-Луи ударилъ ку- лакомъ по столу и закричалъ;

— Оставьте меня въ покое, ста-

рыя дуры!

Тогда онъ повернулся къ нему и вѣдомъ принялъ осыпать его бранью:

— Подлецъ... лицемѣръ... Лгунъ... Негодный сынъ... сынъ прохвоста и самъ прохвостъ...

Оскорбліенія такъ и смыпались на молодого человѣка. Онъ заткнулъ пальцами уши и сталь обнаруживъ признаки явнаго нетерпѣнія, какъ человѣкъ, доведенный до болѣаго каленія.

Ренинъ прошепталъ:

— Что я вѣмъ говорилъ? Въ Парижѣ—драма, а здѣсь—комедія. Вѣдѣмъ.

— Въ разгарѣ скоры? — запро- тестовала молодая женщина.

— Именно.

— Однако...

— Дорогой другъ, мы здѣсь не для того, чтобы шпинить, но для того, чтобы дѣйствовать. Мы сбросимъ съ нихъ маски и лучше узна- емъ ихъ.

Рѣшилѣніями шагами онъ по- дошелъ къ двери, открылъ ее и вошелъ въ комнату въ сопровож- деніи Гортензіи.

Ихъ появленіе произвело цѣлый переплѣкъ. Обѣ женщины замолча- ли, краснѣ отъ бѣшенства. Жанъ-

Луи поблѣднѣлъ и всталъ.

Пользуюсь общей суматохой, Рининъ заговорилъ:

— Позвольте представиться: князь Ренинъ... Госпожа Даніель... въ друзья мадемуазель Женевьевы Э марѣ и прибыли сюда съ порученіемъ отъ нея... Вотъ письмо, кото- рое вѣмъ адресовано.

Жанъ-Луи окончательно смущенъ, какъ только было произнесено имя Женевьевы. Не зная, что дѣлать, и желая быть любезнымъ, примѣру Ренина, онъ забормоталъ:

— Госпожа д'Ормиваль, мать... Госпожа д'Ормиваль, мать...

Послѣдовало довольно продолжительное молчаніе. Ренинъ поклонился. Гортензія не знала, кото- ризъ матерей противнуть сначала рѣку. Но обѣ старухи одновремен- но попытались схватить письмо, кото- рое держала князь, съ возгласомъ:

— Мадемуазель Эймаръ!.. Какъ наглази!.. Какая дерзкай!

Тогда Жанъ-Луи, къ которому вернулось самообладаніе, схватилъ одну старуху и выставилъ ее лѣвую дверь, а другую—въ праву. Потомъ онъ вернулся къ посып- лямъ, распечаталъ письмо и въ по- голоса прочиталъ:

— „Жанъ-Луи, я вѣсъ про-

принять подателя этого письма. Имѣйте къ нему довѣріе. Я люблю васъ. Женевьеву".

Это былъ довольно неуклюжій молодой человѣкъ съ загорѣлымъ липомъ, худымъ и костистымъ. На вѣтвѣ лица, какъ отмѣтилъ отецъ Женевьевы, дѣйствительно, отражалось какое-то сильное душевное страданіе и отчаяніе. Это страданіе отражалось въ каждой черточкѣ, а особенно въ глазахъ, полныхъ безысходной грусти.

Онъ нѣсколько разъ повторилъ имя Женевьевы, разсѣянно оглядываясь кругомъ. Казалось, онъ не зналъ, какъ держать себя. Получалось впечатлѣніе, что онъ готовъ объясниться. Но онъ не находилъ нужныхъ словъ. Онъ былъ совершенно смущенъ и выбитъ, такъ сказать, изъ сѣдла.

Ренинъ понялъ, что противникъ его легко сдастся. Онъ такъ упорно боролся въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ и такъ, видимо, усталъ, что неспособенъ былъ защищаться. Особенно теперь, когда проникли въ его ужасную домашнюю обстановку.

Ренинъ съ мѣста повелъ атаку:

— Уже два раза послѣ, вашей размолвки Женевьеву Эймаръ поку-

шалась на самоубійство. Я пріѣхалъ вѣсъ спросить, будетъ ли ея неизбѣжная смерть въ ближайшемъ будущемъ развязкой вашей любви?

Жанъ-Луи упалъ на стулъ и закрылъ лицо руками.

— О, — воскликнулъ онъ, — она хотѣла покончить съ собой... О, возможно ли это!..

Ренинъ не далъ ему вдохнуть. Ударивъ его слегка по плечу, онъ проговорилъ:

— Вѣрьте, что въ вашихъ же интересахъ довѣриться намъ. Мы друзья Женевьевы Эймаръ. Мы обѣщали ей нашу помощь. Откройте намъ всю правду...

Молодой человѣкъ поднялъ голову.

— Вы же сами видите, — сказалъ онъ съ угнетеннымъ видомъ, — вы же слышали! Вы уже догадываетесь о томъ, какъ я живу. Что же мнѣ вѣмъ еще сказать, чтобы вы мою тайну могли сообщить Женевьевѣ?.. Вѣдь жестоко и смѣшно объяснить ей, почему я не могъ къ ней вернуться, почему я не имѣю права это сдѣлать.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Помощь шащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолжение, см. № 4—43.)

Ренинъ взглянула на Гортензію. Черезъ двадцать четыре часа послѣ признания отца Женевьевы она получила также признаніе Жана-Луи.

Жань-Луи подалъ стулъ Гортензіи. Всѣ сѣли, и молодой человѣкъ, точно чувствуя потребность выскакаться, началъ рассказывать:

— Не удивляйтесь, если свою исторію я вамъ передамъ въ нѣсколько юмористическомъ видѣ. Она, право, настолько смѣшина, что заставить васъ смеяться. Часто судьба устраиваетъ намъ въ жизни совершенно невѣроятныя шутки, точно эти шутки изобрѣль мозгъ сумасшедшаго, или пьяного. Судите сами.

Двадцать семь лѣтъ тому назадъ эта усадьба, дома, которой состояла изъ одной центральной части, принадлежала старому врачу, который, чтобы увеличить свои скромныя доходы, пускалъ двухъ-трехъ жильцовъ. Случилось такъ, что одно лѣто здѣсь провела госпожа д'Ормиваль, и госпожа Бобуа—слѣдующее. Эти особы одна другую не знали. Одна изъ нихъ была замужемъ за капитаномъ дальнаго плаванія, а

другая за коммерсантомъ. Мужъ ихъ умерли почти одновременно, и обѣ женщины оказались въ интесномъ положеніи, какъ говорятъ. Обѣ онѣ написали доктору, что для родовъ пріѣдутъ къ нему.

Докторъ согласился. Пріѣхали онѣ какъ-то осенью почти одновременно. Имъ отвели два комната, расположенные за этой гостиной. Докторъ пригласилъ сестру милосердія, которая почевала здѣсь же.

Все шло отлично. Дамы шли бѣлье и между ними царило полное согласіе. Такъ какъ обѣ хотѣли имѣть непремѣнно сына, то заранѣе онѣ выбрали ими имена: Жана и Луи.

Разъ докторъ отлучился къ больному со своимъ лакеемъ, обѣжививъ, что вернется только на слѣдующій день.

Горничная въ отсутствіи хозяина улизнула къ своему возлюбленному. Тутъ произошелъ рядъ дѣвъльскихъ случайностей.

Около двѣнадцати часовъ ночи госпожа д'Ормиваль почувствовала первые приступы родовыхъ болей. Сестра милосердія, мадемуазель Бусиноль, которая немножко понимала акушерство, не растерялась. Но

черезъ часъ начала страдать госпожа Бобуа. Тутъ то и произошла траги-комедія. Сестра металась между двумя пациентками, которыхъ стонали и кричали, открывала окно и звала доктора, временами бросалась на колья и молилась.

Первой разрѣшилась отъ бремени госпожа Бобуа. Она родила мальчика, которого мадемуазель Бусиноль поспѣшила перенесла въ гостиную, обмыла и положила въ предназначенную ей кольбельку.

Но въ это время стала раздирающе кричать госпожа д'Ормиваль. Сестра милосердія поспѣшила къ ней, а новорожденный, мать которого потеряла сознаніе, въ это время задалъ свой концертъ.

Примите еще во вниманіе общий безпорядокъ, единственную лампу съ догорающимъ керосиномъ, свѣчи, не желающіе горѣть, яростные порывы вѣтра... однимъ словомъ, мадемуазель Бусиноль съ ума склонила отъ страха. Наконецъ, около пяти часовъ она принесла склада мальчика госпожѣ д'Ормиваль. Она занялась новорожденнымъ, уложила его и поспѣшила къ госпожѣ Бобуа, требовавшей ея помощи. А госпожа д'Ормиваль въ свою очередь боялась сознаніе.

Когда же, наконецъ, мадемуазель Бусиноль, шатаясь отъ усталости, вернулась къ новорожденнымъ, она съ ужасомъ замѣтила, что завернула ихъ въ одинаковое

бѣлье, одѣла имъ одинаковые чулочки и положила обоихъ рядомъ въ одну и ту же кольбельку. Такимъ образомъ, нельзя было определить, который Луи д'Ормиваль и который Жанъ Бобуа.

Кромѣ того, оказалось, что одинъ изъ нихъ уже не дышалъ и начиналъ холода. Онъ умеръ. Какъ онъ назывался? Какъ звали того, который жилъ?

Черезъ три часа вернулся докторъ. Онъ засталъ обѣихъ матерей въ полномъ отчаяніи. Сестра милосердія просила у нихъ прощенія и протягивала имъ меня. Онѣ меня цѣловали, а потомъ отталкивали. Вѣдь неизвѣстно было, кто я такой, чье имя ношу. Никакихъ указаний, никакихъ признаковъ.

Докторъ умолялъ обѣихъ женщины принести себя въ жертву, то есть одной изъ нихъ отречься отъ меня. Ни одна изъ нихъ на это не согласилась.

— Почему Жанъ Бобуа, если это д'Ормиваль?— протестовала одна.

— Почему Луи д'Ормиваль, если это Жанъ Бобуа?— возражала другая.

Объявили въ концѣ концовъ, что зовусь я Жань-Луи, а мать и отецъ мои неизвѣстны.

(Продолжение следуетъ.)

Помощь шащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолжение, см. № 4—44.)

Князь Ренинъ все это слушалъ молча. Но Гортензія, по мѣрѣ того, какъ разказъ приближался къ развязкѣ, съ большими трудомъ удерживалась отъ пріпадка смѣха. Молодой человѣкъ это замѣтилъ.

— Простите,—проговорила она,— это нервное!

Онъ отвѣтилъ тихо безъ горечи:

— Не извиняйтесь. Я вѣсъ предупредилъ, что моя исторія какой-то злой фарсъ. Да, все это кажется безконечно смѣшинымъ, но, въ дѣствительности, это не было смѣшно. Съ вѣнѣшней стороны исторія эта смѣшина, а съ внутренней она ужасна. Станьте въ положеніе обѣихъ матерей. Онѣ полюбили мальчика, болѣзни и страсти, но безумно ревновали его одна къ другой. И обѣ женщины начали смертельно ненавидѣть одна другую. Имъ пришлось жить вмѣстѣ, такъ какъ ни одна не была въ силахъ разстаться съ мальчикомъ, но жили онѣ съ тѣхъ поръ какъ самые заклятые враги.

Я выросъ среди этихъ человѣкъ коненавистническихъ чувствъ. Если мое сердце меня направляло къ од-

ной, другая начинала меня за это преслѣдоватъ. Въ этомъ домѣ, который онѣ купили у покойнаго врача, и къ которому пристроили два флигеля, я былъ невольнымъ палачемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ жертвой. Ужасное дѣтство, кошмарная юность. Вѣроятно, рѣдко кто страдалъ, какъ я!

— Надо было ихъ покинуть!— воскликнула Гортензія, которая болѣе не смеялась.

— Свою мать не бросаютъ,—отвѣтилъ онъ,—а одна изъ этихъ женщинъ моя мать. И мать не можетъ покинуть своего сына. Каждая думаетъ, что именно она моя мать. Мы живемъ точно каторжники, привѣтствованные къ одной тачкѣ. Мы оскорбляемъ другъ друга, упрекаемъ, вѣчно споримъ...

Адѣ, а не жизни! И какъ убѣжать? Я нѣсколько разъ пробовалъ... Напрасно! Оборванныя связи опять вырастали.

Еще эти мѣсяцы, лѣтъ, когда я полюбила Женевьеву, я хотѣла сбрасывать эти цѣпи... Я попыталась убѣдить обѣихъ женщинъ, но не тутъ было. Онѣ возмутились, вѣбунтовались противъ посторонней женщины, которую я собирался ввести

въ нашъ семейный кругъ... Мнѣ пришлось уступить. Что дѣлала бы здѣсь Женевьевы между госпожой д'Ормиваль и госпожей Бобуа? Имѣлъ ли я право принести ее въ жертву?

Жань-Луи, произнося послѣднія слова, воодушевился. Онѣ произнесъ ихъ твердымъ голосомъ, какъ бы желая, чтобы поняли, что онѣ подчиняются своей совѣсти и долгу. Въ сущности же, Ренинъ и Гортензія поняли, что онѣ просто слабовольный человѣкъ, неспособный бороться съ создавшимися нелѣбѣльными положеніемъ вещей. Онѣ несъ свой крестъ съ самаго дѣтства, не имѣя силы сбросить свое бремя. И вмѣстѣ съ тѣмъ, онѣ стыдились все правдиво разскѣзать и ничего обо всемъ этомъ не сообщить Женевьевѣ.

Онъ сѣлъ передъ письменнымъ столомъ и набросаль письмо, которое проявило Ренинъ.

— Пожалуйста, передайте это письмо мадемуазель Эймаръ и скажите ей, что я умоляю ее простить меня.

Ренинъ не шевельнулся. Когда же молодой человѣкъ повторилъ свою просьбу, онѣ взяли письмо и разорвали его.

— Что это значитъ?— спросилъ Жань-Луи.

— Это значитъ, что ваше порученіе я на себя не беру.

— Но почему?

— Потому что вы пойдете съ мной.

— Я?

— Именно. Завтра же вы будете просить руки мадемуазель Эймаръ.

Молодой человѣкъ съ нѣкоторымъ презрѣніемъ взглянула на Ренина. На лицѣ его какъ-бы отразилась мысль: «вотъ человѣкъ, который ровно ничего не понялъ изъ всего того, что я ему разсказала.»

Гортензія подошла къ Ренину:

— Скажите ему, что Женевьевы покушались на самоубіство. Она непремѣнно лишитъ себя жизни.

— Это бесполезно. Все произойдетъ такъ, какъ я говорю. Мы пойдемъ вѣтъ трое черезъ часъ или два, а завтра же будеть сдѣлано предложеніе.

Молодой человѣкъ пожалъ плечами и засмѣялся.

— Вы говорите съ большой самоувѣренностью!

— У меня есть основанія для этого.

— Какія основанія?

— Я вамъ сообщу одно, если вы согласитесь помочь мнѣ разыскать это дѣло.

— Какой смыслъ? Съ какой цѣлью?— возразилъ Жань-Луи.

— Съ цѣлью установить, что разсказанная вами исторія не вполнѣ соответствуетъ истинѣ.

Жань-Луи возмутился:

— Верьте, что я не сказал ни одного слова неправды.

— Я плохо выразился, — очень мягко замягтил Ренин, — вы, конечно, сообщили то, что считали правдой. Но, видите-ли, правда не тамъ, не то, что вы предполагаете.

Молодой человѣк скрестил руки на груди.

— Все же больше шансовъ, что я правду знаю лучше васъ.

— Едва-ли! То, что вы знаете, вы знаете изъ устъ третьихъ лицъ. У васъ нѣть никакихъ доказательствъ. Нѣть ихъ ни у госпожи д'Ормиваль, ни у госпожи Бобу.

— Доказательствъ чего? — воскликнула Жанъ-Луи съ нетерпѣніемъ.

— Никакихъ доказательствъ то, что обоихъ младенцевъ перепутали.

— Какъ? Но это же фактъ. Обоихъ новорожденныхъ положили въ одну и ту же колыбельку. Никакихъ знаковъ отличія у нихъ не было. Сестра милосердія не могла различить...

— Она такъ говорить...

— Что вы говорите? Вы, зна-

чить, обвиняете эту женщину?

— Я ее не обвиняю.

— Но вы же утверждаете, что она солгала! И съ какой, позовите вѣсть спросить, цѣлью. Она сама, какъ вѣдь подтвердили, была въ полномъ отчалии. А главное, какая у нея могла быть цѣль?

Жанъ-Луи была очень возбуж-

денъ. Въ комнату неслышно вошли обѣ матери, которая подслушивали за дверьми. Они прошептали:

— Нѣть... нѣть... это невозможн... Мы ее разспрашивали сто разъ. Зачѣмъ ей было лгать?

— Говорите, говорите-же, сталь требовать Жанъ-Луи, — объяснитесь! Изложите вашу точку зрѣнія.

— Потому, — повысивъ голосъ, сказалъ Ренин, — что ваша правда непримлема. Нѣть, подобная событія случаются не такъ.. Нѣть, судьба такихъ жестокихъ сюрпризовъ не устраиваетъ. Уже и то необыкновенный случай, что, когда докторъ, его лакей и горничная покинули домъ, обѣ дамы вдругъ одновременно почувствовали приближеніе рода. Не будемъ довѣрять всѣмъ этимъ изумительнымъ совпаденіямъ: этимъ лампамъ, которая не горятъ, этимъ свѣчамъ, которая тухнутъ. Нельзя допустить, чтобы акушерка могла притти въ такое смятеніе и такъ все перепутать. Въ ней, хотя бы она и была перепугана, долженъ быть дѣйствовать профессіональный инстинктъ. Я отрицаю, чтобы она могла перепутать младенцевъ. Всегда остается въ памяти какая-нибудь маленькая подробность, которая ихъ отличаетъ одного отъ другого. Я утверждаю самыи категорическимъ образомъ, что сестра милосердія Бусиноль не могла перепутать обоихъ новорожденныхъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Помѣщаю плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолженіе, см. № 4-45.)

Князь говорилъ это съ такой си-
лой, съ такой убѣжденностью, что
всѣ присутствующіе невольно про-
никались его точкой зрѣнія. Ему
удалось поколебать у старухъ до-
вѣре къ тому, что онъ считали
правдой въ теченіе четверти вѣка.

Всѣ окружили Ренина и стали съ
волненіемъ спрашивать его:

— Значить, по вашему, эта жен-
щина знаетъ? Она могла бы от-
крыть намъ тайну?

Онъ продолжалъ:

— Я ничего не предрѣшаю. Я
говорю только, что поведеніе мадемуазель Бусиноль является совер-
шенно загадочнымъ и то, что она
утверждаетъ, не согласуется съ исти-
ной. Она что-то знаетъ. Дѣло не въ
ея разсѣянности, а въ иѣтъ друго-
гому. Тайна, которая вѣдь вѣдь
тронько тяготитъ столько лѣта, на-
ходитъ вѣдь въ рукахъ.

— Что вы утверждаете? — вос-
кликнула Жанъ-Луи.

— Вотъ что было, — горячо пе-
ребѣжалъ Ренинъ, — я не видѣлъ
всего этого события, по путемъ раз-
сужденій, дедукцій и логики ясно
рисую себѣ всю картину. И я при-

но, которая свидѣтельствовали о Здравствуйте, мадамъ Бобу!

Хорошемъ вкусѣ Жана-Луи, такъ
какъ эта комната была именно его. Ренинъ же вышелъ впередъ и стро-
го проговорилъ:

— Я вѣдь сейчасъ сообщу, въ
чѣмъ дѣло, мадемуазель Бусиноль.
Но вслушайтесь въ каждое мое сло-
во. Дѣло серьезное!

У него былъ видъ строгаго су-
дебнаго слѣдователя, для котораго
всѣ обвиняемаго очевидна.

Онъ продолжалъ:

— Мадемуазель Бусиноль, я
прибылъ сюда изъ Парижа по по-
рученію полиціи, чтобы выяснить
драму, происшедшую двадцать семь
лѣтъ тому назадъ. Мнѣ известно,
что, благодаря именно вамъ, граж-
данское состояніе одного изъ ново-
рожденныхъ въ эту ночь установ-
лено неправильно. Вы сдѣлали лож-
ные заявленія. По уголовнымъ за-
явлѣніямъ, подобныя ложныя заявле-
нія строго караются. Я вѣдь отвезу
въ Парижъ. Тамъ въ присутствіи
вашего защитника, вы дадите пока-
занія.

— Въ Парижъ?.. Моего защит-
ника? — простонала мадемуазель Бу-
синоль.

— Это необходимо, такъ какъ
васъ, вѣроятно, арестуютъ. Всѣ
развѣ, — бросилъ Ренинъ, — вы немед-
ленно согласитесь во всѣмъ сознать-
ся и исправить, такимъ образомъ,
послѣдствія вашей вины.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Помощь сатаны

Современный роман.

(Продолжение, см. № 4—46.)

Старая дама задрожала. Она, очевидно, не могла противиться Ренину.

— Согласны ли вы во всем сознаться? — спросил он.

Она рискала:

— Мне не в чём сознаваться, так как я ничего не совершила.

— Въ таком случае, вдемь — проговорил он.

— Нет, нет, — взмолилась она, — добрый господин, не губите!

— Решайтесь!

— Хорошо, — чуть слышно прошептала она.

— Немедленно. Мне пора на путь. Надо, чтобы это было немедленно ликвидировано. Если вы будете колебаться, я вас уважу. Понимаете?

— Да.

— Ну-с, тогда говорите прямо, без уверток.

— Чей это сын? — спросил он, указывая на Жана-Луи, — госпожи д'Ормиваль?

— Нет.

— Тогда госпожи Бобуа?

— Нет.

За этим отвратительным последовало

гробовое молчание и минута общего оцепенения.

— Объяснитесь, — приказал Ренин, смотря на часы.

Тогда мадемуазель Бусиноль упала на колени и прерывающимся от волнения голосом рассказала:

— Вечером в тот день пришел какой-то господин с новорожденным, которого она хотела поручить заботам доктора. Так как доктора не было, она всю ночь ожидала его и потом он же все сдала.

— Что именно? — спросил Ренин, — что произошло?

Она схватила старуху за руки и смотрела на нее пристальным взглядом. Жан-Луи и обе матери с страшным волнением ожидали ответа. Их жизнь зависела от этих слов, которые она скажет:

Она произнесла, наконец, эти слова, сложив молитвенно руки, как бы во время исповеди.

— Случилось так, что оба новорожденных умерли: и сын госпожи д'Ормиваль, и сын госпожи Бобуа. Умерли они от конвульсий.

Тогда тот господин, видя это, сказал мне... Я помню каждое

слово... Он сказал мне следующее:

— Обстоятельства указывают мне мой долг. Я должен воспользоваться случаем, чтобы мой мальчик попал в надежные руки. Положите его вместо одного из покойных.

Она предложила мне порядочную сумму денег, говоря, что ему теперь помчаться не надо будет платить за своего мальчика. Я согласилась. Но вместо кого его положить? Господин подумал и сказал: «Пусть она будет ни д'Ормиваль, ни Бобуа. И она сказала мне, что я должна потом всем объяснить. Затем, пока я переодевала его мальчика, господин зачеркнул один из труников въ одвяло и унес его.

Мадемуазель Бусиноль опустила голову и принялась плакать. Через некоторое время Ренин добавил:

— Я не скрою от вас, что ваше признание совпадает с данными следствия. Это вам послужит в пользу.

— Я не пойду в Париж?

— Нет.

— Вы меня не уvezете? Я могу удаляться?

— Да. Сейчас вы не нужны.

— И здесь обо всем этом не будет лишних разговоров?

— Нет. Еще одно слово. Вы знаете фамилию этого господина?

— Он мне ее не сказал.

— Вы его потом не видели?

— Никогда.

— Ничего больше не имеете сказать?

— Ничего.

— Вы готовы подписать текст своего признания?

— Да.

— Хорошо. Через неделью вас вызовут к следователю. А пока никому ничего не болтайте.

Она встала, перекрестилась и при помощи Ренина, так как ноги у нее подкашивались, вышла. Она ее вывела наружу и закрыла за нее дверь.

Когда она вернулась, то застала Жан-Луи между обеими старухами; все трое держались за руку. Ненависть, взаимная антипатия между ними как бы исчезли. Всё они как бы успокоились и получили душевное облегчение.

— Поторопимся, — сказал Ренин Гортензии, — наступает решающий момент боя. Нам надо забрать Жана-Луи.

Гортензия имела раскаянный вид. Она прошептала:

— Почему вы позволили этой женщине уехать? Вы удовлетворены ее показанием?

— Я им удовлетворен не был. Она рассказала о том, что произошло. Что же вы хотите еще?

— Ничего... Я не знаю.

(Продолжение следует.)

Помощь сатаны

Современный роман.

(Продолжение, см. № 4—47.)

— Мы потому оба встали опять поговорить, дорогой друг. А сейчас, повторю, нам надо увезти Жана-Луи. А немедленно. А то...

И, обратившись к молодому человеку, она сказала:

— Вы, впрочем, согласны съ тѣмъ, что обстоятельства такъсложились, что всѣмъ троимъ вамъ надо разстаться. Вы должныѣхать сейчасъ съ нами, такъ какъ самое главное — спасти вашу невѣсту.

Жан-Луи заколебался. Ренин повернулся к старухам:

— Вы, впрочемъ, моего мнѣнія.

Она утвердительно кивнула головами:

— Вы видите! — сказала она Жан-Луи, — она согласны со мною. Когда случаются подобные кризисы, разлука очень полезна. Возможно, что эта разлука не будет долго длиться. Вѣдь къ крайнему случаю всегда можете покинуть Женевьеву Эймаръ и сѣять начать свой прежний образъ жизни. А жениться на ней вѣдь вы обязаны, это вашъ долгъ... Ну, вѣдѣмы!

— И, не давая молодому человеку опомниться, она заставила его говорить прямо:

собраться въ дорогу.

Черезъ полъ часа Жан-Луи покинулъ свою усадьбу.

— Она вернется женатымъ, — сказала по дорогѣ въ Парижъ Ренин Гортензіи въ то время, когда Жан-Луи сдавалъ свой баагажъ, — все устроилось къ лучшему. Вы довольны?

— Да, бѣдная Женевьевѣа будь счастлива, — отвѣтила она разсѣянно.

Въ пѣздѣ они пошли вдвоемъ въ вагонъ-ресторанъ. Постъ обѣда, когда Гортензія однозначно отвѣтила на сколько разъ на вопросы своего спутника, она запротестовала:

— Что съ вами, дорогой другъ? Вы не отвѣчаете? У васъ озабоченные виды!

— Да нѣтъ же.

— Нѣтъ, нѣтъ — да! Я вѣдь васъ знаю. Говорите прямо.

Она улыбнулась.

— Ну, хорошо, если вы настаиваете. Въ общемъ этимъ приключениемъ я довольна и радуюсь отъ души за Женевьеву Эймаръ, но... но въ другомъ отношеніи...

— Я васъ просто не удивилъ, говоря прямо?

— Именно.

— Вамъ кажется, что я игралъ второстепенную роль? Что я, собственно говоря, ничего не сдѣлала. Не такъ ли?

— Правда! И я спрашиваю себя, кончена ли эта исторія? Говоря по совѣсти, другія приключения оставили во мнѣ болѣе ясное, болѣе определенное впечатлѣніе.

— А это кажется вамъ темными?

— Невыясненнымъ, незаконченнымъ!

— Въ чёмъ же эта незаконченность?

— Я не знаю сама. Возможно, что это находится въ связи съ признаніемъ сестры милосердія. Это признаніе было такимъ неожиданнымъ, такимъ краткимъ...

— Ну, конечно, — возвратилъ Ренин со смѣхомъ, — я долженъ быть его оборвать. Не надо было дать старухѣ слишкомъ распространяться.

— То есть какъ?

— Ну, да! Если бы она стала распространяться, то могло явиться сомнѣніе къ ей разсказу.

— Дѣло въ томъ, что вся эта исторія придумана. Вѣдь рядъ неизвестностей бросается въ глаза: господинъ, прѣзирающій съ младенцемъ и уѣзжающій затѣмъ съ трупомъ другого мальчика... Но что же было дѣлать, дорогой другъ: у меня въ распоряженіи было слишкомъ мало времени, чтобы просуфлировать старухѣ ея роль.

Гортензія съ изумленіемъ посмотрѣла на него.

— Что вы хотите сказать?

— Эти деревенскіе старушки не очень то понятливы. Мы торопились. Нашъ сценарій мы смѣстерили въ мгновеніе ока. Впрочемъ, свою роль она сыграла недурно. И плакала она хорошо!.. А какъ ловко она заставила дрожать свой голосъ...

— Возможно ли? — прошептала Гортензія, — вы ее, значитъ, раньше видѣли?

— Какъ же иначе!

— Но когда?

— Утромъ же. Въ то время, когда вы въ гостиницѣ занялись своимъ туалетомъ, и побѣжалъ на развѣдки. Вѣдь драма д'Ормиваль-Бобуа здѣсь всѣмъ отлично извѣстна. Мѣсяцъ съѣздили на мадемуазель Бусиноль. Съ ней дѣло уладилось очень быстро. Я ей вручилъ 10.000 франковъ за инсценированіе всей этой болѣе или менѣе нраводоподобной сцены.

— Совершенно неправдоподобной.

— Вы, однако, ея разсказу повѣрили, другое также. А это только и требовалось. Нужно было однѣмъ взмахомъ разрушить правду, которую считали таковой двадцать семь лѣтъ, правду, согласующуюся съ фактами. Я атаку свою повѣль быстро, не давая передохнуть, не давая опомниться.

(Продолжение следует.)

Помощь сатаны

Современный роман.

(Продолжение, см. № 4—5.)

— Вы тогда посыпьте свой путь бѣлыми камешками, чтобы по нимъ я могъ вѣстъ найти, и до послѣдняго мгновенія, когда надѣйкой головки блеснетъ даже топоръ, все мысленно повторите: „мнѣ нечего бояться, онъ меня освободитъ.“ „Онъ“ — это я... Цѣлую вашу ручку! До вечера!

Послѣ обѣда Ренинъ занимался своими дѣлами. Между четырьмя и семью часами онъ купилъ разныи газеты. Нигдѣ о какомъ-либо похищении рѣчъ не шла.

Въ девять часовъ онъ пошелъ въ театръ, гдѣ у него была взята ложка. Въ левать съ половиною часовъ Гортензія все не было. Онъ позвонилъ къ ней, ничуть не беспокоясь. Горничная отвѣтила ему, что Гортензія еще не вернулась.

У Ренина скжалось сердце недобрѣмъ предчувствіемъ, и онъ побѣжалъ на квартиру Гортензіи вблизи парка Монсо. Его встрѣтила гор-

ничная, вполнѣ ему преданная. Она сообщила, что хозяйка ея вышла въ вѣтра два часа днія съ письмомъ въ рукахъ, говоря, что она сходить на почту и скоро вернется, чтобы переодѣтъся. И затѣмъ она не возвращалась.

— Кому было адресовано письмо?

— Вамъ. Я видѣла на конвертѣ — „князю Ренину.“

Онъ ждалъ до двѣнадцати часовъ. Напрасно. Гортензія не пришла; не было ея и на слѣдующій день.

— Никому обѣ этомъ ни слова, — приказалъ Ренинъ горничной, — всѣмъ говорите, что ваша хозяйка уѣхала въ деревню и вы отправились туда же.

Онъ не сомнѣвался. Исчезновеніе Гортензіи объяснялось наступлениемъ 18-го октября. Гортензія приходилась седьмой жертвой „Гильотиницы“.

— Похищеніе, — стала онъ мимолѣко разсуждать, — предшествуетъ

удару топора на восемь полныхъ дній. У меня, слѣдовательно, въ распоряженіи семь полныхъ дній, чтобы дѣйствовать. Скажемъ, шесть даже. Сегодня суббота. Необходимо, чтобы въ слѣдующую пятницу въ двѣнадцать часовъ днія Гортензія была свободна. Я долженъ знать мѣсто ея пребыванія не позже дѣвятнадцати часовъ въ четвергъ.

Ренинъ написалъ на кускѣ бумаги, который прикрѣпилъ наль каминомъ своего кабинета: „Въ четвергъ въ девять часовъ вечера“. Затѣмъ въ субботу, на слѣдующій день послѣ исчезновенія Гортензіи, онъ заперся въ своей комнатѣ, приказавъ своему лакею приносить ему почту и пищу въ положенные часы.

Онъ не выходилъ четыре днія и почти не двигался, углубившись въ чтеніе всѣхъ тѣхъ газетъ, гдѣ сообщалось подробно о прежнихъ шести убийствахъ. Перечитавъ все, онъ заперъ ставни, задернулъ занавѣски, потушилъ электричество и, растянувшись на диванѣ, стала обдумывать все происшествіе.

Во вторникъ вечеромъ онъ ничуть не подвинулся впередъ: тайна оставалась непроницаемой, никакихъ путеводныхъ нитей онъ не нашелъ. Временами онъ переставалъ надѣ-

яться.

Иногда, не взирая на всю свою вѣру въ свои силы, его охватывали ужас и отчаяніе. Спасетъ ли онъ? Во время ли ему удастся прибыть? На какомъ основаніи можно надѣяться, что, наконецъ, онъ увидитъ что-либо ясное, разъясняющее, разгадаетъ кошмарную тайну?

Мысль о томъ, что молодая женщина можетъ быть убита, безконечно угнетала его, терзала его сердце. Онъ привязался къ Гортензіи гораздо глубже, нежели это можно было предполагать по вѣнчимъ признакамъ. Короче говоря, она ее полюбила всѣми силами своей души. Обѣ они даже не подозрѣвали о глубинѣ этой любви, такъ какъ ихъ постоянно занимала мысль о какомъ-либо приключѣніи, которое они вѣдѣтъ переживали. Но, когда Гортензія стала угрожать опасность, Ренинъ понялъ, какое мѣсто она занимала въ его жизни, и мысль, что онъ бессиленъ выручить ее изъ бѣды, приводила его нервы въ совершенно неописуемое состояніе.

Онъ провелъ ужасную ночь, пѣребирая въ своей памяти всѣ подробности этихъ ужасныхъ убийствъ.

(Продолжение слѣдуетъ).

Помощь сатаны

Современный роман.

(Продолжение, см. № 4—5.)

Среда прошла не лучше. Онъ тѣрять подъ собой почву. Наконецъ, онъ покинулъ свою комнату, выходитъ на бульвары и снова лихорадочно бродилъ по квартире. Мозгъ его гвоздила мысль:

— Гортензія страдаетъ... Она на краю гибели... Она видѣть занесеніе надѣйко не топоръ... Она зоветъ меня, умоляетъ ее спасти... И я ничего не могу сдѣлать!

Только въ пять часовъ днія, разсматривая списокъ жертвъ „Гильотиницы“, онъ вдругъ почувствовалъ, что тайна передъ нимъ раскрывается. Лучь правды блеснула въ его мозгу. Не все еще было для него ясно, но онъ зналъ, куда ему направить свой путь.

Немедленно онъ обдумалъ планъ дѣйствій. Черезъ шоффера Клемона имѣло послано во всѣ главныи газеты объявленіе, которое должно было появиться на слѣдующій день на первой страницѣ на видномъ мѣ-

стѣ. Кроме того, Клемонъ долженъ былъ сѣѣздить въ прачечную, гдѣ когда-то работала мадемузель Клер, третья изъ шести жертвъ.

Въ четвергъ Ренинъ никуда изъ дому не выходилъ. Послѣ двѣнадцати часовъ днія онъ получилъ нѣсколько писемъ, вызванныхъ его объявленіемъ. Но, казалось, эти письма и телеграммы не соотвѣтствовали его ожиданіямъ. Наконецъ, въ три часа днія онъ получилъ городскую телеграмму, которая, видимо, его удовлетворила. Онъ ее долго разсматривалъ, перелистывалъ свои газеты и сказала наконецъ:

— Кажется, надо ити по этому пути.

Онъ справился съ адресомъ-календаремъ Парижа, записалъ адресъ: Г. де-Луртье-Вано, бывшій колоніальный губернаторъ, проспектъ Клебера, 47 бисъ — и побѣжалъ къ своему автомобію.

— Клодмонъ! Проспектъ Клебера, 47 бисъ,

Его ввели въ обширный кабинетъ, украшенный рядомъ шкафовъ съ цѣнными изданіями. Господинъ де-Луртье-Вано былъ еще довольно молодъ. Онъ носилъ сѣѣдьюю бородку и всѣмъ своимъ видомъ и обходженіемъ внушилъ довѣріе къ своей особѣ.

— Господинъ губернаторъ, — обратился къ нему Ренинъ, — я приѣхалъ къ вамъ потому, что какъ сообщаютъ газеты, вы знали одну изъ жертвъ „Гильотиницы“, а именно Гонорину Вернисъ.

— Ну, конечно, мы ее отлично знали, — воскликнулъ де-Луртье, — она работала у моей жены въ качествѣ швеи. Бѣдная дѣвушка!

— Господинъ губернаторъ, одна

дама, мой другъ, исчезла, какъ исчезли предыдущіе шесть жертвъ.

— Что вы говорите? — съ изумленіемъ проговорилъ де-Луртье, — я слѣдилъ по газетамъ; 18-го октября ничего не было.

— Напротивъ. Была похищена госпожа Даніель, которую я люблю. Именно 18-го октября.

— А сегодня у насъ 24-ое..

— Да, и послѣ завтра совершилъ убийство.

— Это ужасно! Надо непремѣнно этому помѣшать.

— Если вы посодѣствуете мнѣ, господинъ губернаторъ.

— Вы сообщили полиціи?

— Нѣтъ. Это было бы безполезно. Тайна до сихъ поръ не можетъ быть разгадана обычными средствами. Вѣдь судебная власть во всѣхъ предыдущихъ шести случаяхъ ничего не могла выяснить. Съ подобнымъ противникомъ обычновѣнная полиція борется не въ силахъ.

— Что же вы сдѣлали?

— Прежде, нежели начать дѣйствовать, я размыслилъ четыре дня.

Де-Луртье-Вано взглянула на своего собесѣдника нѣсколько иронически.

— И каковы результаты вашихъ размышленій?

— Прежде всего, — спокойно продолжалъ Ренинъ, — я установилъ въ этомъ дѣлѣ новую общую точку зреінія. Мнѣ удалось, устранивъ всѣ сомнительныи гипотезы, разрѣшить вопросъ, кто именно способенъ быть совершилъ всѣ эти убийства.

— То есть?

— Убѣдѣца — сумасшедшій, господинъ губернаторъ.

— Что за идея!

(Продолжение слѣдуетъ).

Помощь Шашомъ сатаны

Современный роман.

(Продолжение, см. № 4—52.)

— Господинъ губернаторъ, дама, которую называютъ „Гильотиницей”, сумасшедшая.

— Тогда она была бы заключена въ соотвѣтственномъ заведеніи.

— Мы ничего не знаемъ. Вѣдь возможно, что она на половину сумасшедшая и по вѣнчаному виду безвѣнчаная. За нею, быть можетъ, не слѣдить, и она можетъ безпрепятственно удовлетворять своимъ кро-вожаднымъ наклонностямъ. Подобные

сумасшедшии удивительно опасны и легко вводить окружающихъ въ заблужденіе своимъ лицемѣремъ, свою хитростью и необыкновенной ловкостью. Эта безумная, какъ это ясно, видимо, находится подъ влѧ-ніемъ какой-то навязчивой идеи; проводить она ее удивительно ме-тодично, поспѣдовательно и логично.

— Я знаю, каково имѣніе эта идея, но я знаю факты. Каждый разъ жертва связана веревками. Каждый разъ ее убиваютъ черезъ нѣсколько

дней послѣ похищенія. Убиваютъ ее топоромъ, вертикальнымъ уда-ромъ по головѣ. Обыкновенный убийца не проявить такого одно-образія въ приведеніи въ исполне-ніе своего преступленія. Только сумасшедшая или сумасшедшая спо-собы дѣйствовать такъ строго-по-спѣдовательно, механически, такъ сказать; какъ часы, которые бываютъ въ определенное время, или гиль-отина, ножъ который слѣпо падаетъ...

Де-Лурть-Вано покачалъ головой.

— Конечно, конечно... Это дѣло можно рассматривать и съ вашей точки зреінія. Я даже согласенъ съ вами. Но, допустивъ все это, все же остается неяснымъ: почему эта сумасшедшая избираетъ предпочтѣнно одну жертву, а не другую?

— Ахъ, господинъ губернаторъ, — воскликнулъ Ренинъ, — вы ста-вите мнѣ вопросъ, который я все

дѣло. Почему Гортензія Даніель, а не другая? Почему молодая Верни-са? Почему миссъ Вильямсонъ? Чѣмъ именно руководствовалась сумасшедшая при выборѣ своей жертвы? Кого выбирала она? Кого ей нужно было убить?

— Вы разрѣшили этотъ вопросъ?

Ренинъ остановился и затѣмъ продолжалъ:

— Да, господинъ губернаторъ, я этотъ вопросъ разрѣшилъ. Я дол-женъ быть бы разрѣшилъ его съ первой минуты, внимательно раз-сматрѣвъ списокъ жертвъ. Но эти проплески истины зарождаются и тогда въ мозгу не сразу, а послѣ долгихъ и усиленныхъ размышеній. Двадцать разъ я разсматривалъ спи-сокъ, пока одна маленькая подроб-ность не бросилась мнѣ въ глаза.

— Я не понимаю, — проговорилъ де-Лурть-Вано.

— Господинъ губернаторъ, за-мѣтили ли вы, что во время обна-ружения какихъ-либо преступленій, если въ дѣлѣ замѣшано нѣсколько лицъ, ихъ обыкновенно называютъ по фамиліямъ? Въ данномъ случаѣ газеты всегда называли госпожу Ладу, мад-ль Арданъ и мад-ль Коверо только по ихъ фамиліямъ. Только мад-ль Вернисе и мад-ль Вильямъ.

онъ были названы и по именамъ — Гонорина и Гербетта. Если бы это было сдѣлано въ отношеніи всѣхъ жертвъ, тайны уже не существова-ло бы.

— Почему?

— Потому, что сразу было бы найдено соотношеніе между имена-ми и жертвами преступленія. Вы по-нимаете? Передъ нами три имени...

Де-Лурть вдругъ смутился. Онъ поблѣднѣлъ и спросилъ:

— Что вы говорите?.. Что вы говорите?..

— Я хочу сказать, — отчетливо продолжалъ Ренинъ, — отчеканивая каждое слово, — что имена всѣхъ рѣшительно жертвъ начинаются од-ной и той же буквой Г*. Я навѣль по этому поводу точные справки. Значитъ, сумасшедшая избирала свою жертву между тѣми женщина-ми, имена которыхъ начинались бук-вой Г. И какое это яркое доказа-тельство того, что мы имѣемъ дѣ-ло съ сумасшедшей! И Гильотина тоже начинается съ буквы Г. Безум-ная дѣйствовала подобно гильотинѣ, хотя и не рубила головы, но руби-ла по черепу. Не такъ ли, не со-гласны ли вы, что убийца — явная сумасшедшая?

Ренинъ подошелъ къ де-Лурть-

и спросилъ его:

— Что съ вами, господинъ гу-бернаторъ? Вамъ дурно?

— Нѣтъ, нѣтъ, — возразилъ де-Лурть, хотя на лбу у него высту-пилъ потъ, — нѣтъ... но вся эта исто-рия такъ волнуетъ... Подумайте, я же зналъ хорошо одну изъ жертвъ...

Ренинъ взялъ со стола графинъ, наполнилъ стаканъ водой и подалъ его де-Луртью. Тотъ выпилъ нѣ-сколько глотковъ и, дѣля надѣ-сбою усмѣшку, продолжалъ:

— Допустимъ, что все это такъ. Что же вы сдѣлали?

— Я помѣстилъ сегодня во всѣхъ газетахъ такое объявленіе: „Прекрас-ная кухарка ищетъ мѣста. Писать до пяти часовъ вечера Гермини, бульваръ Гаусмана... и т. д. Про-слѣдѣте, господинъ губернаторъ мою мысль: сумасшедшей требуются жертвы, имена которыхъ начинают-ся буквой Г. Это не такъ легко найти. Ей приходится пускать въ ходъ всю свою хитрость, свою смѣт-ливость, свою ловкость. Она ищетъ, распрашиваетъ. Читаетъ даже газе-ты, которые не понимаютъ, и гдѣ она лишь ищетъ нужныхъ ей имена. Я не сомнѣвался, что имя Гермини, напечатанное жирнымъ шрифтомъ на первой страницѣ, бросится ей въ

глаза, и она попадется въ мою ло-вушку.

— Она вамъ написала? — волну-ясь спросилъ де-Лурть-Вано.

— Мнѣ нѣсколько особы напи-саны по поводу этой воображаемой Гермини. Но вотъ телеграмма, пред-ставляющая особый интересъ.

— Отъ кого?

— Читайте, господинъ губерна-торъ.

Де-Лурть вырвалъ изъ руки Ренина листокъ и взглянулъ на под-пись. Сначала у него вырвался знакъ удивленія, какъ-будто онъ ожидалъ другого, а потому онъ какъ бы съ облегченіемъ разсмѣялся.

— Почему вы сдѣствѣесь, госпо-динъ губернаторъ? Вы какъ-будто довольны?

— Не то! Это письмо подпи-сано моей женой.

— А вы опасались другого?

— О, нѣтъ, но разъ это моя жена...

Онъ фразы не кончилъ и сказалъ Ренину:

— Простите меня, но объясните мнѣ, почему изъ всѣхъ отвѣтovъ на ваше объявление вы выбрали именно этотъ, думая, что онъ дастъ вамъ нужный указанія?

— Потому, что онъ подписанъ

въ качествѣ швеи Гонорина Верни-са, одна изъ жертвъ.

— Кто вамъ это сказа-лъ?

— Это мнѣ извѣстно изъ газетъ.

— И только это обстоятельство рѣшило вашъ выборъ?

— Да. Но сейчасъ, господинъ губернаторъ, у меня какоето внут-реннее убѣждѣніе, что я не ошибся.

— Откуда явилось это убѣждѣ-ніе?

— Я и самъ не знаю... Кое-ка-кія мелочи... Могу я увидѣть госпо-жу Лурть?

— Я хотѣлъ вамъ это предло-жить. Пойдемъ.

Онъ взвѣлъ его въ маленькую гостинку, гдѣ красная блондинка съ счастливымъ и добрымъ лицомъ сидѣла въ обществѣ трехъ дѣтей.

Она встала. Де-Лурть представи-вилъ своего спутника и спросилъ:

(Продолжение следуетъ).

Помощь шащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолжение, см. № 4—53.)

— Сузанна! Ты послала это пневматическое письмо?

— Адресованное Гермини, бульвар Гаусмань, — сказала она, — да, я. Наша горничная ушла, и я ищу ей замѣстительницу.

Ренинъ прервалъ ее:

— Простите меня, но скажите, кто вами даль адрес этой женщины?

Она покраснѣла. Де-Луртье сказалъ:

— Отвѣчай, Сузанна. Кто тебѣ далъ этотъ адресъ?

— Мне его сообщили по телефону.

— Кто?

Послѣ минуты колебанія она проговорила:

— Твоя старая кормилица...

— Фелисьена?

— Да.

Де-Луртье оборвалъ сразу разговоръ, и, не давая возможности Ренинъ предложить еще какіе-либо вопросы, онъ отвѣтъ его въ свой кабинетъ.

— Вы видите, что это письмо имѣть совершенно естественное происхожденіе. Моя старая кормилица, живущая въ окрестностяхъ

Парижа, прочла ваше объявление и сообщила о немъ моей женѣ. Вѣдь вы, надѣюсь, — съ дѣланіемъ смѣхомъ добавилъ онъ, — не подозрѣваете моей жены?

— Нѣтъ.

— Тогда инцидентъ исчезнанъ... по крайней мѣрѣ, съ моей стороны... Я сдѣлала все и очень сожалѣю, что не могу быть вами полезнымъ...

Онъ, видимо, торопился выпроводить своего посытителя. Вдругъ лицо его поблѣдѣло.

Ренинъ посмотрѣлъ на него, какъ смотрѣть на противника, готоваго сдѣлаться, и сѣвъ около него и, взявъ рѣзко за руку, произнесъ:

— Господинъ губернаторъ, если вы не скажете, Гортензію Данѣль сдѣлается седьмой жертвой.

— Я ничего не могу сказать. Я ничего не знаю.

— Вы знаете правду. Вашъ исступъ, ваше лицо обѣ этомъ свидѣтельствуютъ. Вы не только можете помочь мнѣ, но и вѣсъ въ рукахахъ ключа этой тайны. Не будемъ же терять времени.

— Но, если-бъ я зналъ, зачѣмъ же я молчать бы?

— Изъ боязни скандала. Я чувствую ясно, что въ вашей жизни есть что-то такое, что вы скрываете.

Для васъ правда въ этомъ дѣлѣ связана съ безчестіемъ вашей семьи, если только эта правда сдѣлается общимъ достояніемъ, если она буде подхвачена печатью. Вотъ почему вы отступаете передъ своимъ долгомъ, колеблѣтесь исполнить свою обязанность.

Де-Луртье ничего не отвѣчалъ. Ренинъ наклонился къ нему и, пронизывая его взглядомъ, продолжалъ:

— Скандала не будетъ. Я одинъ въ мѣрѣ буду знать подробности этой истории. И я, также какъ и вы, хочу сохранить тайну: я вѣдь люблю Гортензію Данѣль и не хочу, чтобы ея имя попало на страницы газетъ.

Они нѣсколько мгновеній смотрѣли другъ на друга. Лицо Ренинъ приняло жестокое выраженіе. Де-Луртье чувствовалъ, что этотъ человѣкъ не уступитъ, но онъ не въ состояніи былъ заставить себя сказать правду.

— Вы ошибаетесь... Вы предполагаете то, чего въ дѣйствительностѣ нѣтъ.

Ренинъ понялъ, что если этотъ человѣкъ будетъ продолжать упорствовать, Гортензію погибнетъ. Имъ овладѣлъ приливъ страшнаго бѣшенства. Онъ скатился де-Луртье съ горы, опрокинулъ его и закричалъ;

— Довольно льгатъ! Дѣло идетъ о жизни женщины!.. Говорите, говорите немедленно!.. А если нѣтъ...

Де-Луртье потерялъ способность сопротивляться. Онъ не боялся Ренинъ, но тѣтъ покорилъ его и подчинилъ себѣ своей неукротимой силой воли, разбивающей на свою путь всѣ препятствія.

— Вы правы, — пробормоталъ онъ, — мой долгъ все сообщить, не зависимо отъ послѣдствій.

— Никакихъ послѣдствій для васъ не будетъ. Ручалось за это, если вы спасете Гортензію Данѣль. Минута нерѣшительности можетъ все погубить. Говорите! Безъ подробностей, сообщите лишь факты.

Тогда де-Луртье, опершись локти на свой письменный столъ и закрывъ лицо руками, стала коротко, опуская детали рассказывать:

— Госпожа де-Луртье, которую вы видѣли, не моя жена. Я женился очень рано въ колоніяхъ. Моя молодая жена отличалась странностями характера и большой впечатлительностью. Мы имѣли двухъ дѣтей — близнеціевъ, которыхъ она обожала и которые, видимо, вернули ей полное душевное равновѣсіе. Тутъ случилось страшное несчастье. На ея глазахъ случайно проѣзжавшая повозка задавила обоихъ близнеціевъ. Моя жена помѣшалась. У нея тихое помѣшательство въ той форме, какъ вы упоминали.

(Продолжение слѣдуетъ).

Помощь шащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолжение, см. № 4—54.)

Я привезъ несчастную во Францию и поручилъ есѣ заботамъ моей старой кормилицы, которая меня воспитала. Черезъ два года я познакомился съ той, которая сейчасъ составляетъ ядро моей жизни. Она является матерью моихъ дѣтей, и всѣ считаютъ ее моей женой. Могу ли я ею пожертвовать? Вѣдь вся моя жизнь рушится, если наше имя будетъ замѣшано въ эту кровавую драму.

Ренинъ подумалъ и спросилъ:

— Какъ зовутъ ее, другую?

— Геновена.

— Геновена. Та же первая буква... И восемь буквъ составляютъ имя...

— Именно это обстоятельство бросилось мнѣ въ глаза, когда вы мнѣ передавали подробности дѣла. Такое странное совпаденіе!

— Допустимъ, что безумная выѣбываетъ своихъ жертвъ изъ числа тѣхъ, имена которыхъ начинаются на Г, при чемъ само имя заключаетъ восемь буквъ. Но какъ объяснить убийства? Въ чемъ проявляется ея безуміе? Она страдаетъ?

— Сейчасъ она не очень страдаетъ. Но винчалъ она мучилась неимовѣрно. Когда дѣти ея погибли у

ней на глазахъ, все время передъ ею мысленнымъ взоромъ стояла картина ихъ гибели. Эта картина не давала ей возможности уснуть ни на одну секунду. Это была страшная пытка! Подумайте только: днемъ и ночью все время передъ нею стояли ея задавленныя дѣти!

Ренинъ прервалъ его:

— Вѣдь не для того, чтобы отогнать отъ себя эту картину, она убивается?

— Возможно, — задумчиво проговорилъ де-Луртье, — она стремится освободиться отъ этой картины путемъ сна.

— Я не понимаю.

— Вы не понимаете потому, что дѣло идетъ о сумасшедшемъ. Все, что происходитъ въ этомъ болѣйшомъ мозгу, аномально и нелогично.

— Конечно. Какіе-же факты подтверждаютъ ваше предположеніе?

— Факты... Факты есть. Я сначала не придавалъ имъ значенія; только сейчасъ начиняю въ нихъ разбираться. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ однажды утромъ моя старая кормилица впервые нашла Геновену мирно спящей. Ея руки сжимали

шею маленькой собачки, которую она задушила. Три раза подобная сцена повторилась.

— И она послѣ этого спала?

— Она спала, и сонъ ея каждый разъ продолжался нѣсколько ночей.

— Что вы изъ этого вывели?

— Я дѣлаю тѣль выводъ, что нервная энергія, которую она тратитъ на убийство, на нѣкоторое время ее истощается, и она начинаетъ тогда спать.

Ренинъ вздрогнулъ.

— Это именно такъ! Нельзя въ этомъ сомнѣваться. Убийство и употребленіе при убийствахъ усилие даютъ ей сонъ. Отъ животныхъ она перешла къ женскимъ. Она искривляетъ, чтобы завладѣть иль сномъ. Въ этомъ пункѣ ея помѣшательства. Ей нуженъ сонъ, — она его похищаетъ у другихъ. Уже въ теченіе двухъ лѣтъ она спитъ?

— Да, — прошепталъ де-Луртье.

Ренинъ скатился къ дверямъ.

— И вы не подумали, какія страшныя послѣдствія могла дать эта манія! Вѣдь эта безумная шла, ясно дѣло, на все, чтобы добиться себѣ сна.

Намъ надо спѣшить. Это же сплошной кошмаръ!

Оба направились къ дверямъ. Вдругъ раздался телефонный звонокъ.

— Это оттуда, — сказалъ де-Луртье.

— Оттуда?

— Да, каждый день въ этотъ часъ моя старая кормилица давѣтъ мнѣ справку.

Онъ взялъ телефонную трубку, а другую дѣлъ Ренину, который подсказывалъ ему нужные вопросы.

— Это ты, Фелисьена? Какъ она?

— Ничего себѣ, сударь!

— Хорошо она спитъ?

— Послѣдніе нѣсколько дней хуже. Послѣднюю ночь она даже совсѣмъ не смыкала глаза. Поэтому она имѣетъ очень мрачный видъ.

— Что она сейчасъ дѣлаетъ?

— Она въ своей комнатѣ.

— Иди туда, Фелисьена; и не покидай ее.

— Невозможно. Она заперлась.

— Это необходимо, Фелисьена. Взломай двери. Я сейчасъ прѣдѣду... Ало! Ало!.. Чортъ возьми! Насъ разъединили.

Оба, не говоря ни слова, выскочили на улицу и бросились къ автомобилю.

— Адресъ?

— Виль-д'Авра.

— Это центръ ея операций. Оттуда она протянула свои нити, какъ паукъ. Проклятъ!

Ренинъ былъ потрясенъ. Все это происшествіе, наконецъ, представилось ему во всей своей ужасной реальности.

— Да, — началъ громко разговаривать Ренинъ, — она хотѣла убивать, чтобы завладѣть иль сномъ. Она дѣлаетъ это для адорованаго человѣка неизвѣданныхъ, навязчивой идеи. Ей, очевидно, кажется, что имена жертвъ должны непремѣнно начинаться той же буквой, какъ и ея имя: только тогда она будетъ спокойно спать.

(Продолжение слѣдуетъ).

Подъ плащомъ сатаны

Современный роман.

(Продолжение, см. № 4—55.)

Этологика безумной. И она ищетъ и находить. Захвативъ свою жертву, она держитъ ее у себя и затѣмъ ударомъ топора по головѣ пріобрѣтаетъ тотъ сонъ, который на иѣкоторое время даетъ ей забвение. Тутъ мы наталкиваемся на чисто сумасшедшую логику: почему одна жертва должна дать ей 120 дней сна, а другая—125. Это расчетъ болѣнія мозга. Но по истечекіи 120 или 125 дней, во всякомъ случаѣ, новая человѣческая жертва должна быть принесена. И такихъ жертвоприношеній было уже шесть, седьмая жертва ожидаетъ своей очереди. Каждую вы взяли на себя тяжелую отвѣтственность. За подобными чудесами вы обязаны были все времена сладить.

Де-Лурть-Бано не возражалъ. Онъ былъ подавленъ, лицо его покрылось смертельной блѣдностью, видно было, что его мучили угрызенія совѣсти.

— Она меня обманула, — прошепталъ онъ, — по виду она была удивительно спокойна и послушна. К тому же, она живетъ въ санаторіи.

— Какъ же это могло случиться?

— Эта санаторія, — объяснилъ де-Лурть, — состоитъ изъ отдаленныхъ домиковъ, разбросанныхъ въ обширномъ саду. Павильонъ, въ которомъ живетъ Геновена, расположена совершенно отдельно. Тамъ одну комнату занимаетъ Фелисьена, другую—больная. Имѣются еще двѣ комнаты, окна одной изъ нихъ выходятъ въ поле. Я думаю, что въ

этой послѣдней комнатѣ она запираетъ своихъ жертвъ.

— Откуда она беретъ повозку, чтобы отвозить трупы?

— Конюшни санаторія находятся вблизи павильона. Тамъ имются повозка и лошадь. Вѣроятно, Геновена ночью встаетъ, спускаетъ трупъ черезъ окно и увозитъ его.

— Но за ней наблюдаетъ эта старуха?

— Фелисьена глуховата и очень дряхлая.

— Но днемъ она же видитъ, что дѣлаетъ ея хозяйка. Не соучастница ли она?

— Никогда! Фелисьена также, какъ и мы, была введена въ заблужденіе лицемѣріемъ безумной.

— Однако, вѣдь она телефонировала вашей женѣ по поводу моего объявленія?

— Это совершенно естественно. Геновена читаетъ газеты, слѣдить за объявленіями и, надо думать, просила Фелисьену вѣмъ проинформировать, такъ какъ знала, что моей женѣ нужна горничная.

— Да, да, — тихо проговорилъ Ренинъ, — это именно то, чѣмъ я предчувствовалъ, о чѣмъ мнѣ подсказывало мое внутреннее чуткое. Она заранѣе намѣчаетъ своихъ жертвъ. Но какимъ способомъ она заманивала къ себѣ несчастныхъ женщинъ? Какъ она заманила Гортензію Даніель?

Автомобиль мчался, но Ренинъ казалось, что онъ не двигается.

— Впередъ, Клемонъ!.. Мы стоимъ на мѣстѣ, мой другъ.

Онъ мучился мыслью, что опознаетъ. Логика безумныхъ вѣдь такъ неопределена, такъ измѣнчива. Сумасшедшая могла ошибиться днемъ, ускорить развязку, подобно тому, какъ иногда испорченные часы бываютъ часомъ раньше.

Съ другой стороны, послѣдніе дни она плохо спала. Вдругъ она рѣшила немедленно дѣйствовать? Черезъ какіе душевныя страданія должна была пройти жертва въ присутствіи своего палача, готовящагося нанести ей смертельный ударъ.

(Продолжение следуетъ).

Подъ плащомъ сатаны

Современный роман.

(Продолжение, см. № 4—56.)

— Скорѣй, Клемонъ, или я зайду въ твои мѣсто! Впередъ, впередъ, чортъ възьми!

Наконецъ, они въ Виль-д'Авръ. Автомобиль мчится, огибая высокую стѣну.

— Обѣдемъ заведеніе кругомъ, Клемонъ. Гдѣ, господинъ губернаторъ, находятся павильонъ?

— Съ противоположной стороны, — обяснилъ де-Лурть.

Они вышли изъ автомобиля. Ренинъ бросился бѣжать. Становилось темно. Де-Лурть указалъ:

— Здесь... Этотъ домикъ... Вотъ окно въ нижнемъ этажѣ. Это окно отдѣльной комнаты... черезъ это окно, вѣроятно, она выходитъ.

— Но окно забрано рѣшеткой, — замѣтилъ Ренинъ.

— Да, но, вѣроятно, она продѣлала отверстіе.

Первый этажъ былъ построенъ надъ погребомъ. Ренинъ взобрался по выступамъ фундамента вверхъ. Дѣйствительно въ желѣзной рѣшеткѣ не хватало одного прута. Онъ прильнулъ къ окну.

Внутренность комнаты была темна. Все же онъ различилъ въ глубинѣ комнаты двухъ женщинъ. Одна изъ нихъ лежала на тюфякѣ. Другая же сидѣла рядомъ на стулѣ, полузакрывъ голову руками, смотрѣла на лежащую.

— Это она, — прошепталъ де-Лурть, — очутившійся рядомъ съ княземъ, — другая связана.

Ренинъ вынуналъ изъ кармана алмазъ и осторожно вырѣзала въ окнѣ одно изъ стеколъ. Безумная не

шевельнулась. Затѣмъ онъ повернулся шинкелетъ, держа въ лѣвой руцѣ револьверъ.

— Вы не будете стрѣлять! — стала умолять де-Лурть.

— Если понадобится, да! Окно тихо открылось. Но вдругъ по пути оно задѣло стулъ, который съ грохотомъ упалъ.

Ренинъ бросился въ комнату, чтобы схватить сумасшедшую. Но она вскочила и съ животнымъ крикомъ выбѣжала изъ двери.

Дѣ-Лурть хотѣлъ бѣжать за нею.

— Зачѣмъ? — остановилъ его Ренинъ, становясь передъ связанной женщиной на колѣни, — спасемъ сначаля жертву.

Онъ вздохнулъ съ облегченіемъ: Гортензія была жива. Прежде всего онъ развязалъ ее и снялъ повязку, которой былъ затянута ротъ. На шумѣ въ комнату прибѣжала старая кормилица съ лампой.

Ренинъ ужаснулся, когда освѣтилъ лицо Гортензіи: оно было мертвенно-блѣдно, истощено, глаза

лихорадочно горѣли.

— Я вѣсъ ожидала, — прошептала она, пытаясь улыбнуться... Ни одной минуты я не видала въ отчаяніе... Я была увѣрена, что вы спасете меня...

Тутъ Гортензія потеряла сознаніе.

Черезъ часъ послѣ тщательныхъ поисковъ вокругъ павильона, сумасшедшая была найдена на чердакѣ. Она тамъ повѣсклась.

Гортензія торопилась уѣхать. Къ тому же, надо было, чтобы павильонъ былъ пустъ къ тому времени, когда старая кормилица объявила о самоубийствѣ безумной. Ренинъ подробно объяснилъ Фелисьенѣ, какъ ей нужно отвѣтить на вопросы по поводу сумасшедшей, и затѣмъ при помощи де-Лурть и шоффера перенесъ молодую женщину въ автомобиль и отвезъ ее домой.

Гортензія быстро поправилась. Уже черезъ два дня Ренинъ сталъ осторожно разспрашивать ее о томъ, какъ она познакомилась съ сумасшедшей.

(Продолжение следуетъ).

Помощь плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолжение, см. № 4—57.)

— Очень просто,—отвѣтила она,—мой мужъ, который тоже душевно боленъ, содржится въ томъ же за-веденіи. Я иногда тайно, сознаніемъ въ этомъ, посыпаю его. Я говорила съ несчастной женщиной нѣсколько разъ. Въ послѣднее мое посѣщеніе она пригласила меня зайти къ ней. Какъ только я вошла въ ея комна-ту, она бросилась на меня и связа-ла. Я не успѣла даже крикнуть о помощи. Мнѣ показалось, что сумасшедшая хотѣла подшутить надо мною. Въ сущности, вѣдь это была шутка безумной. Со мной она была очень кроткой, хотя и не кормила почти совсѣмъ.

— Вамъ не было страшно?

— Умереть съ голоду? Нѣть. Впрочемъ, иногда она меня немножко

подкармливала, когда къ этому ее побуждалъ капризъ.. И я была вполнѣ убѣждена, что вы меня освободите.

— Ну, а по поводу другой опасности?..

— Какой?—спросила она съ не-дouмъвающимъ видомъ.

Ренинъ вздрогнулъ. Она поняла, хотя это казалось на первый взглядъ страннымъ и неправдоподобнымъ, что Гортензія до сихъ поръ не по-нимала, какая страшная опасность ей угрожала. Она не подозрѣвала, что попала въ руки, такъ называемой „Гильотиницы“.

Онъ рѣшилъ пока ничего по этому поводу не объяснять ей.

А черезъ нѣсколько дней Гор-тензія, которой докторъ предписалъ покой и уединеніе, отправилась въ

деревню къ одной своей родственнице, живущей въ близи Базикура, въ самомъ центрѣ Франціи.

9.

Слѣды шаговъ на снѣгу.

„Ла Ронсъръ, черезъ Базикуръ, 14-го ноября.
Князю Ренину, бульваръ Гаусманъ, Парижъ.“

„Мой дорогой другъ!

Вы считаете меня, вѣроятно, не-благодарной. Я нахожусь здѣсь уже три недѣли и не написала вамъ ни одной строчки, ни слова благодарности. И, однако, я узнала, что вы меня спасли отъ ужасной смерти: мнѣ сдѣлалась извѣстныя скрѣть всей этой ужасной исторіи. Вы ужъ простите меня! Я была такъ потрясена. У меня явилась потребность уединиться и пожить въ полномъ покое. Я не могла оставаться въ Парижѣ и продолжать наши совмѣстные похожденія. Нѣть, довольно съ меня! Приключения другого меня интересуютъ, но пріятнаго мало по-

настѣ самой въ передѣлку... Ахъ, дорогой другъ, какъ я пережила ужасы! Это приключение я никогда не забуду... А здѣсь я наслаждаюсь полнымъ покоемъ. Моя старая кузина Эрмелина меня блулетъ, какъ больную. Я начинаю опять дѣлать розовой, и въ этомъ отношеніи все обстоитъ благополучно. Сознаюсь, что мое здоровье настолько хорошо, что я совершенно перестала интересоваться чужими дѣлами... право-же,ничуточки! И вотъ вообразите себѣ (рассказываю это лишь потому, что знаю ваше неисправимое любопытство и стремленіе, какъ старая баба, всюду совать свой носъ), что вчера я имѣла любопытную встречу. Антуанетта повѣла меня въ Базикурскій трактиръ. Мы стали пить чай въ общемъ залѣ, гдѣ по случаю базарного дня было много крестьянъ.

Вдругъ неожиданное появленіе трехъ новыхъ лицъ, двухъ мужчинъ и одной женщины, прекратило сре-ди присутствовавшихъ вскѣ раз-говоры.

(Продолженіе следуетъ).

Помощь плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолжение, см. № 4—58.)

Одинъ изъ мужчинъ, по виду фермеръ, былъ одѣтъ въ длинную блузу и имѣлъ веселое красное лицо, обрамленное сѣдыми бакенбардами. Другой, болѣе молодой, одѣтый въ бархатную куртку, проявлялъ отталкивающее впечатлѣніе своимъ желтымъ, высокими и злобными лицомъ. У каждого за плечами было охотничье ружье. Женщина, которая находилась съ ними, поражала своимъ изяществомъ. Она была маленькая, вся закутанная въ длинную темную мантлю, на головѣ ея красовалась мѣховая шапочка; лицо ея, очень блѣдное и худое, отличалось тонкостью чертъ.

— Отецъ, сынъ и сноха, — прошептала мнѣ кузина Эрмелина.

— Какъ? Эта прелестная женщи-на изъ этого увѣличия?

— И сноха барона де-Горна.

— Неужели этотъ типъ — баронъ?

— Онъ потомокъ очень знатной фамиліи, живущей въ здѣшнемъ замъкѣ. Вѣдь онъ всегда образъ жизни мужика... считается страшнымъ охотникомъ, пьяничкой, интриганомъ, сутягой и почти совершенно разо-рился. Сынъ его, Матіасъ, болѣе

честолюбивый, менѣе привязанный къ землѣ, изучалъ юриспруденцію и поѣхалъ въ Америку, откуда вернулся за недостаткомъ денегъ. Тутъ онъ влюбился въ дѣвушку изъ сѣдняго города. Несчастная, какъ это ни странно, согласилась выйти за него замужъ. Вѣдь уже пять лѣтъ она живетъ точно затворница, вѣ-нѣе, плѣнница, въ маленькой усадьбѣ по сѣдѣству, которая носить название Колодезь.

— Она живеть съ отцомъ и сыномъ? — спросила я.

— Нѣть, отецъ живеть на кон-цѣ деревни въ уединенной фермѣ.

— А этотъ Матіасъ ревнивый?

— Какъ тигръ.

— Безъ причинъ?

— Безъ малѣйшихъ основаній. Вѣдь не виновата Натали де-Горна, самая порядочная женщина въ мірѣ, если въ теченіе нѣсколькихъ мѣся-цевъ уже вокругъ ихъ дома бродить прекрасный молодой сосѣдъ.

— Но оба де-Горна этимъ приведены въ бѣшенство.

— Какъ, и отецъ?

— Прекрасный сосѣдъ — послѣд-ний потомокъ купившихъ когда-то замокъ де-Горновъ. Вѣдь причина

ненависти старика, Жерома Вижналь, котораго я знаю и люблю, очень красивъ и очень богатъ. По словамъ старого Горна, болтающаго горячо разлагольствовалъ:

— Онь, этотъ господинчикъ, только оскадалится! Всѣ его уси-лия останутся безплодными. Мы хо-рошо охраняемъ нашу „дѣтку“! Если онъ подойдетъ къ ней слишкомъ близко, — пуло въ лобъ! Не такъ-ли, Матіасъ?

Онъ скватилъ свою сноху за руку.

— Ты, дѣтка, и сама умѣши защищаться, — со смѣхомъ прогово-рилъ онъ, — слышишь? Кавалеръ тебѣ вѣдь не надо!

Молодая женщина сконфузилась и покрасѣла до корня волосъ, а мужъ ея проворчалъ:

— Вы бы, отецъ, лучше держа-ли языкъ за зубами. Есть вещи, о которыхъ громко не говорять.

— Когда дѣло идетъ о нашей чести, я ее защищаю публично, — разразилъ старикъ. — Для меня честь де-Горновъ стоитъ на первомъ мѣстѣ. Я не позволю, чтобы этотъ па-рижскій вѣтрогонъ...

Вдругъ онъ оборвалъ свою фра-зу. Кто-то вошелъ въ комнату и,

видимо услышалъ его слова. Вoshed-шій, одѣтый въ спортсменскій костюмъ съ хлыстомъ въ руки, своимъ энергичнымъ, хотя и нѣсколько суровымъ лицомъ съ прекрасными глазами, производилъ наилучшее впечатлѣніе.

— Жеромъ Вижналь, — шепнула мнѣ кузина.

Молодой человѣкъ держался очень свободно. Замѣтивъ Натали, онъ глубоко поклонился ей. Когда же Матіасъ де-Горнъ сдѣлалъ шагъ ему навстрѣчу, онъ иронически-пре-зрительно посмотрѣлъ на него, какъ бы спрашивая:

— Что же дальше?

Онъ имѣлъ такой вызывающій видъ, что отецъ и сынъ скватились за свои ружья. Матіасъ, видимо, страшно бѣсился.

Жеромъ, сохранивъ полное само-обладаніе подъ этой угрозой, спо-коинъ обратился къ трактирщику:

— Я хотѣлъ повидать дядѣа Рас-сера. Но его дверочка закрыта. От-дайте ему, прошу вѣсть, для юноши-чехоль отъ моего револьвера.

Онъ передалъ чехоль и затѣмъ со смѣхомъ добавилъ:

— Револьверъ я оставилъ у себя на всякий случай. Береженаго Богъ бережетъ!

(Продолженіе следуетъ).

ПОДЪ ШАЩОМЪ САТАНЫ

Современный романъ.

(Продолженіе, см. № 4—59.)

Затмъ онъ вынулъ изъ портсигара сигаретку, закурилъ ее и вышелъ. Черезъ окно видно было, какъ онъ вскочилъ на свою лошадь и дѣлалъ видъ, что не хотѣть...

— Проклятие! — выругался старый де-Горнъ, осущающакинчикъ коняку.

Сынъ заставилъ его замолчать и сѣсть. Около нихъ плакала Натали де-Горнъ...

Вотъ, дорогой другъ, и вся исто-рия. Какъ видите, въ ней нѣть ни-чего интереснаго и заслуживающаго вашего вниманія. Никакой тайны! Здѣсь ваше вымѣщательство было бы совершенно неумѣстнымъ. Ко-нечно, я желала бы, чтобы эта не-счастная молодая женщина, произ-водящая впечатлѣніе мученицы, имѣла бы защиту. Но повторяю, пусть другіе сами распутываютъ свои дѣла, а мы съ вами останемся въ сторонѣ.

Ренинъ перечиталъ два раза

письмо и сдѣлалъ выводъ:

— Итакъ, все идетъ отлично! У на-съ нѣть желаній продолжать на-ши приключения, такъ какъ мы до-шли уже до седьмого и боямся, что

я потребую, чтобы мы заплатили, когда мы вмѣстѣ переживемъ вос-мое приключение. Не хотять, но од-новременно и стремятся къ этому, дѣлать видъ, что не хотѣть...

Онъ съ удовлетвореніемъ потерпѣлъ. Это письмо ясно и наглядно свидѣтельствовало о томъ вліяніи, которое онъ пріобрѣлъ надъ молодой женщиной. У нея, видимо, чувство было довольно сложное: она его и... любила; въ послѣдніемъ онъ былъ убѣжденъ. Въ настоящую же

минуту женское кокетство и цѣлѣ-мудреная стыдливость заставляли ее уклоняться отъ дальнѣйшаго родо-жеженія ихъ совмѣстныхъ приключений.

Въ толь же вечеръ, — слѣдую-щій день былъ воскресный, — Ренинъ сѣлъ въ поѣздъ.

Рано утромъ онъ уже былъ на мѣстѣ и узналъ, что въ направле-ніи усадьбы Колодезь ночью слы-шили три выстрѣла.

— Благъ любви и случай мѣ-благопріятствуютъ, — сказала онъ самъ себѣ, — если возникнетъ конфликтъ между мужемъ и любовью, я пріѣхѣть во время.

— Три выстрѣла, господинъ ун-теръ-офицеръ! Я самъ слышалъ, — объяснялъ какой-то крестьянинъ жандарму въ общемъ залѣ тракти-ра, куда вошелъ и Ренинъ.

— Я тоже слышалъ, — подтвер-дилъ одинъ изъ слугъ трактира, — три выстрѣла... Было, вѣроятно, двѣ-надцать ночи. Сыѣгъ, падавшій съ девяти часовъ, прекратился... Слыши-но было ясно...

Подтвердили это свидѣтельство еще пять человѣкъ. Къ жандармъ-вѣтъ время подошли рабочій и женщина. Они заявили, что нахо-дятся въ услугѣ у Матіаса де-Горна. По случаю воскресенія они ходили къ себѣ домой, а сейчашъ не могли попасть въ усадьбу.

— Ворота усадьбы, — заявилъ рабочій, — закрыты. Это случается впервые. Каждое утро хозяинъ ровно въ шесть часовъ утра самолично открываетъ ворота какъ зимою, такъ и лѣтомъ. Сейчасъ же девя-тый часъ. Я звалъ и не получить никакого отвѣта. Вотъ мы и пришли сообщить вамъ объ этомъ.

— Отчего вы не спрятались у старика Горна? — спросилъ жандармъ, — онъ живетъ по дорогѣ.

— Это такъ, но намъ не пришло въ голову...

— Пойдемъ туда, — заявилъ жан-дармскій унтеръ-офицеръ. Съ нимъ пошли два жандарма, крестьяне и

слесарь, котораго захватили по пу-ти. Ренинъ присоединился къ нимъ.

Имъ пришлось проходить мимо жилища старого де-Горна. Это жи-лище Ренинъ узналъ по описаніямъ Гортензій.

Старикъ запрягалъ свою повозку. Когда ему сообщили обо всемъ, онъ расхохотался.

— Три выстрѣла? Пафъ... пафъ... пафъ? Но, милые люди, вѣдь у Матіаса двухстволка!

— А закрытыя ворота?

— Спить, значить, сынокъ мой; вить и все! Вчера я съ нимъ роспилъ нѣсколько бутылочекъ... Ну, и за-спался онъ со своей женкой.

Онъ взобрался на свою повозку и щелкнулъ кнутомъ.

— Будьте здоровы! Ваши вы-стрѣлы не помѣшать мнѣ отпра-виться на базаръ. У меня телята, которыхъ надо продать. Прощайте, товарищи!

Отправились въ путь.

Ренинъ подошелъ къ жандар-мскому унтеръ-офицеру и предста-вился ему.

— Я другъ мадемузель Эрмeliны, живущей въ Ронсерьѣ. Еще рано, а потому позвольте мнѣ со-провождать васъ. Мѣль Эрмeliна знаетъ де-Горновъ, и я хочу ее успокоить. Надѣюсь, что ничего не случилось?

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПОДЪ ШАЩОМЪ САТАНЫ

Современный романъ.

(Продолженіе, см. № 4—60.)

— Если что-нибудь произошло, — отвѣтилъ унтеръ-офицеръ, — мы это прочитаемъ, какъ въ книгѣ...

Это было молодой малый сими-тической наружности, видимо, способ-ный и понятливый. Съ самаго нача-ла же онъ зарисовалъ слѣды ша-говъ Матіаса, которые тѣтъ оставилъ наканунѣ на снѣгу. Скоро они по-шли на Колодезь.

На снѣжномъ покровѣ замѣты были лишь слѣды, оставленные Ма-тиасомъ. Эти слѣды указывали свои-ми причудливыми узорами на то, что Матіасъ былъ, очевидно, сильно пьянъ.

Въ двухстахъ метрахъ дальне-стояли постройки Колодезя. Парад-ная дверь дома была открыта.

— Войдемъ — сказала унтеръ-офицеръ.

На порогѣ онъ проговорилъ:

— Ого! Напрасно старикъ де-Горнъ не вошелъ съ нами. Здѣсь произошло настоящее сраженіе.

Большая зала находилась въ безпорядкѣ. Два сломанныхъ стула, опрокинутый столь, разбитая посу-да и осколки стекла свидѣтельство-вали о томъ, что борьба произошла здѣсь жаркая. Больше стѣнныя ча-

сы, лежащіе на землѣ, показывали 11 часовъ 12 минутъ.

По указанію работницы, всѣ быстро поднялись наверхъ. Ни Ма-тиаса, ни его жены тамъ не было. Двери же ихъ общей спальни были выбиты ударами молотка, который нашли подъ кроватью.

Ренинъ и унтеръ-офицеръ спу-стились внизъ. Изъ зала въ кухню, расположенной сзади и откуда можно было выйти въ маленький садикъ, вѣль коридорчикъ. Въ огорожен-номъ садикѣ на кухней былъ рас-положенъ колодецъ.

Отъ порога кухни до колодца по глубокому снѣгу тинулся слѣдъ: казалось, что тутъ протащили како-то тѣло. Около же колодца пере-плетались многочисленныя слѣды, указывавши на то, что борьба здѣсь продолжалась. Унтеръ-офицеръ об-наружилъ слѣды обуви Матіаса и другіе, болѣе элегантные и тонкіе.

Вторые слѣды вели прямо въ садъ. Въ тридцати метрахъ дальше, вблизи этихъ слѣдовъ, нашли бра-унингъ. Одинъ изъ крестьянъ зая-вилъ, что онъ похожъ на револь-веръ, который два дня тому назадъ Жеромъ Вижналь показывалъ въ трактире.

Унтеръ-офицеръ обнаружилъ, что

изъ семи пуль три были выпущены. Такимъ образомъ, все это дѣло вы-яснилось все больше и больше. Ун-теръ-офицеръ, принявший мѣры къ сохраниенію всѣхъ обнаруженныхъ слѣдовъ, вернулся къ колодцу, за-дѣль нѣсколько вопросовъ работни-цѣ и затѣмъ обратился къ Ренину:

— Думаю, что все ясно.

Ренинъ взялъ его за руку.

— Будемъ говорить прямо. Я уже нѣсколько ознакомился съ этимъ дѣломъ. Оно меня интересуетъ, такъ какъ я знакомъ съ мѣль Эрмeliной, которая въ дружбѣ съ Жеромъ-Вижналь и знаетъ также госпожу де-Горнъ. Вы предполагаете?

— Я ничего не предполагаю. Я только констатирую, что кто-то при-шелъ сюда вчера вечеромъ...

— Откуда? Единственные слѣды, ведущіе къ этой усадьбѣ, слѣды де-Горна.

— Другая особа, оставившая болѣе элегантные слѣды, пришла, вѣ-роятно, до того, какъ началь падать снѣгъ, то есть, до девяти часовъ.

— Значить, вы думаете, что эта особа спряталась въ одномъ изъ угловъ зала, ожидая возвращенія де-Горна, который пришелъ уже постъ выдавшаго снѣгъ?

— Именемъ! Какъ только Матіасъ вошелъ, спрятавшись субъектъ бро-сился на него. Произошла борьба. Матіасъ уѣхалъ черезъ кухню. Его преслѣдовали до колодца и вы-стрѣлили въ него три раза.

— А гдѣ трупъ?

— Въ колодцѣ.

Ренинъ протестовалъ:

— Какъ у васъ это все просто! — Да вѣдь снѣгъ намъ все раз-сказали: послѣ борьбы, послѣ трехъ выстрѣловъ только одинъ человѣкъ покинулъ ферму, и слѣды этого че-ловѣка не Матіаса де-Горна. Гдѣ же Матіасъ де-Горнъ?

— Можно бы поискать его въ этомъ колодцѣ.

— Нѣтъ, этотъ колодезь бездон-ный. Онъ извѣстенъ въ окрестности. По немъ названа и усадьба.

— Итакъ, вы думаете?

— Повторю: когда выдалъ снѣгъ, пришелъ Матіасъ, а потомъ ушелъ отсюда другой человѣкъ.

— А госпожа де Горнъ? Вы по-лагаете, что она убита, какъ и ея мужъ?

— Нѣтъ! Пожищена.

— Пожищена?

— Вспомните выбитыя двери въ спальни.

— Но вы же сами говорите, что ушелъ отсюда только одинъ человѣкъ.

— Осмотрите слѣды. Видно, что человѣкъ несъ какую-то тяжелую ношу. Снѣгъ подъ этой двойной ти-жестью сильно вдавленъ.

— Значить, есть выходъ черезъ садъ въ этомъ направлѣніи?

— Да, въ оградѣ сада имѣется калитка, ключъ отъ которой всегда находился у Матіаса де-Горна. Этотъ ключъ у него, очевидно, взяли.

— И черезъ эту калитку можно выйти на дорогу?

(Продолженіе слѣдуетъ).

Помощь плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолжение, см. № 4—61.)

— Да, большая дорога находитъ ся въ тысячи двухстахъ метрахъ... И знаете ли вы, гдѣ проселочная дорога отъ калитки соединяется съ большой?

— Нѣтъ.

— У одного изъ угловъ замка.

— Замка Жерома Вижналь!

Ренинъ проговорилъ сквозь зубы:

— Чортъ возьми! Дѣло усложняется. Если слѣды идутъ до замка, мы получимъ ясную картину.

Слѣды шли до замка. Въ этомъ легко было убѣдиться. Они также могли удостовѣрить тотъ фактъ, что, хотя сѣть вблизи рѣшетки, окружающей замокъ, была очищена, отъ замка шли слѣды колесъ по направлению, противоположному дѣрвию.

Унтеръ-офицеръ у входныхъ воротъ замка позвонилъ. Къ нему подошелъ сторожъ съ метлой въ рукахъ, который объяснилъ, что Жеромъ Вижналь уѣхалъ утромъ, ког-

да вѣтъ еще спали, при чѣмъ онъ самъ запрѣгъ лошадь.

— Въ такомъ случаѣ, — замѣтилъ Ренинъ, — прослѣдимъ, куда идутъ колесные слѣды.

— Это бесполезно, — отвѣтилъ унтеръ-офицеръ, — они дальше поѣхали по желѣзной дорогѣ.

— Черезъ станціи Помпіна, откуда я сейчасъ прѣѣхалъ? Они тогдѣ должны были проѣхать черезъ деревню...

— Нѣтъ, они выбрали другое направление и поѣхали на ту станцію, гдѣ останавливаются скорые поѣзда. Тамъ пребываютъ и судебная власть. Я телефонирую туда. До одиннадцати часовъ ни одинъ скорый поѣздъ не пройдетъ, а потому легкѣ можно установить на станціи наблюденіе.

— Кажется, — сказаѣлъ Ренинъ, — вы стояте на вѣрномъ пути, и я вѣтъ поздравляю съ успѣхомъ.

Они разстались.

Ренинъ сначала хотѣлъ пойти къ

Гортензію, но затѣмъ раздумалъ и предпочелъ выждать болѣе благоприятного оборота дѣла. Онъ вернулся въ трактиръ и послалъ Гортензію слѣдующую записку:

«Мой дорогой другъ!

Читая Ваше письмо, я понялъ, что, принимая, по обыкновенію, близко къ сердцу все то, что касается любви, Вы рѣшили покровительствовать влюбленнымъ Жерому и Натали. Но кажется, что этотъ милостивый государыня, не спрашивая съвѣта у своей покровительницы, уѣзжали, при чѣмъ предварительно Матильда-Горнъ была брошена въ колодезь.

Извините, что я не закоху къ вѣтъ. Но это дѣло очень загадочно и въ Вашемъ присутствіи я не имѣлъ бы возможности хорошенько обдумать его...

Было девять съ половиною часовъ утра. Ренинъ пошелъ гулять, не обращая вниманія на разстилающуюся передъ нимъ чудный зимний пейзажъ. Онъ вернулся къ завтрашку, погруженный въ глубокую задумчивость и не слушая того, что вокругъ него говорилось по поводу прописществія.

Затѣмъ онъ направился въ садъ.

комнату и проспалъ тамъ нѣкоторое время. Стукъ въ двери вдругъ разбудилъ его.

— Вы... вы... — прошепталъ онъ когда, открывъ двери, увидѣлъ въ порогѣ Гортензію.

Они молча, пожимая другъ другу руки, вглядывались одинъ въ другого, проникнутые обѣ глубокой радостью по поводу этой встрѣчи. Наконецъ, онъ сказалъ:

— Хорошо я сдѣлалъ, что прѣѣхалъ?

— Да, — отвѣтила она мягко, — да... я вѣтъ ждала.

— Жаль, что вы не выписали меня нѣсколько раньше. События пошли ускореннымъ темпомъ. Я сейчасъ не знаю, что случится съ Жеромъ Вижналь и Натали де-Горнъ.

— Какъ, вы еще не знаете? — живо перебила она его.

— Что именно?

— Ихъ арестовали. Они пытались уѣхать со скорымъ.

— Ну, арестовать ихъ еще не могли, — возвѣзилъ Ренинъ, — сначала надо допросить.

— Ихъ въ настоящую минуту и допрашиваютъ. Судебная власть производитъ слѣдствіе.

— Гдѣ?

(Продолжение следующее.)

Помощь плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолжение, см. № 4—62.)

— Въ замкѣ. Но они невиновны... Вѣдь они невиновны? Не такъ ли?

Онъ отвѣтилъ:

— Пока, дорогой другъ, я еще точно не знаю. Но скажу вѣтъ оѣтѣ, что все противъ нихъ... Одинъ только фактъ за нихъ... Это тѣтъ, что все слишкомъ противъ нихъ. Неправодоподобно это обиле уликъ! А вѣтъ общемъ, — темная и запутанная исторія!

— Тогда?

— Я, право, не знаю.

— Но у вѣтъ имѣется планъ дѣйствій?

— Пока нѣтъ. Вѣтъ если-бѣ я могъ повидать этого Жерома и эту Натали и послушать, что они говорятъ вѣтъ свое оправданіе! Но вы понимаете, что мѣнѣ не позволять имъ ихъ допросить, ни присутствовать при ихъ допросѣ. Вѣрочемъ, вѣроятно, допросъ уже кончился.

— Онь конченъ вѣтъ замкѣ, но будеть продолжаться вѣтъ Колодезѣ.

— Ихъ поведутъ туда? — живо спросилъ онъ.

— Да... Такъ, по крайней мѣрѣ, говорилъ одинъ изъ шофферовъ, привезшій судебнаго вѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ, — воскликнулъ Ренинъ, — все устраивается отѣчно. Мы будемъ на первыхъ мѣстахъ. Мы увидимъ и услышимъ рѣшительно все. Быть можетъ, пустое обстоятельство поможетъ намъ распутать это дѣло. Мы можемъ наѣдѣться! Идемъ, дорогой другъ.

Онъ повелъ ее по кратчайшей дорогѣ, по которой ходилъ уже утромъ, къ усадьбѣ де-Горна. Жандармы провели по сѣтѣ рядомъ съ оставленными слѣдами шаговъ траппинку. Случай помогъ Гортензію и Ренину незамѣтно пробраться вѣтъ дома черезъ боковое окно. По внутренней винтовой лѣстницѣ они вѣрнулись въ маленькое помѣщеніе, имѣвшее круглое окно, выходящее вѣтъ большой залъ дома. Еще утромъ Ренинъ замѣтилъ это окно, затѣмъ

тое изнутри кускомъ матеріи. Онъ тѣ, предложилъ ей сѣсть и сказалъ Жерому:

Черезъ нѣсколько минутъ около дома вѣзли колодезь послышались голоса. Затѣмъ въ залъ вошли люди. Жандармы вѣли молодого человѣка высокаго роста.

— Жеромъ Вижналь! — шепнула Гортензію.

— Да, — отвѣтилъ Ренинъ, — госпожу де-Горнъ, вѣроятно, допрашиваютъ наверху, въ ея комнатѣ.

— Прошло минутъ пятнадцать. Съ верхняго этажа спустились внизъ товарищъ прокурора, его письмоводитель, полицейскій комиссаръ и дѣ-Гандарма.

Затѣмъ была введена вѣтъ залъ госпожа де-Горнъ, и товарищъ прокурора предложилъ Жерому Вижнальному подойти къ столу.

Лицо Жерома выражало энергию, какъ это вѣрно отмѣтила Гортензія въ своемъ письмѣ. Она не обнаруживала признаковъ безпокойства. Лицо его, напротивъ, было полно рѣшимости. Производила вѣчнѣе полного спокойствія и маленькая Натали, хотя глаза ея лихорадочно горѣли.

Товарищъ прокурора, осмотрѣвъ мебель и слѣды борьбы вѣтъ комна-

то предложилъ я очень мало вопросовъ. Сейчасъ я произвожу лишь предварительное разсѣданіе, которое будеть продолжать судебнаго слѣдователя. Какъ вы могли сами замѣтить, у меня имѣлись серьезныя основанія для того, чтобы просить вѣтъ и г-жу де-Горнъ прервать начатое вами путешествіе. Въ настоящую минуту вамъ надлежитъ опровергнуть соображенія противъ вѣтъ тяжкихъ уликъ. Я прошу вѣтъ разсказать мнѣ всю правду.

— Господинъ товарищъ прокурора — отвѣтилъ Жеромъ, — эти улики меня ничуть не беспокоятъ. Правда будеть сильнѣе всѣхъ тѣхъ не-правдъ, которая выдвинула противъ меня рядъ слѣдователей. Вотъ она!

Онъ задумался и затѣмъ началъ искренно и ясно разсказывать:

— Я глубоко люблю госпожу де-Горнъ. Я полюбилъ ее съ первой минуты, когда встрѣтился съ нею, но, не взирая на всю силу моей страсти, вполнѣ владѣлъ всегда собою и имѣлъ вѣтъ виду лишь ее счастье.

(Продолжение следующее.)

Помощь сатаны

Современный роман.

(Продолжение, см. № 4—63.)

Я ее не только люблю, но и глубоко уважаю. Она вами, впрочем, сказала, а я повторяю: госпожа де-Горн и я впервые заговорили друг с другом в эту ночь.

Она продолжала глухим голосом:

— Я ее уважаю тем, что она была така несчастна. Всеми известно, что ея жизнь сплошная проклятия. Мужъ ее преследовал и превозносил съ ликой жестокостью. Допросите присягу. Она вамъ сообщитъ, что пришла перенести Натали де-Горн, какъ ее были и по-минутно оскорбляли. Я хотѣла положить предѣлъ этимъ страданіямъ. Три раза я обращалася къ старику де-Горну, но онъ, оказывается, также ненавидѣлъ свою сноху, какъ все низкое ненавидѣтъ все высокое и благородное. Тогда я рѣшила действовать непосредственно на Ма-

тиаса де-Горна. Моя выходка была необычная, своеобразная, но нужно знать личность этого человека. Клянусь вамъ, господинъ товарищ прокурора, что въ тотъ вечеръ у меня было единственное намѣреніе — поговорить съ Матиасомъ. Я знала кое-что изъ его жизни и этимъ хотѣла воспользоваться. Если дѣло повернулось иначе, не моя въ томъ вина. Итакъ, я пришла къ нему до девяти часовъ вечера. Прислуга, я это знала, отсутствовала. Матиас самъ открылъ мнѣ двери. Онъ былъ одинъ.

— Я вѣсъ прерву, — остановилъ подозрѣваемаго товарищ прокурора, — и вы, и госпожа де-Горнъ утверждаете вещь, которая противорѣчитъ истинѣ. Матиас де-Горнъ вернулся вчера домой только въ одиннадцать часовъ вечера. Этому два доказательства: показаніе его отца и слѣдъ его шаговъ на снѣгу.

Снѣгъ этотъ падалъ съ 9 ч. 15 минутъ до 11 часовъ.

— Господинъ товарищ прокурора, — твердо объявилъ Жеромъ Викналь, не обращая вниманія на то дурное впечатлѣніе, которое его упрямство произвело на присутствующихъ, — я рассказываю о томъ, что произошло въ дѣйствительности, а не то, что хотѣть мнѣ приписать. Продолжаю! Эти стыдные часы показывали девять часовъ безъ десяти, когда я вчера вошелъ сюда. Думая, что я хочу на него напасть, де-Горнъ схватился за ружье. Я положилъ свой револьверъ на столъ и самъ сѣлъ вдаль отъ стола.

— Мне надо съ вами поговорить, — сказалъ я, — прошу васъ выслушать меня.

Онъ ничего мнѣ не отвѣтилъ. Я началъ безъ всякихъ предисловій наше объясненіе и сказалъ ему сѣдѣвшему:

— Въ теченіе иѣсколькихъ мѣсяцевъ я старался подробно выяснить ваше финансовое положеніе. Вся ваша земля заложена. Сроки платежей приближаются, а у васъ нѣтъ нужныхъ денегъ, чтобы уплатить свои долги. На вашего отца

надежда плоха, такъ какъ онъ прогорѣлъ. Вы, слѣдовательно, погибли. Но я могу спасти васъ.

Онъ нѣкоторое время смотрѣлъ на меня и затѣмъ сѣлъ. Я понялъ, что онъ согласенъ вступить со мною въ переговоры. Тогда я вынулъ изъ кармана пачку денегъ и поможилъ ей передъ нимъ со словами:

— Вотъ шестьдесятъ тысячъ франковъ. Я покупаю у васъ вашу усадьбу съ землей; ипотеки ваши находятся у меня. Слѣдовательно, я вамъ предлагаю вдвое противъ настоящей стоимости владѣнія.

Его глаза засияли, и онъ прорыдалъ:

— Какія ваши условія?

— Вы должны уѣхать въ Америку.

— Господинъ товарищ прокурора, мы спорили два часа. Мое предложеніе ничуть его не возмущило, что я предвидѣлъ зараженіе, но онъ хотѣлъ получить больше и началъ упорно торговаться, не упоминая ни слова о своей женѣ, о которой молчалъ и я. Мы производили впечатлѣніе двѣхъ дѣльцовъ, стремившихся найти компромиссъ, *тогда какъ дѣло шло о судьбѣ и счастіи женъ*.

ицами. Въ концѣ концовъ я пошелъ на уступки, и мы пришли къ соглашенію, которое тутъ же оформили. Мы обмѣнялись двумя письмами. Согласно одному письму, онъ уступитъ мнѣ свою усадьбу за извѣстную сумму. Я же дѣль письмо, въ которомъ обязывался послать ему въ Америку дополнительную сумму въ тотъ день, когда онъ разведется со своею женой.

Итакъ, сдѣлка была совершена. Я увѣренъ, что въ эту минуту мой противникъ дѣйствовалъ чистосердечно. Онъ считалъ меня не своимъ соперникомъ или врагомъ, но человѣкомъ, оказывающимъ ему услугу. Онъ дѣль мнѣ даже ключъ отъ двери, которая вела на дорогу. Къ несчастью, когда я бралъ свою шляпу и накидку, я оставилъ письмо де-Горна на столѣ. Видимо, онъ сразу рѣшилъ, что можетъ сохранить владѣніе, жену и... деньги. Онъ быстро схватилъ письмо, нанесъ мнѣ прикладомъ ружья ударъ по головѣ и обѣими руками схватилъ меня за орло... Но онъ плохо расчиталъ. Я гораздо сильнѣе его, а потому послѣ короткой борьбы справился съ нимъ и связалъ веревкой, которая

валялась въ углу.

— Господинъ товарищ прокурора, если мой противникъ дѣйствовалъ быстро, то и я не остался въ долгу. Я рѣшилъ, что заставлю его выполнить свое обязательство. Въ иѣсколько прыжковъ я взобрался по лѣстницѣ въ верхній этажъ.

— Я былъ увѣренъ, что госпожа де-Горнъ тамъ, и что она слышала нашъ споръ. Въ трехъ первыхъ комнатахъ, которыхъ я осмотрѣлъ, ея не было. Четвертая комната оказалась запертою на ключъ. Стучу. Нѣтъ отвѣта. Но въ эту минуту никакія препятствія не могли меня остановить. При помощи молотка, который валялся въ коридорѣ, я высадилъ дверь.

— Натали де-Горнъ, дѣйствительно, находилась въ этой комнатѣ. Она лежала въ глубокомъ обморокѣ. Я вынесъ ее черезъ кухню. На дворѣ, видя снѣгъ, я понялъ, что по моимъ слѣдамъ меня легко настигнуть. Но это было не важно.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Помощь шащомъ сатаны

Современный роман.

(Продолжение, см. № 4—64).

Въдъ Матиасъ де-Горнъ полу-
чили отъ меня 60.000 франковъ и
имъль въ своихъ рукахъ письмо, въ
силу которого я долженъ былъ ему
внести такую же сумму послѣ его раз-
вода съ женою. Положеніе дѣль
измѣнилось лишь въ томъ отноше-
ніи, что я заранѣе захватилъ дра-
гоцѣнныи залогъ, къ обладанію ко-
тораго давно стремился. Я боялся
не Матиасъ. Что скажетъ Натали
де-Горнъ? Не будетъ ли она упре-
кать меня? На этотъ вопросъ гос-
пожа де-Горнъ вѣмъ уже отвѣтила,
господинъ товарищъ прокурора. Люб-
овь вызываетъ любовь. Въ эту
ночь она мнѣ призналась, что лю-
бить меня. Наши судьбы сплелись
воедино. Сегодня утромъ мы уѣх-
али въ 5 часовъ, не думая, что су-
дебная власть потребуетъ насъ къ
отвѣту.

Жеромъ Вижналь кончилъ свой
рассказъ. Онъ изложилъ его зал-
помъ, однѣмъ духомъ, точно ниче-
го въ немъ измѣнить было нельзя.

Нѣкоторое время царилъ мол-
чаніе.

Гортензія и Ренинъ, спрятанные
въ свою убѣжище, все отлично
слушали. Молодая женщина про-
шептала:

— Все это очень возможно, и, во

всякомъ случаѣ, логично.

— Остаются возраженія. Они
основательны. Особенно одно...

Это возраженіе немедленно фор-
мулировалъ товарищъ прокурора

— А гдѣ де-Горнъ?

— Матиасъ де-Горнъ—спросилъ
Жеромъ.

— Именно! Вы разсказали очень
искренно тономъ о рядѣ обсто-
ятельствъ. Допустимъ, что все это
такъ! Но вы упускаете главное: ку-
бы дѣвалья Матиасъ де-Горнъ? Вы
связали его въ этой комнатѣ. Но
сегодня утромъ его здѣсь не было.

— Понятно, господинъ товарищъ
прокурора, что Матиасъ де-Горнъ¹
согласился на нашу сдѣлку и ушелъ.

— Какимъ путемъ?

— Вѣроятно, по дорогѣ, кото-
рая ведетъ къ его отцу.

— А гдѣ же слѣды его шаговъ?
Сиѣгъ, который настѣнокъ окружаетъ,
является беззрѣстистыи свидѣ-
тель. Послѣ вашей борбы, судя
по оставленнымъ слѣдамъ на сиѣгу,
видно, что вы ушли. Его же шаговъ
не видно. Онъ пришелъ сю-
да, но отсюда не уходилъ. Слѣдовъ
его ухода нѣтъ. Или...

Товарищъ прокурора понизилъ
голосъ:

— Найдены слѣды около колод-

ца... слѣды послѣдней борбы... и должны вѣсъ задержать.

— А гдѣ де-Горнъ — съ безпо-
койствомъ спросила Жеромъ.

Товарищъ прокурора ничего не
отвѣтилъ. Онъ поговорилъ съ ко-
миссаромъ и приказалъ одному изъ
полицѣйскихъ распорядиться подать
одинъ изъ автомобилей. Затѣмъ онъ
обратился къ Натали:

— Сударыня! Вы слышали по-
казаніе господина Вижнала. Оно
вполнѣ тождественно съ вашимъ.
Говорятъ, что вы находились въ
обморокѣ. Когда и гдѣ вы пришли
въ себѣ?

Молодая женщина твердо отвѣ-
тила:

— Я очнулась лишь въ замѣкѣ.

— Странно! Вы, сдѣдовательно,
не слыхали выстрѣловъ? Всѣ дѣ-
ревни икъ слышала.

— Я икъ не слыхала.

— И вы ничего не видѣли, что
происходило вокругъ колодца.

— Тамъ ничего не происходило,
развѣ Жеромъ Вижналь это утвер-
ждаетъ.

— Что же сдѣлалось съ вашимъ
мужемъ?

— Не знаю.

— Помогите, сударыня, судеб-
ной власти распутать это дѣло. Не
могъ ли вашъ мужъ, вернувшись
отъ своего отца, подѣлить вліяніемъ
виновныхъ паровъ, потерять равновѣ-
сіе и уѣсти въ колодезь?

— Когда мой мужъ вернулся
отъ своего отца, онъ былъ совер-
шенно трезвъ.

(Продолжение слѣдуетъ).

Помощь шащомъ сатаны

Современный роман.

(Продолжение, см. № 4—65).

— Его отецъ, однако, показалъ,
что они роспили вдвое три бу-
тыхъ вина.

— Его отецъ ошибается.

— Но сиѣгъ не ошибается, — съ
нѣкоторымъ раздраженіемъ возра-
зилъ товарищъ прокурора, — слѣды
вашего мужа имѣютъ извѣстистыи
характеръ, такъ ходятъ пьяные.

— Мужъ мой вернулся домой
въ восемь съ половиною часовъ,
когда сиѣгу еще не было.

Товарищъ прокурора ударила
кулакомъ по столу.

— Но сударыня, вы говорите
противъ очевидныхъ фактъ. Сиѣжъ
нѣкоторый покровъ, повторю, — беззрѣ-
стистыи свидѣтель... Противъ по-
добнаго факта, противъ такой оче-
видности рѣшительно возразить нель-
зя... Поймите, слѣды на сиѣгу, слѣ-
ды шаговъ на сиѣгу...

Онъ сдержанія и замолчалъ.

Посыпался шумъ автомобилей.
Онъ вдругъ принялъ рѣшеніе и

проговорилъ:

— Прошу васъ, сударыня, остан-
ьтесь въ этомъ домѣ и ожидать
вызыва къ свидѣвателю.

Затѣмъ товарищъ прокурора при-
казалъ жандармамъ увести Жерома
Вижнала.

Игра для влюбленныхъ, очевид-
но, была проиграна. Судьба икъ
соединила на короткое время, но
теперь опять разлучила. Они долж-
ны были разстаться и каждый от-
дѣльно бороться съ тяготѣющими
надъ ними обвиненіемъ.

Жеромъ сдѣлалъ шагъ по на-
правлению къ Натали. Они обмѣня-
лись печальными взглядами. Потомъ
онъ глубоко ей поклонился и направ-
ился къ выходу въ сопровожденіи
жандармовъ.

— Стой! — неожиданно раздался
голосъ, — назадъ! Погодите!

Товарищъ прокурора и осталь-
ные присутствующие подняли голо-
вы. Голосъ раздался изъ круглого
внутреннаго окна зала. Ренинъ вы-

сунулся впередъ и кричалъ:

— Я прошу меня выслушать!.. Я
хочу сдѣлать кое-какіе замѣчанія...
особенно одно по поводу извѣ-
стныхъ шаговъ на сиѣгу... Ключъ
разгадки въ этомъ... Матиасъ не
былъ пьянь...

Онъ просунулъ ноги въ окно и
сказалъ Гортензію, пытавшейся его
удержать:

— Оставайтесь здѣсь, дорогой
другъ... Никто васъ беспокоить не
будетъ.

Ренинъ съ этими словами спры-
гнулъ въ залъ.

Товарищъ прокурора казался
ошеломленнымъ:

— Но откуда вы явились? Кто
вы?

Князь сѣяжнуль пыль съ своей
одежды и отвѣтилъ:

— Простите меня, господинъ то-
варищъ прокурора, что я избралъ
этотъ необыкновенный путь, но я
торопился. И, кромѣ того, мои сло-
ва произведутъ большее впечатлѣніе,
какъ человѣкъ, упавшаго съ неба.

— Кто вы такой? — смирило за-
кричалъ товарищъ прокурора.

— Князь Ренинъ. Я присутство-
валъ сегодня утромъ при дознаніи.
Это дѣло меня заняло. Я хочу его
выяснить. Съ этою цѣлью я спря-

тался въ томъ помѣщениѣ, чтобы
присутствовать при допросѣ...

— Вы были тамъ?.. Вы имѣли
смѣость?..

— Надо имѣть смѣость, когда
дѣло идетъ о выясненіи истины.
Именно мнѣ удалось здѣсь полу-
чить кое-какія важныи указанія. Я
здѣсь понялъ, что Матиасъ де-Горнъ¹
ничуть не былъ пьянь, а въ этомъ
все дѣло, разрѣшеніе всей загадки.
Когда это знаютъ, то знаютъ правду.

Товарищъ прокурора находился
въ смѣшномъ и затруднительномъ
положеніи. Онъ проворчалъ:

— Довольно! Что вы хотите?

— Я прошу икъ сколько минутъ
вниманія:

— Съ какой цѣлью?

— Чтобы установить невинов-
ность Жерома Вижнала и г-жи де-
Горнъ.

Видъ у него былъ спокойный и
рѣшительный, какъ въ минуты, ког-
да онъ своимъ вмѣщательствомъ
распутывалъ какую-нибудь сложную
драму. Гортензія вся затрепетала и
подумала:

— Они спасены. Я его просила
защитить эту молодую женщину, и
онъ спасеть ее отъ тюремы и отъ
очаянія.

(Продолжение слѣдуетъ).

Польшащомъ сатаны

Современный роман.

(Продолжение, см. № 4—66).

Жеромъ и Натали ощущали нѣчто подобное, они чувствовали, что это свалившійся съ неба незнакомецъ выручить ихъ изъ бѣды.

Товарищъ прокурора пожалъ плечами:

— Свою невиновность они могутъ установить во время слѣдствія. Вѣсъ также допросить.

— Эту невиновность лучше установить немедленно. Послѣдствія ошибки могутъ быть печальными.

— Я сѣду...

— Дѣвъ—три минуты для меня достаточно.

— Дѣвъ—три минуты, чтобы разъяснить подобное дѣло?

— Не больше.

— Вы, значитъ, хорошо знакомы съ нимъ?

— Сейчай—да. Съ утра я много думалъ о немъ.

Товарищъ прокурора понялъ, что отъ подобного господина ему не такъ то легко отѣдѣтъся. Онъ по-

этому проговорилъ ироническимъ тономъ:

— Ваши размышилія привели васъ къ выводу, гдѣ въ настоящее время находится Матіасъ де-Горнъ?

Ренинъ посмотрѣлъ на свои чашы и отвѣтилъ:

— Въ Парижѣ, господинъ товарищъ прокурора.

— Въ Парижѣ? Онъ, слѣдовательно, живъ?

— Ну, конечно! И отлично себя чувствуетъ.

— Радуюсь этому. Но откуда эти слѣды шаговъ вокругъ колодца? Откуда револьверъ.. Наконецъ, выстрѣли?

— Все это лишь симуляція.

— Кто же симулянтъ?

— Матіасъ де-Горнъ собственной персоной.

— Странно! Съ какою цѣлью?

— Съ цѣлью пустить слухъ, что онъ убить Жеромомъ Вижналью.

— Гипотеза любопытная, — иронически замѣтилъ товарищъ прокуроръ.

— Что вы обѣ этомъ думаете, господинъ Вижналь?

Жеромъ отвѣтилъ:

— Я самъ предполагалъ это. Послѣ моего ухода Матіасъ де-Горнъ, очевидно, придумалъ планъ мести. Онъ любилъ и немавидѣлъ свою жену. Меня же не выносилъ. Онъ отомстилъ.

— Дорогая мѣстѣ! Сами же вы сообщили, что де-Горнъ долженъ быть получить отъ васъ дополнительно 60.000 франковъ.

— Эту сумму онъ могъ получить другимъ путемъ. Знакомясь съ его финансовымъ положеніемъ, я узналъ, что отецъ и сынъ застраховали свою жизнь одинъ въ пользу другого. Значить, если сынъ считался убитымъ, то отецъ получать бы страховую премію и передать ее сыну.

— Такимъ образомъ, — проговорилъ съ улыбкой товарищъ прокурора, — старый де-Горнъ является соучастникомъ своего сына?

Ренинъ подтвердилъ:

— Именно, господинъ товарищъ прокурора. Они спѣлись.

— Значить, сынъ находится у разно.

— Онъ тамъ находился еще этой ночью.

— Что же съ нимъ сдѣлалось?

— Онъ уѣхалъ въ Парижъ.

— Все это лишь предположенія

— Уверенность.

— Это не доказательство.

Съ этими словами товарищъ прокурора всталъ за шину, показывая, что разговоръ конченъ.

— Ни малѣшаго доказательства, — добавилъ онъ, — а главное, невозможна вашей гипотезы опровергнуть главнаго свидѣтеля, этого безстрастного и убѣдительнаго нѣмого свидѣтеля—сѣнъ. Чтобы пойти къ отцу, Матіасъ де-Горнъ долженъ былъ отсюда выйти.. Какимъ путемъ онъшелъ?

— Господи, обыкновенной дорогой, которая ведетъ къ старину де-Горну.

— Но на сѣнѣ нѣть слѣдовъ его шаговъ.

— Есть.

— Но эти слѣды указываютъ что пришелъ сюда, но не ушелъ отсюда.

— Это одно и то же.

— Какъ такъ?

— Конечно! Двигаться можно

— Какъ же, по вашему, можно

— Онъ тамъ находился еще этой

(Продолжение сълѣдуетъ).

Польшащомъ сатаны

Современный роман.

(Продолжение, см. № 4—67).

— Пять разъ, — господинъ товарищъ прокурора.

Эти слова, отчеканенные твердымъ голосомъ, на минуту вызвали гробовое молчаніе. Всѣ почувствовали, что именно въ этомъ открытии заключается проблескъ истины, разгадка всей тайны.

Ренинъ продолжалъ, пять разъ къ окну:

— Я могу приблизиться къ этому окну, идя прямо, къ лицомъ къ нему. Но могу ити и спиной къ нему.. Въ обоихъ случаяхъ цѣль достигнута.

А выводы, — съ силой бросилъ онъ, — можно сдѣлать такіе: въ 8½ часовъ де-Горнъ пришелъ отъ отца домой, не оставивъ никакихъ слѣдовъ, такъ какъ сїѣга еще не было. А въ девять часовъ безъ десяти приходитъ сюда господинъ Вижналь, также не оставляя слѣдовъ. Слѣдуютъ переговоры, заключеніе слѣдовъ и свидѣцъ. Матіасъ побѣжденъ.

Прошло три часа. И вотъ, когда Вижналь ушелъ съ женой де-Горна, послѣднію приходитъ въ голову блестящая мысль воспользоваться сїѣгомъ, чтобы погубить своего ненавистнаго врага. Онъ симулируетъ свое собственное убійство и паденіе въ колодезь. А потомъ, пять разъ назадъ, онъ уходитъ къ отцу, запинаясь на сїѣжномъ покровѣ свой приходъ, когда въ дѣйствительности это былъ его уходъ. Надѣясь, господинъ товарищъ прокурора, вы ясно поняли? Онъ отмѣтилъ на сїѣгу свой приходъ, а въ дѣйствительности это былъ уходъ.

Товарищъ прокурора пересталъ смыться. Онъ понялъ, что этотъ оригиналъ стоитъ вниманія. Онъ спросилъ:

— А какъ онъ могъ уѣхать отъ своего отца?

— Въ повозкѣ.

— Кто же его отвезъ?

— Отецъ.

— Откуда вы знаете?

— Сегодня утромъ съ жандармскимъ унтер-офицеромъ я былъ у отца и говорилъ съ нимъ. Онъ отправлялся на базаръ, а сынъ его былъ спрятанъ подъ парусиной съ теленкомъ. Сейчай же Матіасъ де-Горнъ въ Парижѣ.

Объясненіе Ренина, согласно его объясненію, длилось не больше пяти минутъ. Своей неподѣлимой логикой онъ сразу разбѣль ту тайну, которая окружала это запутанное дѣло. Истина побѣдоносно вслѣпала. Госпожа де-Горнъ плакала отъ радости. Жеромъ Вижналь горячо благодарили своего доброго генія, давшаго совсѣмъ другой ходъ этому событию.

— Осмотримъ вмѣстѣ эти слѣды, господинъ товарищъ прокурора, — предложилъ Ренинъ, — сегодня утромъ мы ошиблись, осматривая преимущественно линии слѣдовъ, оставленные мнимымъ убійцемъ. А вся суть была въ слѣдахъ, оставленныхъ де-Горномъ.

Они вышли въ садъ. Не трудно было убѣдиться, что слѣды шаговъ Матіаса носили своеобразный характеръ.

— Это понятно, — пояснилъ Ренинъ, — не такъ то легко двигаться. Отецъ и сынъ это

почувствовали. Потому-то старикъ де-Горнъ всѣмъ говорилъ, что сынъ его въ это вѣчерь былъ пьянъ. Этимъ можно было объяснить странность его походки.

И Ренинъ прибавилъ:

— Именно это обстоятельство, эта ложь старика ослѣпила меня. Когда госпожа де-Горнъ удостовѣрила, что мужъ ея былъ трезвъ, я подумалъ объ оставленныхъ имъ на сїѣгу слѣдахъ и все угадалъ.

Товарищъ прокурора откровенно призналъ себя побѣжденнымъ и со смѣхомъ сказалъ:

— Остается арестовать этого лже-мертвеца.

— На какомъ основаніи? — возразилъ Ренинъ, — никакого преступленія онъ не совершилъ. То, что онъ три раза выстрѣлилъ, тотался около колодца и потому, пять разъ назадъ, отправился къ отцу, никакого превиаренія не составляеть. Не думаю также, чтобы господинъ Вижналь потребовалъ отъ него обратно 60.000 франковъ?

— Конечно, нѣть, — объяснилъ Жеромъ.

— Остается страховая премія. Но она еще не потребована. А, вотъ и сїѣгъ старикъ. Мне его сейчасъ дозволитъ.

Помощь плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолжение, см. № 4—69).

Дѣйствительно, сильно жестикулируя, къ нимъ подошелъ старикъ де-Горнъ. Его добродушное лицо выражало печаль и гнѣвъ.

— Гдѣ мой сынъ? Его, вѣроюно, убили.. Мой бѣдный Матіасъ убить этимъ бандитомъ Вижналомъ!

И онъ погрозилъ Жерому кулакомъ.

Товарищъ прокурора рѣзко спросилъ его:

— Одно слово: вы потребуете страховую премію за своего сына?

— Конечно, — вырвалось у старика.

— Дѣло въ томъ, что вашъ сынъ не умеръ. Говорить даже, что вы отвезли его, скрывъ подъ парусиной, на станцію подъ видомъ теленка.

Дѣ-Горнъ сталь отплевываться и проткнулъ руку, точно собираясь торжественно поклясться. Но затѣмъ сразу измѣнилъ свое выражение лица и съ ходомъ заявилъ

примирительнымъ тономъ:

— Ну, и разбойникъ же этотъ Матіасъ! Какую штуку придумалъ? Значитъ, онъ хотѣлъ объявить себя покойникомъ! И думалъ, что я помогу ему получить страховую премію.. Точно я способенъ на такую мерзость.. Ты меня, молодчикъ, не знаешь еще!

И затѣмъ онъ быстро удалился, дѣлая видъ, что эта смѣшная история его очень забавляетъ. По пути онъ старался своими сапогами прикрыть слѣды шаговъ на снѣгу, оставленные его сыномъ.

Когда Ренинъ вернулся въ домъ, Гортензія тамъ уже не было.

Онъ отправился къ кузинѣ Эрмелинѣ. Ему сказали, что Гортензія извѣнится, но она устала и, нуждаясь въ отдыхѣ, принять его не можетъ.

— Превосходно, — подумалъ Ренинъ — она меня избѣгаетъ. Слѣдѣтельно, любить. Развязка приближается.

10. „Въ честь бога Меркурия“.

Госпожа Даніель, Ронсерье, черезъ Базикуръ, 30-го ноября.

Дорогой мой другъ!

Уже двѣ недѣли я не получаю отъ Васъ писемъ. До 5-го декабря, то есть, до того непрѣятнаго для Васъ днѣа, когда истекаетъ срокъ нашего соглашенія, я и не надѣялся, что получу отъ Васъ вѣсточку. А съ этого днѣа вы вѣдь будете свободны отъ своего обязательства. Признаюсь Вамъ, что для меня эти семь побѣдныхъ приключений, которыя мы вмѣстѣ пережили, были источникомъ большой радости и нервнаго подъема. Я жилъ эти днѣа въ Вашемъ образѣ жизни, полныи свѣжихъ впечатлѣній, приносиль Вамъ большую пользу. Счастье мое было таково, что я не смѣлъ съ Вами о немъ говорить и обнаружить въ Вашемъ присутствіи всю силу моихъ чувствъ. Единственной моей заботой было Вамъ нравиться и доказать Вамъ мою безмѣрную преданность. А теперь, дорогой другъ, Вы отказываетесь отъ своего соратника, своего спутника. Пусть будетъ согласно Вашей волѣ!

Я подчиняюсь Вашему рѣшенію. Но позвольте мнѣ разсказать Вамъ о томъ, какъ я представляю себѣ наше послѣднѣе совѣтственное приключеніе. Я напоминаю Вамъ слова, которыя Вы мнѣ сказали и которыя навсегда запечатлѣлись въ моей памяти.

— Я требую, — заявили Вы, — чтобы вы мнѣ вернули старинную застежку изъ сердолика въ филигранной оправѣ. Я получила ее отъ моей матери. Всѣ знали, что застежка эта приносila счастье и моей матери, и мнѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ она исчезла изъ моей шкатулочки я нечастна. Верните же мнѣ моккетную застежку, добрый геній!

А когда я стала Васъ спрашивать, когда именно застежка пропала, Вы отвѣтили мнѣ со смѣхомъ:

— Шесть... семь... или восьмь лѣтъ тому назадъ... Хорошо не знаю... Не знаю, какъ она пропала... Я ничего не знаю.

Видимо, Вы бросили мнѣ вызовъ, думая, что я обѣщанія своего не выполню. Но мнѣ все же хочется Васъ порадовать. Для Вашего душевнаго спокойствія Вы должны имѣть свой талисманъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Помощь плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолжение, см. № 4—69).

Надѣявшимъ маленькими сувѣріями нельзя смыться: часто подобныи сувѣрію руководятъ нашими лучшими поступками.

Дорогой другъ, въ этомъ дѣлѣ Вы мнѣ не оказали никакой помощи. Я торопился, имѣя въ виду приближающееся 5-ое декабря, и позорно провалился. Но все же мнѣ удалось такъ повернуть это дѣло, что если Вы захотите одна ити къ цѣли, то у Васъ много шансовъ, что Вы этой цѣли достигнете.

И Вы будете продолжать мною начатое. Не такъ ли? Это вопросъ чести, согласно нашему соглашенію. Въ опредѣленный срокъ мы должны внести въ книгу нашихъ судебъ восемь интересныхъ приключений, прощительности, а иногда даже не-много героизма.

Теперь очередь за восьмымъ приключениемъ. Отъ Васъ зависитъ, что оно заняло подобающее мѣсто 5-го декабря до того момента, когда

стѣнныи часы пробьютъ восемь разъ. Въ это знаменательный день Вы должны дѣйствовать такъ, какъ я Вамъ укажу.

Не думайте, дорогой другъ, что я фантазирую и морочу Васъ. Для успѣха предпріятія необходимо, чтобы Вы точно соблюли все то, что я Вамъ сообщу. Прежде всего, въ саду Вашей кузинѣ Вы срѣжете три тонкихъ, гибкихъ прута. Эти пруты Вы перелепете и завяжете по обонимъ концамъ. Получится самодѣльный деревенскій хлыстъ, какъ иногда дѣлаютъ дѣти.

Затѣмъ въ Парижъ Вы купите ожерелье изъ чернаго янтаря съ маленькими выбоинами. Это ожерелье Вы сократите до семидесяти пяти бусъ, вѣдь одной величины.

Подъ Вашей зимней накидкой Вы надѣйтѣ синее шерстяное платье. Ваша зимняя шапочка должна быть украшена осенними листьями. На шеѣ — боя изъ пѣтушинъ перьевъ. Ни перчатокъ, ни колецъ.

Послѣ обѣда отправляйтесь на лѣвый берегъ Сены и войдите въ церковь святого Винцентія. Ровно въ четырѣ часа передъ кронильницей тамъ будетъ стоять женщина, одѣтая во все черное и съ серебряными четками въ рукахъ. Она окроپитъ Васъ святой водой. Вы дадите ей свое ожерелье. Пересчитавъ бусы, она отдастъ Вамъ его обратно. Потомъ слѣдуетъ за нею. Она приведетъ Васъ въ пустынную улицу острова Сент-Луи. Передъ одинымъ изъ домовъ женщина остановится, и Вы войдите одинъ.

Въ нижнемъ этажѣ этого дома Вы найдете довольно еще молодого человѣка съ матовыми цвѣтами лица. Вы снимите накидку и скажете:

— Я пришла за своей сердоликовой застежкой.

Не удивляйтесь его ужасу. Остается спокойной. Если онъ начнетъ Васъ распрашиватъ, пытаясь узнать, кто Васъ къ нему направилъ, не давайте никакихъ объясненій. Всѣ Ваши отвѣты должны сводиться къ короткой формуѣ:

— Я пришла получить то, что мнѣ принадлежитъ. Я васъ не знаю, не знаю вашего имени, но я не могу у не обратиться къ вамъ. Я должна получить обратно свою застѣжку.

Это необходимо!

Я искренно думаю, что, если Вы проявите твердость, то, хотя человѣкъ этотъ, вѣроюно, начнетъ играть комедію, все же Вы достигнете полнаго успѣха. Но борьба должна быть очень короткой. Исколькъ я за-виситъ исключительно отъ Вашей вѣры въ свои силы и твердость. Это — единоборство, въ которомъ Вы должны свалить противника первымъ же ударомъ. Если Вы завоюетесь, потерпаете хладнокровіе, тогда онъ Васъ побѣдитъ. Вы или немедленно одержите верхъ, или сразу же будете разбиты.

Во второмъ случаѣ Вамъ придется опять прибѣгнуть къ моему сотрудничеству, которое я заранѣе Вамъ предлагаю. При этомъ не ставить никакихъ условій. Я хочу лишь быть полезнымъ той, которая со-ставляетъ счастье всей моей жизни.

Прочитавъ это письмо, Гортензія рѣшительно прошептала:

— Я не пойду.

Своей застежкой она уже перестала интересоваться. Кромѣ того, передъ неѣ все стояла эта цифра 8 число предположенныхъ ими совѣтственныхъ приключений. Начать это восьмое приключение — значило опять сблизиться съ Рениннъ, дать ему

возможность завладеть ею.

За два дня до 5-го декабря она была в том же настроении. Накануне утром также. Но вдруг совершило неожиданно она побежжала в сад, сръзала там три прута, сплела их вмѣстѣ, какъ это дѣлала въ дѣтствѣ, и затѣмъ въ двѣнадцать часовъ уѣхала въ Парижъ. Ее охватило страшное любопытство. Она не могла совладать съ собою: слишкомъ было заманчиво то приключение, которое ей предложилъ Ренинъ... Янтарное ожерелье... шапочка съ осенними листьями... Она покажетъ Ренину, на что она способна!

— Наконецъ, — пронеслось въ ея головѣ, — онъ меня приглашаетъ въ Парижъ. А восемь ударовъ часовъ страшны для меня не въ Парижѣ. Вѣдь, тѣ стѣнныя часы, которые должны пробить восемь разъ въ часъ моего пораженія, находятся въ замкѣ Галингра.

Въ тотъ же вечеръ она прибыла въ Парижъ. Утромъ 5-го декабря она купила янтарное ожерелье и сократила его до семидесяти пяти зеренъ. Затѣмъ она одѣла синее платье и шапочку съ осенними листьями. Ровно въ четыре часа она входила въ церковь святого Викентія.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Помощь сатаны

Современный романъ.

(Продолженіе, см. № 4—70).

Сердце ея учащенно билось. Теперь она была одна. Какъ хорошо не мѣшать ей. Черезъ большіе стекла можно было замѣтить разные антикварные предметы и старинную мебель. На вывѣскѣ значились слова: „Въ честь бога Меркурия“ и имя хозяина — „Понкарди“. На карнизе, выступающемся подъ верхнимъ этажемъ, находилась маленькая ниша, въ которой стоялъ божокъ Меркурий изъ обожженой глины. Онъ стоялъ на одной ногѣ съ крыльями на пяткахъ и желомъ въ рукахъ. Вся фигура имѣла наклонъ впередъ, такъ что казалось, она легко можетъ потерять равновѣсіе и упасть на улицу.

— Войдите, — сказала женщина, — Семьдесятъ пять! Вѣроно. Идемъ!

Она быстро пошла впередъ, перешла мостъ и на островѣ Сен-Луи остановилась передъ старииннымъ домомъ съ желѣзнымъ балкономъ, изъ-за котораго виднѣлась ржавчина.

— Войдите, — сказала женщина, послѣ чего удалилась.

Гортензія увидѣла прекрасный магазинъ, помѣщавшійся въ нижнемъ этажѣ. Черезъ большіе стекла можно было замѣтить разные антикварные предметы и старинную мебель. На вывѣскѣ значились слова: „Въ честь бога Меркурия“ и имя хозяина — „Понкарди“. На карнизе, выступающемся подъ верхнимъ этажемъ, находилась маленькая ниша, въ которой стоялъ божокъ Меркурий изъ обожженой глины. Онъ стоялъ на одной ногѣ съ крыльями на пяткахъ и желомъ въ рукахъ. Вся фигура имѣла наклонъ впередъ, такъ что казалось, она легко можетъ потерять равновѣсіе и упасть на улицу.

— Вѣдь, нѣтъ... это не то. Я ищу застежку для корсажа.

— Я къ вашимъ услугамъ... Что вамъ угодно, сударыня?

Въ этой комнатѣ находились предметы, которые придавали ей характеръ лабораторіи какого-то алхимика среднихъ вѣковъ: чучела птицъ, скелеты, черепа и т. п. По стѣнамъ висѣли всевозможные амулеты, между которыми чаще всего виднѣлись руки изъ словоної кости и кораллы съ двумя сложенными какъ бы для заклинанія пальцами.

— Вамъ что именно нужно, сударыня? — спросилъ, наконецъ, Понкарди, закрывая книгу и вставая.

— Это именно онъ, — подумала Гортензія.

У него было матово-блѣдное лицо, обрамленное сѣдой бородкой.

Подъ лысымъ и безцвѣтнымъ лбомъ свѣтились беспокойные, блѣгущіе глазки.

Гортензія, не снимая накидки и не приподнимая вуалетки, отвѣтила:

— Я ищу застежку для корсажа.

— Вотъ витрина, — сказала онъ ей, подводя къ одному изъ шкафовъ.

Бросивъ бѣглый взглядъ на витрину, она проговорила:

— Нѣтъ, нѣтъ... это не то. Я ищу застежку, которая когда-то прошла у меня изъ моей шкатулки. Я пришла сюда за нею.

Ее изумило то впечатлѣніе, которое произвели ея слова. Лицо Понкарди выразило ужасъ.

— Я думаю, что здѣсь вы ея не найдете. Какая это застежка?

— Изъ сердолика въ филигранной оправѣ... эпохи тридцатыхъ годовъ.

— Я не понимаю... Почему вы обращаетесь ко мнѣ?

Она подняла вуалетку и сбросила накидку.

Онъ съ искаженнымъ отъ страха лицомъ отступилъ, какъ передъ привидѣніемъ и прошепталъ:

— Синее платье!.. Шапочка!.. Янтарное ожерелье!.. Возможна ли это?

(Продолженіе слѣдуетъ).

Понкари Шащомъ сатаны

Современный роман.

(Продолжение, см. № 4-71).

Больше всего его, видимо, поразил хлыстъ. Онъ противъѣкъ къ ней взмахнувъ руками подобно пловцу, на простъ тѣлъ человѣкъ, который тошнилъ, упалъ на стуль и потерялъ сознаніе.

Гортензія не шевельнулась. Помня слова Ренинъ, она старалась быть хладнокровной и твердой.

Черезъ двѣ минуты Понкари очнулся, вытеръ струившись по лицу потъ и, стараясь овладѣть собою, сказала дрожащимъ голосомъ:

— Почему вы обратились ко мнѣ? — Потому, что эта застежка находится у васъ.

— Кто вамъ это сказала? — спросилъ онъ, не возражая противъ предъявленного ему обвиненія, — откуда вамъ это известно?

— Я это знаю. Никто мнѣ ничего не сказалъ. Я пришла сюда съ полной увѣренности, что моя застежка здѣсь и съ непреклонной волей ее унести.

— Вы меня знаете? Вамъ изъ вѣтно мое имя?

— Я васъ не знаю. Ими ваше я руки, началь шататься и, наконецъ, узнала только сейчасъ. Вы для ме-

дленно вѣтъ, упалъ на стуль и

долженъ вернуть мнѣ мою застежку.

Понкари заволновалась. Она ходила по комнатѣ быстрыми шагами, ударяя кулакомъ по вѣтъ, предметамъ.

Гортензія почувствовала, что она одержала надъ нимъ верхъ. Она обратилась къ нему повелительнымъ тономъ:

— Гдѣ находится моя вещь? Отдайте мнѣ ее. Я это требую.

Понкари впалъ въ отчаяніе. Она сложилъ руки и стала бормотать что-то. Наконецъ, видимо, побѣжденный, онъ проговорилъ:

— Вы этого требуете?

— Я хочу... Это должно быть...

— Да, да... я согласенъ.

— Говорите, — бросила она еще

болѣе рѣзко.

— Говорить я не могу... Я луч-

ше напишу... Я вамъ выдамъ мой секретъ, и все для меня будетъ кончено.

Онъ вернулся къ своему письменному столу и набросалъ ликорадочно на листъ бумаги нѣсколько строкъ. Затѣмъ этотъ листъ бумаги онъ вложилъ въ конвертъ и запечаталъ.

Одновременно Понкари приложилъ къ вѣску своему револьверъ, который вынулъ изъ стола, и выстрѣлилъ.

Быстро движениемъ Гортензія толкнула его подъ руку. Пуля попала въ зеркало, но Понкари опустился со стономъ на стуль, точно онъ раненъ.

Гортензія собрала всю силу своей воли, чтобы не потерять хладнокровія.

— Ренинъ меня предупредилъ, — подумала она, — это комедіантъ. Онъ сохранилъ письмо и револьверъ. Онъ меня не провѣдѣтъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, она сознавала, что если вѣнчанымъ образомъ она оставалась спокойной, то все же эта поимка къ самоубійству и этотъ выстрѣлъ вывели ее изъ душевнаго равновѣсія. Она вдругъ почувствовала, что воля ея слабѣетъ, и человѣкъ, ползающій у ея ногъ, въ концѣ концовъ сильнѣе ея.

Въ полномъ изнеможеніи Гортензія сѣла. Какъ предсказалъ Ренинъ, дуэль продолжалась всего нѣсколько минутъ. И въ то мгновеніе, когда побѣда у нея была почти въ рукахъ, ей пришло сдѣться, такъ какъ женскіе нервы не выдержали.

Понкари все это быстро замѣтилъ и, прекративъ свои жалобы, вскочилъ на ноги съ легкостью молодого козла, иронически воскликнувъ:

— Для нашего разговора требуется уединеніе. Не надо, чтобы како-нибудь покупатель помѣшалъ намъ.

Съ этими словами она закрыла желѣзныя ставни магазина и въ пріемщику подошла къ Гортензіи.

— Да, я чуть не вложился! Было маленькое усилие съ вашей стороны и вы могли выиграть игру. И какъ же я осель! Мнѣ вдругъ представилось, что вы свалились на меня изъ глубины прошлаго, чтобы потребовать у меня отчета, и я чуть-чуть не сдался... Эхъ, мадемузель Гортензія, — позвольте мнѣ такъ называть васъ, такъ какъ я знаюъ васъ подъ этими именемъ, — «нашла коса на камень», какъ говорить пословица.

(Продолжение следуетъ).

Понкари Шащомъ сатаны

Современный роман.

(Продолжение, см. № 4-72).

Онъ сѣлъ около нея и грубо, съ злымъ лицомъ продолжалъ:

— А теперь отрывайте всю эту исторію! Не вы, конечно. Вы на это не способны. Кто же? Въ моей жизни я всегда была честенъ, безукоризненно честенъ... исключая одного раза... съ этой застежкой. Я думалъ, что это дѣло давно похоронено, а теперь оно вдругъ вслыхиваетъ. Какимъ образомъ? Я хочу знать.

Гортензія не пыталась продолжать борьбу. Онъ подавлялъ ее своимъ мужскимъ превосходствомъ, всей силой своей злобной натуры.

— Говорите-же! Я хочу знать. Если у меня есть тайный врагъ, я долженъ узнать его имя, чтобы защищаться. Кто васъ заставилъ дѣствовать? Мой ли это конкурентъ, котораго злить мои устремы и которыи хочетъ воспользоваться застеж-

кой? Говорите, чортъ возьми!.. Или, клянусь...

Она вообразила себѣ, что онъ хочетъ схватить револьверъ и стала отступать, надѣясь уѣхать.

Ее не такъ пугало возможное нападеніе, какъ злобное, искаленное ненавистью лицо противника. Она вскрикнула. Вдругъ Понкари остановилъ и, вытянувъ руки впередъ, стала смотрѣть на что-то поверхъ головы Гортензіи.

— Кто тамъ? Какъ вы вошли? — прохрипѣлъ онъ сдавленнымъ голосомъ.

Гортензія, не оборачиваясь, почувствовала, что Ренинъ явился къ ней на помощь. Дѣйствительно, изъ-за кучи старинныхъ вещей показалась его тонкій силуэтъ, и Ренинъ спокойными шагами вышелъ на середину комнаты.

— Кто вы? — повторилъ Понкари, — откуда вы явились?

— Сверху, — очень учтиво отвѣтилъ князь, показывая на потолокъ.

— Сверху?

— Да, я уже три мѣсяца живу

въ верхнемъ этажѣ. Мнѣ послышалась шумъ, звали на помощь... Вотъ и я здѣсь.

— Но какъ вы сюда вошли?

— Спустился по лѣстницѣ.

— По какой лѣстницѣ?

— По желѣзной внутренней лѣстницѣ, которая идетъ отъ моего этажа къ вамъ. Вашъ предшественникъ занималъ оба этажа. Вы же это входъ забили, а я открыль его.

— По какому праву? Это же вторженіе въ чужое жилище!

— Подобное вторженіе позволительно, когда надо притти на помощь своему ближнему.

— Кто же вы?

— Князь Ренинъ... другъ этой дамы, — отвѣтилъ онъ цѣлую Гортензіи руку.

Понкари пришелъ въ бѣшенство:

— А, я понимаю!.. Это вы инициаторъ всей этой исторіи... это вы прислали сюда эту даму?!

— Именно я, господинъ Понкари, именно я.

— Каковы же ваши намѣренія?

— Самая чистая. Никакого насилия. Просто маленькій разговоръ, послѣ котораго вы мнѣ отдадите то, за чѣмъ я пришелъ къ вамъ.

— Что такое?

— Вы отдадите мнѣ застежку

— Никогда, — запальчиво воскликнула антикварій.

— Не говорите такъ! Ручаюсь что отдадите.

— Нѣтъ такой силы въ, мірѣ которая заставила бы меня это сдѣлать.

— Не пригласимъ ли мы сюда вашу жену? Быть можетъ, она лучше оцѣнитъ положеніе вещей.

Эта идея Понкари, видимо, понравилась, и онъ три раза нажалъ кнопку электрическаго звонка.

— Вотъ и прекрасно, — воскликнула Ренинъ. — Вы видите, дорогой другъ, какъ господинъ Понкари сдѣлалъ вѣжливъ! Какъ только онъ очутился въ присутствіи мужчины онъ сразу же превратился въ кроткую овцу. Но овцы тоже угрюмы, и дѣло пройдетъ съ закорючками.

Въ глубинѣ магазина поднялась портвѣя и на порогѣ дверей, находившихся за нею, показалась женщина. Ей было лѣтъ тридцать. Она

была очень просто одета и по виду напоминала кухарку. Лицо ее казалось добродушным и приятным.

Гортензия очень удивилась, когда в этой особе узнала горничную, которая служила ей, когда она была девушкой.

— Какъ, это вы Люси? Вы теперь госпожа Понкарди?

Вошедшая посмотрела на нее, узнала и, видимо, сконфузилась. Ренинъ обратился къ ней:

— Вы намъ нужны, чтобы выяснить дѣло, въ которомъ вы играли важную роль...

Она съ беспокойствомъ взглянула на мужа, который не спускалъ съ нея глазъ.

— Что такое? Въ чёмъ дѣло?

Понкарди прошепталъ:

— Застежка... сердоликовая застежка...

Этого было достаточно. Люси упала на стулъ, не пытаясь возвратить, и проговорила:

— А! понимаю... М-ль Гортензия напала на слѣдъ... Мы погибли!

На некоторое время воцарилось молчание. Въ самомъ началѣ борьбы и мужъ, и жена имѣли видъ побѣденныхъ. Люси принялась пла-

кать. Ренинъ наклонился къ ней и сказалъ:

— Объяснимся. Я увѣренъ, что мы договоримся, и все кончится благополучно. Девять лѣтъ тому назадъ, когда въ провинціи вы служили у мадемуазель Гортензіи, вы познакомились съ Понкарди и сдѣлались его любовницей. Вы оба изъ Корсики, гдѣ особенно распространены разныя сувѣрія, гдѣ всякие амулеты, заклинанія и тому подобное играютъ въ жизни громадную роль. Вотъ почему подъ вліяніемъ господина Понкарди вы похитили застежку. Это былъ тотъ талисманъ, который долженъ быть принести вамъ счастье. Черезъ шесть мѣсяціевъ вы покинули свое мѣсто и вышли замужъ за Понкарди. Вотъ въ двухъ словахъ вся ваша исторія. Оставаясь въ общемъ честными людьми, вы не въ силахъ были устоять передъ искушеніемъ.

Нечего рассказывать вамъ, какъ, владѣя талисманомъ и вѣря въ его дѣйствіе, вы среди антикваровъ въ скоромъ времени стали въ первыхъ рядахъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Подъ плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолженіе, см. № 4-73).

Вы считаете, что магазинъ вашъ в честь бога Меркурия" своимъ процвѣтаніемъ обязанъ употребленію застежки. Вы полагаете, что съ потерей застежки рушится ваше благосостояніе. Въ ней вся ваша надежда, это вашъ фетишъ. Она — вашъ ангель-хранитель. И эта застежка запретана здѣсь. Никто ничего не подозревалъ бы, если бы случай не заставилъ меня заняться вашими дѣлами.

Ренинъ остановился на нѣсколько секундъ и затѣмъ продолжалъ:

— Я уже два мѣсяца ищу здѣсь эту застежку, но ее еще не нашелъ. А я основательно перерылъ весь вашъ магазинъ! И ничего! Впрочемъ, виноватъ, въ одной изъ шкатулокъ, Понкарди, я нашелъ вашъ дневникъ, гдѣ вы разъясняете о своихъ угрозахъ соцѣти, о вашемъ безвѣдѣ, о страхѣ, передъ кѣромъ

Божіей. Какая неосторожность! Разъ въ подобнай признаніи записываютъ!

Вотъ что вы, между прочимъ, пишете въ этомъ дневнике:

— Пусть явится ко мнѣ та, которую я обездолилъ... Пусть она придетъ сюда въ такомъ видѣ, какъ я видѣлъ ее въ ея саду, когда Люси пожидала у нея застежку. Пусть явится она мнѣ въ синемъ платьѣ, съ шапочкой съ осенними листьями, съ янтарнымъ ожерельемъ и хлыстомъ изъ трехъ переплетенныхъ прутьевъ, который она держала въ руки въ тотъ день. Пусть она такъ явится и скажетъ: — отдайте мнѣ то, что мнѣ принадлежитъ! Если это случится, то я пойму, что Господь вдохновилъ ее, и она лишь исполняетъ волю Провидѣнія.

Вотъ, Понкарди, что вы внесли въ свой дневникъ и почему та, которую вы называете мадемуазель

Гортензіей, пришла къ вамъ. Сохранила она до конца полное хладнокровіе, и ея игра была бы выиграна. Вы это знаете. Къ несчастью, вы отличный актеръ. Ваша симуляция попытки къ самоубіству вывела ее изъ душевнаго равновѣсія. Вамъ сдѣлялось ясно, что она послана

вамъ не волей Провидѣнія, просто ваша старая жертва такимъ путемъ хотѣла вернуть вамъ похищеніе. Мнѣ, следовательно, нужно было вмѣшаться въ это дѣло. Итакъ, Понкарди, отдайте застежку.

— Нѣтъ, — энергично возразилъ антикваръ.

— А вы, госпожа Понкарди?

— Я не знаю, гдѣ застежка находится.

— Прекрасно! Перейдемъ къ дѣйствіямъ. У васъ, госпожа Понкарди, семилѣтній сынъ, котораго вы любите всѣми силами своей души. Сегодня онъ долженъ одинъ вернуться отъ тетки домой, какъ это происходитъ каждый четвергъ. Два моихъ приятеля, если я не ошибаюсь, своего приказанія, должны его похитить.

— Умоляю, — стала просить Люси, — только не это! Клянусь, что я

ничего не знаю. Мой мужъ этотъ тайны мнѣ не довѣрилъ.

Ренинъ продолжалъ:

— Во вторыхъ, сегодня же на имя прокурора будетъ принесена жалоба. Доказательствомъ будетъ служить вашъ дневникъ. Послѣдствія: предварительное стадіе, обыски, арестъ и т. д.

Понкарди молчалъ. Казалось, что всѣ эти угрозы на него не действовали. Находясь подъ охраной фешиста, онъ, видимо, считалъ себя незащищеннымъ. Его жена бросилась къ ногамъ Ренина и стала несвязно лепетать:

— Нѣтъ, нѣтъ... Умоляю васъ... Я не хочу въ тюрьму... А мой сынъ... О, я васъ прошу...

Гортензія была такъ растрогана, что отвѣтила Ренину въ сторону и сказала ему:

— Бѣдная женщина! Я прошу васъ за нее.

— Успокойтесь, — отвѣтилъ онъ съ улыбкой, — ничего ровно съ ея сыномъ не случится.

— Но ваши друзья, которые подстерегаютъ его...

— Я это выдумаю.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Помощь шащомъ сатаны

Современный роман.

(Продолжение, см. № 4-74).

— Жалоба прокурору?
— Только угроза.
— Что же вамъ надо?
— Минъ надо ихъ перепугать, вывести изъ душевнаго равновѣсія, заставить проговориться. Мы все переборвали. Остается послѣднее средство. Оно, вспомните, почти всегда приводило насъ къ цѣли.

— Но если этой цѣли вы не достигнете?

— Она должна быть достигнута, — сказалъ Ренинъ глухимъ голосомъ. — Дѣло должно быть конечно. Часъ приближается.

Ихъ глаза встрѣтились, и молодая женщина покраснѣла до корня волосъ, думая о его намекѣ: въ восемь часовъ ровно должна была наступить расплата.

— Вотъ чѣмъ вы рискуете, — обратился Ренинъ къ чѣмъ Понкарди, — вы потерпите своего ребенка,

а сами попадете въ тюрьму. А вотъ мое предложение: отдайте мнѣ застежку, и я вамъ немедленно уплачу двадцать тысячъ франковъ. Она не стоитъ и ста франковъ.

Отвѣта не послѣдовало. Госпожа Понкарди плакала.

Ренинъ продолжалъ, дѣля паузы между своими предложеніями:

— Я удавиваю... Я утѣшаю... Однако, вы требовательны, Понкарди!.. Вы хотите, значитъ, получить кругленькую сумму? Ладно? Сто тысячъ!*

Онъ протянулъ впередъ руку, точно не сомнѣваясь въ томъ, что получить застежку.

Госпожа Понкарди первая сдалась и съ бѣшенствомъ набросилась на мужа:

— Сознайся, наконецъ!.. Говори!.. Куда ты ее запряталъ?.. Не будешь ли ты дальше упираться? Вѣдь ты разоришь настъ, опозоришь!.. А нашъ

сынъ!.. Говори же!

Гортензія прошептала:

— Ренинъ, это же безуміе; застежка не имѣть никакой цѣнности. — Не бойтесь! На мое предложеніе она никогда не согласится... Взгляните на него: какъ онъ возбужденъ, какъ онъ волнуется! Это именно то, къ чему я стремился. Этихъ людей надо довести до бѣлага каленія. Они должны потерять способность контролировать свои слова и свои дѣйствія... И въ этотъ моментъ неосторожное слово, какой-нибудь жестъ выдастъ ихъ мнѣ. Взгляните на него: онъ потерпѣлъ голову. Подумать только — сто тысячъ франковъ за какую-то камешекъ, или же тюрьма!

Понкарди совершенно обезумѣлъ, лицо его было мертвенно-блѣдно, въ углахъ рта показалась пѣна. Видно было, что онъ пережилъ страшную внутреннюю борьбу. Его природная жадность находилась въ борьбѣ съ присущимъ ему суевѣріемъ. Вдругъ онъ не выдержалъ и разразился рядомъ несвязныхъ, порой безсознательныхъ фразъ:

— Сто тысячъ! Дѣвѣты тысячи! Пятьсотъ тысячъ!.. Миллионъ! На-

плевать мнѣ на деньги! Миллионы исчезаютъ, улетучиваются, растратаются. Одно въ жизни важно: за васъ судьба или противъ васъ! Въ этомъ всѣ суть. И вотъ судьба мнѣ благорѣтствуетъ уже девять лѣтъ. За это время она ни разу мнѣ не измѣнила, удача всегда была на моей сторонѣ. Вы же хотите, чтобы я продать вамъ свое счастье. Чего ради? Вы грозите мнѣ тюрьмой, обѣщаете похитить сына!.. Все это глупости! Со мной ничего не можетъ случиться до тѣхъ поръ, пока судьба будетъ на моей сторонѣ. Сейчасъ она мой другъ и мой слуга.. И эта судьба, это мое вѣчное счастье, постоянная удача связана съ застежкой. Я не знаю, почему! Но есть камни, обладающіе волшебнымъ свойствомъ. Этими свойствомъ, очевидно, обладаетъ сердоликовая застежка.

Ренинъ не спускалъ съ него глазъ и внимательно вслушивался въ каждое его слово, въ малѣйшій интонацій его голоса. Теперь антикварій хотѣтель и наступалъ на князя. Онъ, видимо, сознавалъ свою силу, свое превосходство, и упрямство его росло.

(Продолженіе следуетъ).

Помощь шащомъ сатаны

Современный роман.

(Продолженіе, см. № 4-75).

— Миллионы? Но мнѣ эти миллионы не нужны. Камешекъ, который разорилъ. Одного изъ всѣхъ миллионовъ въ мѣрѣ. Не напрасно вы такъ стараетесь овладѣть имъ. Вѣдь вы уже мѣсяцы ищете его, какъ сами сознались. Вы у меня перерыли весь магазинъ, я да же не защищалъ и ничего не подозревала. Зачѣмъ защищаться? Вещи сама защищалась... Она не хочетъ, чтобы вы ее нашли и вы ее не найдете. Ей здѣсь у меня хорошо. Она — мое счастье, моя добрая фея. Всѣ знаютъ, что мнѣ во всѣмъ везетъ. Я даже избрала своимъ патрономъ бога Меркурия, бога удачи, бога торговаго счастья... Онъ также мнѣ покровительствуетъ... И въ магазинѣ у меня вездѣ поставлены изображенія Меркурия. Помимо на эту полку: тамъ ихъ цѣлія коллекція; такія-же, какъ и

на моей вывѣскѣ. Я купилъ этихъ божковъ у знаменитаго скульптора, который разорился. Одного изъ нихъ я могу вамъ подарить. Этотъ Меркурий вамъ также принесетъ счастье. Мой подарокъ вознаградитъ васъ за вашу неудачу. Идите!

Онъ взобрался по лѣстницѣ вверхъ, склонивъ съ полки статуэтку и отдалъ ее Ренину.

— Браво! Онъ принимаетъ! — со смѣхомъ воскликнулъ Понкарди, довольный, что противникъ его, видимо, сдался, — если же онъ принимаетъ, то, значитъ, все уложено. Вашъ сынъ, госпожа Понкарди, вернется. Не мучьте себя. До свиданія, мадемуазель Гортензія. Пращайте, сударь. Заходите, не забывайте! Я всегда къ вамъ услугамъ. Уносите свой подарокъ... пусть Меркурий поможетъ вамъ... До свиданія, дорогой князь.. Всего, всего наилучшаго!

Онъ постепенно выпроваживъ обоихъ посѣтителей изъ магазина, направляя ихъ къ дверямъ, которыхъ вѣли въ верхній этажъ.

Самое странное было то, что Ренинъ не протестовалъ. Онъ ни минуты не сопротивлялся. Онъ ушелъ, какъ мальчикъ, котораго наказали и выставили за дверь.

Съ того времени, когда онъ сдѣлалъ свое предложение Понкарди, и до того момента, когда Понкарди выпроводилъ его изъ магазина съ статуэткой въ рукахъ, не прошло и пяти минутъ.

Столовая Ренина выходила на улицу. Обѣдненный столъ былъ накрытъ на два прибора.

— Простите мнѣ всѣ эти приготовленія, — сказалъ Ренинъ Гортензіи, открывая ей двери въ гостиную. — Я рѣшилъ, что вы согласитесь въ заключеніе этого полнаго собѣтій дня отбѣдить со мною. Не откажите мнѣ въ этой милости, которая завершитъ мое послѣднєе съ вами приключеніе.

Гортензія не возражала. Почему ей было не принять это приглашеніе: вѣдь условія заключенного ими договора выполнены не были?

Ренинъ на минуту вышелъ, чтобы сдѣлать послѣдній распоряженія, а затѣмъ вернулся и провелъ Гортензію въ столовую. Часы въ это время показывали пѣвѣсколько болѣе семи.

Столъ былъ украшенъ рѣдкими цветами. Въ центре его стояла статуэтка Меркурия, подарокъ Понкарди.

— Пусть богъ удачи предсѣдѣтельствуетъ за нашимъ столомъ.

Князь находился въ очень веселомъ настроении и шутилъ.

— Ахъ, — воскликнулъ онъ, — какъ же вы упрямая! Вы церѣстали меня принимать!.. Вы мнѣ не писали даже.. Право, дорогой другъ, вы постутили со мной прѣжестко и заставили меня глубоко страдать. И мнѣ пришло пустить въ ходъ тяжелую артиллерию: подѣйствовать на ваше воображеніе перспективой совершенно необычайного приключенія, возвѣдѣть ваше женское любовьство. Согласитесь, что мое письмо было ловко составлено... Три прута... синее платье... Какъ тутъ устоять?

(Продолженіе следуетъ).

Помощь шащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолжение, см. № 4—76)

А тут я еще добавилъ нѣсколькоъ загадокъ: ожерелье изъ янтаря... старушка въ церкви... Не сердитесь! Я хотѣлъ васъ непремѣнно видѣть и именно сегодня. Вы пришли. Спасибо!

Затѣмъ онъ рассказалъ, какъ на-
шелъ похитителей застежки.

— Вы, конечно, надѣялись, ставя мнѣ это условіе, что я никогда его не выполню. И ошиблись, дорогой другъ! Дѣло совсѣмъ не было такъ сложно, если принять во вниманіе, что застежка имѣла славу талисмана. Надо было узнать, кто изъ ва-
шіх прислуги отличался суевѣріемъ. Мнѣ удалось быстро установить, что у васъ служила горничная Люсь изъ Корсики. Это обстоятельство яви-
лось исключительнымъ пунктомъ для мо-
ихъ дальниѣшихъ розысковъ.

Гортензія смотрѣла на князя съ удивленіемъ. Какъ онъ легко ми-
рился съ своимъ пораженіемъ! Онъ говорилъ съ видомъ побѣдителя, когда, въ дѣйствительности, былъ разбитъ на голову антиквариѣмъ и поставленъ имъ даже въ смѣшное положеніе.

Она это дала ему почувствовать, а въ томъ ея голоса можно было найти искру разочарованія.

— Допустимъ, что вы все это распутали, но въ концѣ концовъ вамъ не удалось вернуть мнѣ укра-
дение.

Упрекъ былъ ясенъ. Ренинъ не пріучилъ ее къ пораженіямъ. Ее, кроме того, сердца та безпечность, съ которой она встрѣтила крушение своихъ завѣтныхъ надеждъ.

Онъ ничего не отвѣтилъ. Затѣмъ наполнилъ два бокала виномъ и одинъ изъ бокаловъ приложилъ къ губамъ, пристально смотря на статуэтку Меркурия. Затѣмъ онъ вesse-
ло повернулся бокомъ.

— Какая дивная вещь — гармо-
ничная линія. Меня всегда меньше чаруютъ цветъ, краски, нежели про-
порція, форма, красота линій. Я, напримѣръ, дорогой другъ, люблю цветъ вашихъ васильковыхъ глазъ, золото вашихъ волосъ, но, вѣрте, меня еще больше восхищаютъ овалъ вашего лица, линія вашего затылка и форма вашихъ плечъ. Взгляните на эту статуэтку. Понкари правъ: ее слизни большой мастеръ. Какъ

её слизни большой мастеръ. Какъ сообразилъ, почему Меркурий не

хороши ноги, мускулистыя и тонкія въ то же время. Вся фигура прони-
водитъ впечатлѣніе порыва и ско-
рості. Все это дивно... Есть одна, впрочемъ, маленькая ошибка, кото-
рую, быть можетъ, вы не замѣтили?

— Напротивъ, — отозвалась Гортензія. — Эту ошибку я замѣтила, когда рассматривала вывѣску. Вы, вѣроятно, хотите сказать, что въ статуэткѣ замѣчается нѣкоторое от-
сутствие равновѣсія? Божокъ слиш-
комъ наклонился впередъ. Кажется, что онъ упадетъ.

— Браво! Совершенно вѣрно. Эта неправильность почти незамѣтна, надо имѣть опытный глазъ, чтобы ее усмотрѣть. Логично разсуж-
дая, божокъ долженъ упасть лицомъ впередъ.

Послѣ короткой паузы онъ про-
должалъ:

— Я замѣтилъ этотъ недоста-
токъ въ первый же день. Меня, признаюсь, вѣразила эта особен-
ность съ точки зрѣнія эстетической. Между тѣмъ, я удивляюсь, что не обратилъ вниманія на другое обсто-
ятельство: законы тиражи нарушены быть не могутъ...

— Что вы хотите сказать? — съ живымъ интересомъ спросила Гортензія.

— Ничего особенного. Я удивля-
юсь только тому, что сразу же не

падаетъ впередъ лицомъ внизъ, со-
гласно физическимъ законамъ.

— Причина?

— Причина? Полагаю, что Пон-
кари, обрабатывая статуэтку, чтобы
приспособить ее къ своимъ цѣ-
лямъ, нарушилъ ея равновѣсіе. Это
равновѣсіе, однако, опять возстано-
вилось благодаря тому, что явилось
новое обстоятельство.

— Какое?

— Дѣло въ томъ, что статуэтка
не была прикреплена въ нишу. Я
видѣлъ, что Понкари каждые двад-
цать два бралъ ее въ руки и чи-
стилъ. Значитъ, остается единственный
гипотеза: противовѣсъ.

Гортензія вздрогнула. Она нача-
ла понимать.

— Противовѣсъ... Вы полагаете,
что этотъ противовѣсъ находится
въ пѣdestalѣ?

— Именно!

— Возможно ли это? Но какъ
могъ въ такомъ случаѣ Понкари
вамъ отдать статуэтку?

— Онъ дѣлъ мнѣ не вѣту стату-
этку, — объяснилъ Ренинъ, — эту стату-
этку я самъ у него взялъ.

— Но гдѣ? Но когда?

— Только-что, когда вы находи-
лись въ гостиной. Я черезъ свое ок-
но добрался до ниши, где стояла
статуэтка, и одного бoga замѣнилъ
другимъ.

(Продолжение следуетъ).

Помощь шащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолжение, см. № 4—77)

— Но вѣдь тогдѣ Меркурий, ко-
торый вѣдь далъ Понкари, вѣ-
редъ не наклоненъ?

— Нѣтъ, какъ и вѣсъ остальныхъ
статуэтокъ находящихся въ магазинѣ.
Но Понкари не артистъ и ничего
не замѣтилъ. Онъ будетъ продол-
жать думать, что владѣть талисма-
номъ. Если хотите, я разрушу пѣ-
destalъ этой статуэтки, и мы вы-
немъ вашу застежку, которая залита
оловомъ. Это олово и удерживаетъ
божка въ состояніи равновѣсія.

— Нѣтъ, нѣтъ.. Не надо.. про-
шептала Гортензія.

Ловкость Ренинъ, его проница-
тельность, способность разбираться
въ самыхъ сложныхъ вѣщахъ, въ
эту минуту ее какъ-будто не зани-
мали. Она думала о томъ, что вѣсъ
мое приключение изъ доведено до
благополучного конца, что прибли-
жается часъ расплаты, что онъ по-
бѣдилъ.

— Три четверти восьмого, — за-
мѣтилъ Ренинъ.

Въ комнатѣ водарилось тягост-
ное молчаніе. Обонимъ стало неловко.
Они боялись шевельнуться. Ренинъ
попытался шутить:

— Молодчина эта Понкари!
Я былъ увѣренъ, что, возбуждая

доводилъ до конца, всегда достигая
своей цѣли. И всѣ онъ дѣлалъ спо-
койно, хладнокровно, чувствуя свою
силу, понимая, что ничто не можетъ
противостоять ему. Передъ нимъ
она была безпомощной. Какъ защищать-
ся и зачѣмъ защищаться? Онъ
вѣдь всегда побѣдилъ ее, всегда
подчинилъ ей свой вѣлъ. Даже ес-
ли она попыталась бы убѣжать ку-
да-нибудь, развѣ она не отышется
сѧ, развѣ она найдетъ въ цѣломъ
свѣтѣ мѣсто, где она не обнару-
жилъ бы еї? Съ самаго первого мо-
мента ихъ встрѣчи было предопре-
дѣлено, что Ренинъ завладѣетъ ею,
такъ какъ онъ рѣшилъ это сдѣлать,
такъ какъ онъ поставилъ себѣ эту
цѣль.

Все же она не сдавалась и иска-
ла предлоговъ, чтобы уклониться
отъ выполненія договора. Она уѣ-
зжала сѧ тѣмъ, что, хотя всѣмъ
приключений они совмѣстно пере-
жили и она вернула ей сердолико-
вую застежку, но, согласно условію,
въ послѣднюю минуту должны были
пробить стѣнныя часы замка Галин-
гра. Рѣдь Ренинъ сказалъ три мѣся-
ца тому назадъ, глядя на губы, къ
которымъ стремились его уста, слѣ-
дующее:

— Старый мѣдный маятникъ
опять придется въ движение, и въ
тотъ моментъ, когда въ назначенному
сроку опять пробьютъ восемь
разъ, тогда...

Она подняла голову. Онъ не ше-
вѣлся и склонялся, съ искропица-
емъ лицомъ ждалъ.

Гортензія приготовилась сказать
ему слѣдующее:

— Вы вѣдь знаете.. Мы услови-
лись, что должны пробить часы Га-
лингра. Всѣ условия выполнены
исключая этого: Значитъ, я свобод-
на? Не такъ ли? Я...

Ходъ еї мыслей былъ внезапно
прерванъ.. Сзади послышалось ши-
пание стѣнныхъ часовъ, собираю-
щихся бить.

Раздался первый ударъ, затѣмъ
второй.. третій. У Гортензіи вырвал-
ся стонъ. Она сразу узнала звонъ
старинныхъ стѣнныхъ часовъ Га-
лингра, которые три мѣсяца тому
назадъ такъ неожиданно вдругъ
шли въ заброшенномъ замкѣ.

Она стала считать. Часы проби-
ли восемь разъ.

— А! — прошептала она въ со-
стояніи полного смятія, закрывая
лицо руками.. Это бѣть тѣ часы...
я узнала ихъ бой..

Водворилось молчаніе. Она уга-
дывала, что Ренинъ смотрѣтъ на нее.
Этотъ взглядъ лишалъ ее послѣд-
нихъ силъ. Впрочемъ, еї больше
не хотѣлося противиться, она чув-
ствовала себя побѣжденной. Ихъ
совмѣстныя приключения кончились.
Но впереди оставалось еще главное,
важнѣйшее приключеніе. Они долж-
ны были совмѣстно пережить лю-
бовное приключеніе, самое сладкое,
самое интересное и волнующее изъ
всѣхъ приключеній. И она подчини-
лась судьбѣ своей и была счастли-
ва, невзирая на свое пораженіе,
такъ какъ любила.

(Продолжение следуетъ).

Плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолжение, см. № 4-70)

Часть послѣдняя.

ГЛАВА XI.

Табакерка императора Нерона.

— Знаешь ли Чарли, — Лондонъ становится, положительно, скучнымъ, — уронилъ князь Ренинъ, только что закончившій ужинъ въ общество своего друга Чарли Бранда. Бесѣда друзей была прервана появленіемъ старого камердинера князя, передавшаго визитную карточку.

— Господинъ этотъ желалъ бы сегодня же быть принятъмъ вашей свѣтлостью.

— Странное время для дѣловаго визита! — замѣтилъ Ренинъ, прочитавъ отпечатанное на толстомъ англійскомъ картонѣ: Фома Баррингъ,

антікварій, — что ему нужно.., попросите господина Барринга, — присовокупилъ онъ, обратясь къ камердинеру.

— Слушаюсь, ваша свѣтлость. Спустя нѣсколько секундъ въ кабинетъ быстрой, сѣмнадцати походкой вошелъ антикварій Баррингъ, человѣкъ лѣтъ шестидесяти, съ рѣзко очерченой витчай физиономіей.

— Простите, лордъ Варнингтонъ, — заговорилъ онъ, — что безпокою въ столь поздній часъ.., надѣясь встрѣтить васъ въ клубѣ, где я проходилъ вѣсъ напрасно..

Князь Ренинъ бывалъ въ фешенебельномъ лондонскомъ клубѣ „Ситимъзъ“ подъ именемъ лорда Варнингтона. Никто, конечно, и не подозривалъ, что элегантный, изящный лордъ Варнингтонъ и князь Ренинъ — одно и то же лицо.

— Да, — пропяянула Ренинъ, — въ,

дѣйствительно, избрали часть нѣ- сколько странной для дѣловаго ви- зита.

— Простите, — снова повторилъ антикварій, — отъ одного изъ членовъ посѣщааемаго вами клуба я слышалъ, что вы — любитель рѣдкостей.., въ то же время до свѣдѣнія моего до- шло, что вы завтра собираетесь вы- ходить изъ Лондона.., Вотъ въ силу этихъ обстоятельствъ я взялъ на себя смѣлость пріѣхать къ вамъ столь поздно, желая дать вамъ воз- можность пріобрѣсти дивную золо- ту табакерку временъ знаменитаго римскаго императора Нерона.

Лица Сергея Ренина и Чарли выразили изумленіе, достигшее куль-минаціонаго пункта. Лордъ терялся въ догадкахъ: что болѣе возмути- тельно — наглость ли антикварія, предлагавшаго ему табакерку импе- ратора Нерона, или же глупость этого человѣка, допустившаго, что онъ повѣрить такой безсмыслицѣ.

Немного времени требовалось ему, чтобы рѣшить: спустить ли непро- шенаго посѣтителя съ лѣстницы, или же придумать способъ наказать его, прикинувшись легковѣрнымъ

дурачкомъ — онъ рѣшился на послѣд- нее.

— Ахъ, это крайне интересно, — сказалъ онъ, позвольте взглянуть! Вытащивъ изъ кармана маленьку бѣленькую коробочку, антикварій бережно снялъ съ нея крышку, раз- вернувъ тонкую шелковистую бу-магу и протянувъ Ренину массивный золотой портсигаръ съ выведен- нымъ на немъ рубинами и изумру- дами именемъ „Неронъ“.

— Жаль, мистеръ Баррингъ, — сказалъ послѣ продолжительного молчанія князь, — что здѣсь нѣть имени ювелира или фирмы, изгото- вившихъ эту вещицу!..

— Судя по работѣ, — нашелся антикварій, надо думать, что порт-сигаръ этотъ выущенъ изъ мастер-ской придворнаго ювелира одного изъ персидскихъ королей.., съ дру-гой стороны, можно допустить и то, что это — египетская работа, и Рам-зесъ, великий египетскій царь, по- дарилъ эту бездѣлушку императору Нерону.

Совершенно серьезно и внимательно внимавшій ему Ренинъ положи- тельно не зналъ: разсмѣяться ли ему или обругать изобрѣтательного

коммерсанта, тогда какъ Чарли Брандъ безаппеляціонно рѣшилъ, что антикварій, очевидно, внезапно помѣшался.

Нельзя-же было допустить, чтобы табакерка императора Нерона была-бѣ реальной дѣйствительностью, еще неизвѣстна была совсѣмъ ужъ не- лѣпая легенда о томъ, что король Рамзесъ подарилъ табакерку Нерону, хотя бы въ силу того, что первыи жилъ за нѣсколько тысячелѣтій до втораго.

Князь Ренинъ, однако, ни словомъ, ни движеніемъ не выдалъ своихъ мыслей.

— Табакерка прекрасна, но, бо- юсь, что цѣна ей будетъ мнѣ не по карману.

— Позвольте, — поспѣшилъ отвѣ- тить мистеръ Баррингъ, — можно смѣло сказать, что за такую рѣд- кость никакая цѣнность не будетъ слишкомъ высока. Нѣть, вы поду- майте лишь, какая это реликвія.., до сего времени ни одни историкомъ не былъ упомянутъ фактъ, что Неронъ курилъ сигареты.., и все это подтверждается найденой табакер- кой.

— Слушайте, — неудержался Ренинъ, — вѣдь надо обладать не только пылкимъ, но безумно-дикимъ воображеніемъ, чтобы допустить са- мую мысль, что вещь эта, изготовленная въ одной изъ лондонскихъ мастерскихъ, принадлежала-бѣ импе- ратору Нерону.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Къ читателямъ!

Въ виду скораго окончанія романа „Подъ плащомъ сатаны“, издательство газеты

Старый Нарвскій Листокъ

проситъ уважаемыхъ читателей скомпликовать всѣ отрывные купоны для участія въ розы- грышѣ бесплатной преміи —

„швейной машины

„Зингеръ“.

Недостающіе номера купо- новъ можно получить въ кон- торѣ газеты: Вышгородская, (противъ Эсти-банка).

плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолжение, см. № 4-59).

— Почему же? — удивился антикварий, — ведь вы же сами видите рубиновое и изумрудное изображение имени Нерона на верхней доске табакерки... что же, я знаю, принеси я вам пеленки, в которыхъ было завернуто турецкое пророкъ Магометъ, то вы тоже заявили бы, что я приобрѣти ихъ изъ лондонскихъ магазиновъ... а такъ, между тѣмъ, у меня, действительно, имѣются въ наличности...

— Прекрасно, — отвѣтилъ Ренинъ, — значитъ вы утверждаете, что и имѣющіеся у васъ пеленки подлинны?

— Ну, разумѣется, — отвѣтилъ мистеръ Баррингъ, — представьте себѣ, что сохранилось даже вышитое золотомъ посреди пеленки имя пророка.

— Скажите, пожалуйста, — задумчиво, съ разстановкою заговорилъ Ренинъ, — помните ли вы, что якобы снилась лѣтница, вѣдшая прямо на небо... могли ли вы добыть мнѣ

хоть одну лишь ступень этой лѣтницы?

— О, ничего нѣтъ легче этого, — подхватилъ антикварий, — повѣрьте, что я исполняю болѣе сложные порученія! Если существовала самая лѣтница, то найдется хоть одна ступень отъ нея... я поншу... моя специальность требуетъ извѣстной изворотливости и безусловной энергии и предпримчивости.

— Если бы я до сего времени и не довѣрять вамъ, то послѣ предложенныхъ вами мнѣ табакерки императора Нерона и пеленокъ пророка я считаю, что для васъ невозможное — возможно... Портсигаръ этого меня не привлекаетъ, а потому я его не намѣреваюсь приобрѣсти... я никогда не былъ почитателемъ императора Нерона. Оказать вамъ услугу, я, однако, не прочь. Скажите, слышали ли вы что-либо о мистерѣ Симсонѣ, фабриканѣ куковъ и печеній?

— Какъ-же, отвѣтилъ антикварий, — онъ, вѣдь, кажется, поставщикъ

высочайшаго двора?

— Да, — продолжалъ Ренинъ, — у человека этого имѣется возлюбленная, по имени Бэты, жительствующая близъ Гайдъ-парка... вотъ вамъ, кстати, и адресъ ей. Не говорите ей, что я направилъ васъ къ ней, а отвезите ей портсигаръ съ просьбой предложить его своему возлюбленному, фабриканту.

— А вы полагаете, что онъ купитъ этакую вещь? — освѣдомился торгашъ, сопровождая слова свои рѣсымъ, туповатымъ взглядомъ.

— Безусловно, — отвѣтилъ Ренинъ, — господина этого я знаю очень хорошо, кромѣ табакерки онъ купитъ у васъ все — до ступени якобы лѣтницы включительно. Нужно вамъ сказать, что онъ какъ разъ такъ оселъ, какими вы считали меня.

— Извините, — смутился Баррингъ, — я ни минуты не считалъ васъ оселомъ... я лишь полагаю, что вы любите художественныхъ древностей... но въ виду того, что вы со мною бесѣдуете столь откровенно, я не могу не признаться, что всѣ античны вещи античны постолку, поскольку это угодно нашему воображенію.

— Это вѣрно, — расхохотался князь, — давайте, примемся за дѣло сообща... у меня въ Лондонѣ цѣлый ассортиментъ тупоумныхъ знакомыхъ, которыхъ вамъ не трудно

будетъ увѣрить, что у васъ имѣется для продажи селедка, подлинная селедка, которую Ѳили Адамъ и Ева вѣрятъ... а теперь, совсѣмъ вамъ, не теряя времени, отправиться по полученному вами отъ меня адресу.

— Сколько процентовъ требуете вы за рекомендацию, лордъ Варрингъ?

— Нисколько, — отвѣтилъ Ренинъ, — дальнѣйшѣй дѣлъ наши вѣдуть у насъ на половинныхъ началахъ.

Разыгравшись въ благодарности, антикварий удалился.

— Знаешь ли, Чарли, — весело разсмѣялся Ренинъ, — это будетъ прелестнѣйшая изъ всѣхъ выдуманныхъ мнѣ шутокъ! Что касается возлюбленной мистера Симсона, то это наша общая знакомая, такъ называемая „черненькая Бэты“, которой удалось „со дна“ подняться на высшую ступень благополучія, ставъ возлюбленной миллиона-фабриканта... и намѣреваюсь раздѣлить эту зѣмлю, при помощи портсигара императора Нерона... а теперь, — присовокупилъ Ренинъ, — собираясь, я намѣреваюсь этой ночью посѣтить мистера Барринга.

Спустя нѣсколько минутъ они, одѣтые въ сѣрые неформокамѣмые пальто, съ надвинутыми на глаза капюшонами, покинули особнякъ лорда Варрингтона-Ренина.

(Продолжение следуетъ).

плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолжение, см. № 4-59).

ГЛАВА XII.

ВИЗИТЪ АНТИКВАРИЮ.

Дойдя до магазина древностей мистера Барринга, помѣщавшагося на Эссекской улицѣ, Сергѣй Ренинъ и Чарли Брандъ остановились предъ защищеннымъ проволочнѣй сѣтью окномъ, на которомъ виднѣлись всевозможныя драгоцѣнности, золотыя и эмалевые вещи, рѣдкія гравюры, старинный фарфоръ, парчи, тогда какъ въ глубинѣ виднѣлись крайне рѣдкія картины старинной голландской школы.

Открывъ при помощи имѣвшихся у него отмычекъ дверь, онъ вошелъ, сопровождаемый Чарли Брандомъ, въ смежную съ магазиномъ комнату и замеръ на порогѣ: комната была ярко освѣщена, посреди нея висѣлъ мольбертъ съ почти завершенной картины на немъ, а предъ мольбертомъ сидѣлъ, сильно углубившись въ работу, творецъ ея — художникъ.

Чарли Брандъ застылъ въ ужасѣ, тогда какъ всегда находчивый и имѣвший способность все скрывать,

вѣтъ на лету, Ренинъ быстро смѣнуя сущность дѣла.

— Художникъ спитъ, — прошепталъ онъ, обратясь къ Бранду, — не шуми... тогда все обойдется какъ нельзя лучше.

— Осторожно, неслышными шагами, подошелъ онъ къ спящему художнику и залюбовался почти зачѣнченными произведениями его — это была дивная, поразительная по отѣлѣмъ юныхъ деталей, копія „Рембрандта“, и даже не копія, а, вѣрѣ, имитация, поддѣлка его, т. к. въ правомъ углу картины значилась не менѣе художественно подѣланныя подпись „Рембрандтъ“.

— Я зналъ, что здѣсь царство поддѣлокъ, — прошепталъ Ренинъ, — чтобы выѣздѣть всѣ тайны этого Барринга, я тотчасъ же познакомлюсь съ художникомъ, для чего придется прежде всего разбудить его.

— Ради Бога, — взмолился Чарли Брандъ, — оставь его въ покое... вѣдь трудно предугадать, какія отъ этого для насъ могутъ произойти осложненія.

— Бросы! — разсмѣялся Ренинъ, — я не боюсь ихъ, — и прежде чѣмъ спутникъ его успѣлъ удерѣжать его, онъ потрясъ спящаго за плечо.

— Кто вы, сударь? — испуганно проромптали художникъ, порыви-
сто вскочивъ съ мѣста.

— Успокойтесь прежде всего, — сказали Ренинъ, — мы не убѣйцы, ни вообще злоумышленники... наоборотъ! Я вижу написанную вами славную картина... лучшей не написалъ бы и самъ Рембрандтъ! Вы — гений!

Лицо молодого художника зардѣлось отъ радости.

— Что толку въ моемъ искусстѣ, — сказали онъ съ гордкой усмѣшкой, — если я не въ состояніи прокормить себѣ?

— Какъ? — удивился Ренинъ, — вы зарабатываете такъ мало? Человѣкъ, одаренный такимъ талантомъ, долженъ быть богачемъ.

— Вы ошибаетесь, — возразилъ художникъ, и глаза его мрачно скользнули по полотну, — не обладая протекцией, въ Лондонѣ нельзя продать ни одной картины... у насъ приобрѣтаются лишь картины модныхъ художниковъ.

— Печально, но вѣрно, — отвѣтилъ князь, — но, будьте любезны сказать, сколько получаете вы за эту работу отъ мистера Барринга?

— По два шиллинга въ день, — сказали художникъ.

— Какъ? — вѣтъ себя отъ изумленія воскликнулъ Ренинъ, — вы зарабатываете въ день столько, сколько получаетъ за два часа работы простой малярь!

— Что дѣлать! Я — боленъ, у меня легочная болѣзнь, у меня шла кровь горломъ, вѣтъ и перебѣгавшій съ какъ Богъ дастъ! Я радъ, что у меня хоть эта работа имѣется.

— Да, но согласитесь сами, что работая при этихъ условіяхъ, вы этиѣмъ портите здоровье ваше еще болѣе. Скажу безъ лести, что человѣкъ, способный подобно вамъ, копировать и стиль и саму подпись Рембрандта, стоитъ, по меньшей мѣрѣ, двухъ фунтовъ стерлинговъ въ день. Скажите, другъ мой, сколько такихъ картинъ изволили вы смастри-
ти для мистера Барринга?

— Простите, сэръ... сэръ... — запи-
наясь и пытаясь отвѣтить смущившійся отъ такого непосредственнаго вопроса художникъ, — я не поѣдѣю по какому праву задаетъ вѣтъ мнѣ подобного рода вопросы... къ тому же, милостивый государь, я вѣдь не знаю, какимъ образомъ вы почи-
ли сюда, мнѣ до подлинно известно, что магазинъ былъ замкнутъ мистеромъ Баррингомъ; онъ же долженъ быть, по обыкновенію, утромъ его же и открыть.

(Продолжение следуетъ).

плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолжение, см. № 4—91).

Ренинъ отвѣтилъ не сразу: откинувъ кашю своего непромыкаемаго плаща, онъ опустился на одно изъ цѣнныхъ рѣзныхъ креселъ, предварительно полюбовавшись имъ, послѣ чего тщательно, не торопясь раскуривъ сигарету, вынутую изъ драгоцѣннаго золотаго портсигара, самый же портсигаръ протянулъ свое му другу Чарли Бранду.

— Вы совершенно правы, удивляясь, какимъ образомъ проникъ я сюда, — произнесъ онъ, наконецъ, — хотѣть, съ другой стороны, вопросъ вашъ совершенно безцѣленъ.

— То есть, какъ это безцѣленъ? — удивился художникъ.

— Да хотя бы потому, — возразилъ Ренинъ, — что, вы, доподлинно зная, что дверь была замкнута, должны были понять, что я не былъ бы въ состояніи войти сюда, не отмкнувъ

ши двери. Если же я фактически здѣсь, то это значить, что я дверь отмкнулъ, а такъ какъ ключъ мистера Барринга у меня не оказалось, мнѣ пришлось прибѣгнуть къ помощи собственныхъ, такимъ образомъ, я такъ сказать, пробрался сюда.

— Ради Бога, — пролепеталъ смертельно поблѣдѣвшій художникъ, — зачѣмъ явились вы? Поймите, что если-бы теперь сюда явился мистеръ Баррингъ, онъ несомнѣнно крикнулъ бы полицію!

— Зачѣмъ позоветъ мистеръ Баррингъ полицію? — невозмутимо освѣдомился Ренинъ, — не для того-же, чтобы послѣдняя узнала, что здѣсь

фабрикуются дивныя фальсификаціи?

— Вы правы, — прошепталъ художникъ.

— Ага, — продолжалъ Ренинъ, — значитъ вы сами видите, что ни я, ни иной, кому пришла-бы фантазія

пробраться сюда, буквальноничѣмъ не рисковалъ бы. Минѣ, положительно, не понята глупость мистера Барринга: ну, зачѣмъ ему страховаться отъ взлома, зачѣмъ платить ночныхъ сторожамъ? Если всѣ древности, находящіяся здѣсь, такъ-же

цѣнны, какъ „Рембрандъ“, то нужно быть очень глупымъ воромъ, чтобы соблазниться ими. Довольно обѣ этомъ. Вы слушайте меня внимательно, юный другъ мой; отъ отвѣта вашего будетъ зависѣть многое для васъ. Итакъ, скажите мнѣ: сколько картинъ фальсифицировали

я здѣсь?

— Это трудно опредѣлить, — пролепеталъ онъ.

— Ну, дюжина?

Художникъ пожалъ плечами.

— Нѣсколько дюжинъ?

— Да, сэръ!

— И все проданы?

— Отчасти; давъ изъ нихъ попади въ здѣшній музей.

— У кого осталыя?

— У торговцевъ художественными произведеніями Парижа и Берлина... господа эти составили кружокъ, и кружокъ этотъ продаѣтъ эти картины.

— И вы единственный фабрикантъ ихъ?

— Да.

— А знаете-ли вы, что вѣсъ необходимо запрятать въ домъ умалишеннѣхъ? Вѣдь вы сумасшедшій! Ваши „издѣлія“ представляютъ собою огромную цѣнность, они сбываются по колоссальнымъ цѣнамъ, а вѣсъ, я вѣдь томъ убѣждѣнъ, не на что купить себѣ приличнаго костюма...

Съ этими словами онъ подошелъ къ огнеупорному шкафу, который онъ, при помощи тѣхъ-же отмычекъ, открывшихъ ему доступъ въ магазинъ, тутъ-же и отмкнулъ.

— Ради Бога, — взмолился художникъ, — скажите, что намѣрѣваетесь вы сдѣлать? Не губите меня! Вѣдь мистеръ Баррингъ заподозрилъ меня въ воровствѣ.

— Не говорите глупостей, — остановилъ его Ренинъ, — заподозрить васъ могъ-бы только дуракъ, а не такой опытный мошенникъ, каковъ мистеръ Баррингъ.. Вотъ письма подписаныи нашимъ щедрымъ покровителемъ, а вотъ и чековыя книжки... потрудитесь скопировать подпись Барринга, подписаныи за него на чекахъ... (Продолж. следующе).

плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолжение, см. № 4—92).

— Этого я сдѣлать не въ состояніи, — прошепталъ художникъ, задрожавъ вѣсмъ тѣломъ.

— Въ такомъ случаѣ, вѣсъ придется перѣѣхать на жительство въ тюрьму, такъ какъ я не премину заявить полиціи о томъ обманѣ и мошенничествѣ, который практикуется вами совмѣстно съ мистеромъ Баррингомъ.

— Возьмите, — сказалъ тяжело дыша молодой художникъ, исполнивъ то, что требовалъ отъ него незнакомецъ, — возьмите... въ вашихъ рукахъ мой позоръ.

— Подѣлка на чековыя книжки не есть вашъ позоръ, — возразилъ Ренинъ, — вы сдѣлали это по прѣнужденію... Дайте мнѣ свой адресъ, надѣюсь, что сумѣю сдѣлать что-либо для васъ. Съ этими словами онъ снова заперъ несгораемый шкафъ, предварительно положивъ на прежніе мѣсто чековыя книжки.

— Нельзя-ли узнать, кто вы? — пробио освѣдомился художникъ, на ту, которую вѣстурилъ крупный

капли пота.

— Именіи моего вѣса и не надо было-бы знать, — возразилъ Ренинъ, — желая пойти вѣсъ на встрѣчу, я открою вѣсъ свое имя: я — князь Ренинъ, тотъ таинственный лордъ Баррингъ, о которому такъ много говорятъ въ вашей столице.

Удивленію художника не было границъ. Онъ какъ-бы забылся на минуту, а опомнившись, увидѣлъ, что таинственный князь исчезъ...

Заслышавъ приближающіяся шаги ночного сторожа, Ренинъ быстро подошелъ къ дверямъ магазина.

— Алло, сэръ Іонасъ, — окликнулъ его блеститель тишины и порядка, — неужели же вы каждую ночь работаете? Вѣдь это вредно для вашего здоровья... дождитесь-ка спать...

— Ничего, — отвѣтилъ художникъ, раскашлившись, — я намѣреваюсь взять отпускъ, тогда и отдохну.. скажите, не замѣтили вы у дверей магазина двухъ мужчинъ, одѣтыхъ въ непромыкаемыя плащи?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ сторожъ, — иѣсколько неуѣдимо сказалъ Бекс-теръ.

а что? Одно могу съ увѣренностью сказать, что замокъ въ порядкѣ.

— Спасибо, — сказали художникъ.. вернувшись къ мольберту, онъ глубоко задумался... тонкій ароматъ сигары Ренина, да пепель на полу, только и свидѣтельствовали о томъ, что здѣсь имѣлъ мѣсто дѣйствітельный, реальный фактъ.

ГЛАВА XIII.

Фабрикантъ.

Имя надобность переговорить съ явившейся въ полиційское управление дамой, инспекторъ Бекс-теръ выпроводилъ свою „правую руку“, иначе говоря, своего помощника Маргольма, прозваннаго „Клопъ“.

— Прежде всего, мисс Принсъ, — заговорилъ инспекторъ, — необходимо, чтобы никто о состоявшемся соглашеніи не зналъ.. вы — единственная личность, которой я признаюсь, что мнѣ, положительно, не удается изловить мнимаго лорда Баррингтона. Прослушавши о вѣсахъ успѣхахъ, я рѣшился обратиться за содѣйствіемъ къ вѣсу, твердо надѣясь, что вѣсъ удастся надѣстъ на точный слѣдъ.

— Можете быть увѣрены, г-нъ инспекторъ, что мнѣ безусловно удастся поймать таинственнаго лорда, — отвѣтила женщина-сыщикъ.

— Жѣлоа вѣсъ успѣха, — иѣсколько неуѣдимо сказалъ Бекс-теръ.

Тотчасъ-же по уходѣ мисс Принсъ, въ кабинетъ инспектора вошелъ „Клопъ“ — Маргольмъ.

— Если произойдетъ что-либо важное, то предупредите меня по телефону, — сказала начальникъ, вставъ изъ-за стола и собираясь уходить. Лишь только онъ исчезъ за дверьми, какъ его примѣру послѣдовали и Клопъ, но въ дверяхъ столкнулся съ неуѣдимо-толстымъ господиномъ.

— А мистеръ Симсонъ, честь имѣю кланяться, — привѣтствовалъ Клопъ вошедшаго въ кабинетъ фабрикантъ Симсона, котораго онъ зналъ лично съ давнихъ поръ. — Будьте любезны сказать, зачѣмъ изволили зовожаловать?

— По весьма странному, необыкновенному дѣлу, — прикрикѣлъ жирный фабрикантъ, — да, по весьма необыкновенному. Нужно вѣсъ склонить, что у вѣса вчера обнаружена табакерка съ накладнымъ рубиномъ имѣемъ „Неронъ“ на крышѣ... Эта рѣдкая драгоцѣнность, находившаяся въ коллекціи императора Нерона, была приобрѣтена мною на прошлой недѣлѣ у антикварія Барринга, который тутъ же выдалъ мнѣ удостовѣреніе въ подлинности проданной мнѣ вещи... вотъ и явился вѣзантъ о краѣ...

(Продолж. следующе).

плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолжение, см. № 4-93)

— Послушайте, — перебилъ его Маргольмъ, — не вздумали ли вы морочить меня? Портсигаръ императора Нерона! Его украли! Да это не возможно, т. к. такого и въ на-

личности не имѣется...

— Какъ? Что? — возмутился упитанный фабрикантъ, — не имѣется? Не существуетъ? Да позвольте же мнѣ это лучше знать, вещь эту я считаю наибольшей достопримѣчательностью всей моей коллекціи античныхъ вещей!

— Великолѣпно! — расхохотался Маргольмъ, — значитъ вы серьезно полагаете, что Неронъ курилъ сигареты? Не знаете-ли вы, кстати, и фирмы, поставлявшей ему ихъ?

— Представьте себѣ, что знаю, — возразилъ фабрикантъ, — ибо съ мной достопримѣчательностью этой рѣдкой вещи было то, что въ ней сохранилась египетская сигаретка, послѣдняя изъ остававшихся со времѣніемъ императора Нерона.

— Клопъ! отступилъ отъ фабрикантъ на почтительное расстояніе,

— Скажите, почтеннѣйший, — освѣ-
домился онъ, — не страдали-ли вы когда-нибудь бѣлой горячкой или вообще какой-либо иной болѣзнью?

— Я вѣсъ не понимаю, — сказалъ мистеръ Симсонъ, — до сего времени я не страдалъ вышенназванными болѣзнями... я здоровъ какъ рыба въ водѣ, при чёмъ не могу признать, что мысль о томъ, что какой-нибудь мезавецъ теперь курить послѣднюю сигарету императора Нерона — приводитъ меня въ изступленіе!..

— Ради Бога! — взмолился Клопъ, — подождите съ этимъ до возврата-
шения вашего домой; скажите мнѣ лучше название фирмы, отъ которой приобрѣтена эта „послѣдняя сигарета.“

— „Египетъ“, — совершило серь-
езно пояснилъ фабрикантъ, — при-
чёмъ название это было напечатано по-гречески на бумажномъ муншту-
кѣ сигаретки.

— Что? — расхохотался Клопъ, —

имя это было на-печа-та-но? На сколько мнѣ известно, во времена Нерона не было типографій, печатное дѣло было совершенно неизвестно, да къ тому же не было и табачныхъ фабрикъ...

— И не смотря на это, я всетаки остаюсь при своемъ мнѣніи, подтверждение чего могу представить вамъ удостовѣреніе мистера Барринга, антикварія... разумѣется лишь въ томъ случаѣ, если вы умѣете читать по-латыни, — окончательно разсвирѣпѣлъ Симсонъ.

— Латыни я не знаю, — возразилъ Клопъ, — но я удовольствуюсь темъ, что вы мнѣ прочтете удосто-
вѣреніе.

— Я, къ сожалѣнію, тоже не знаю латыни, — заявилъ фабрикантъ, — но мистеръ Баррингъ, при посред-
ствѣ котораго я купилъ табакерку у бывшой артистки, миссъ Бетси Гартвикъ, подтвердитъ вамъ содер-
жаніе документа.

— Какъ зовутъ особу, у которой вы приобрѣли папиросницу?

— Миссъ Бетси Гартвикъ!

— Гартвикъ? — разсмѣялся Клопъ, — особа эта — брюнетка? Не правда-
ли?

— Да!

— Ей, приблизительно, лѣтъ 35?

— Да — возразилъ фабрикантъ, — вы, видимо, знаете особу, о ко-
торой я говорю.

— Погодите, — сказалъ Клопъ, — я покажу вамъ ся карточку, — и, позвонивъ, приказалъ дежурному по-
лисмену принести изъ альбома пре-
ступниковъ карточку подъ № 3874.

— Вы, видимо большой люби-
тель древностей? — возобновилъ раз-
говор Клопъ, котораго вся исторія
портсигаромъ начала забавлять.

— Я извѣстенъ какъ коллекціо-
неръ, — подтвердилъ мистеръ Сим-
сонъ, — домъ мой наполненъ рѣдкостями. У меня имѣются и настоящіе Рубенсы, Ванъ Дейки, Рембрандты, Францы Гальсы, имѣются рѣдкія зо-
лотые вещи, античная мебель, див-
ные ковры.

Въ это мгновеніе въ кабинетъ
вовсѣ посланный за портретомъ
миссъ Бетси полисменъ.

— Вы правы; это она! — восклик-
нулъ мистеръ Симсонъ, взглянувъ
на предъявленный ему портретъ, —
но какимъ образомъ попала карточ-
ка къ вамъ?

— Очень просто, — разсмѣялся Клопъ, — особа эта, очень популяр-
ная въ полицейскомъ управлѣніи
личность, это — агентурѣстка, надѣ-
лавшая намъ не мало хлопотъ...
Нельзя не признать, что она очень
ловка и хитра, благодаря чѣму дѣ-
ко увѣртывается отъ насъ...»

(Продолж. слѣдуетъ).

плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолжение, см. № 4-94)

Можно съ увѣрѣнностью сказать, что единственная ея слабость заключается въ имени „Бетси“, съ кото-
рымъ она не разстается и которое, очевидно, считается ею чѣмъ-то вро-
дѣ талисмана. Надѣюсь, что теперь вы не сомнѣваетесь въ томъ, что

стали жертвой правильно-организован-
ныхъ шайки мошенниковъ, имѣю-
щихъ во главѣ антикварія Барринга и миссъ Бетси; такъ или иначе, но нельзя не согласиться, что все-
то крайне остроумно и тонко, а по-
тому, съвѣтую вамъ не выносить сора изъ избы, ибо иначе вамъ пришлось бы перенести не только ущерб и убытокъ его, но и цѣлый фонтанъ насмѣшекъ... каждый бо-
лѣе или менѣе заразомысливший че-
ловѣкъ пойметъ, что подобного порт-
сигара никогда не было, нѣтъ и не будетъ...

— Могу васъ увѣрить, что вы ошибаетесь! — воскликнулъ пострадавший, — я заплатилъ за портсигаръ двѣ тысячи фунтовъ стерлинговъ, а за сигарету двѣстѣ-пятьдесятъ фун-
товъ, это же шутка; возвративше-
му мнѣ мои вещи, я предложилъ на-
граду въ размѣрѣ пятьсотъ фунтовъ.

— Ладно, посмотримъ, — сказалъ Клопъ.

Когда протоколь былъ состав-
ленъ и подписанъ, мистеръ Симсонъ

бочкомъ протискался изъ дверей ка-
бинета и удалился.

Изъ управления онъ поѣхалъ къ

черной Бетси.

— Что съ тобою, голубчикъ? —
освѣдомилась послѣдняя, замѣтивъ, что покровитель ея чѣмъ-то недо-
волненъ.

— У меня украли мою папирос-
ницу, — мрачнымъ тономъ отвѣтилъ фабрикантъ, — ту... любимую, которой я дорожилъ какъ археологиче-
ской рѣдкостью.

— Ерунда, — разсмѣялась Бетси, —
вовсе она не украшена; я сама видѣ-
ла какъ ты вчера вечеромъ заперъ ее въ лѣвый ящикъ письменного

стола.

Фабрикантъ сразу такъ и засіялъ.

— Вѣро, вѣро! — воскликнулъ онъ, — я я-то, дуракъ, забыть объ

этомъ, помчался въ полицейское управление, гдѣ сдѣлать заявление о кражѣ.

Наклонивъ цилиндръ, онъ дви-
нулся къ дверямъ и вдругъ, вспоми-
нивъ о чѣмъ то, вернулся къ ней:

послушай, тамъ, въ управлѣніе, я сдѣлалъ весьма странное открытие, разъяснить которое должна ты.

— Какое же это открытие? — иѣж-
но ласкался, спросила она.

— Видиши-ли, — смущаясь и пых-
тя, заговорилъ онъ, — разговаривая
съ секретаремъ управлѣнія, я, на
вопросъ послѣдняго, кто призадѣ-
житъ къ числу близкихъ моихъ зна-
комыхъ, назвалъ тебя, на что онъ
объявилъ мнѣ, что ты принадлеж-
ишь къ числу подозрительныхъ личностей... болѣе того: что карточ-
ка твоя находится у нихъ...

— Ты, мой милый, золотой ду-
рачекъ! — ласково улыбнувшись, про-
изнесла она, — человѣкъ, показавшій тебѣ мою карточку — маленький тол-
стякъ, въ теченіе цѣлаго года пре-
сѣдовавший меня своюю любовью, и
когда я его „отшила“, то пригро-
зилъ устроить мнѣ массу непрѣят-
ствъ!

— Ахъ, онъ негодяй этакій! —
воскликнулъ наивный фабрикантъ, и
стремглавъ полетѣлъ въ полицейское
управление.

Въ кабинетѣ, вмѣсто секретаря

Маргольма, онъ засталъ уже самаго

инспектора Бикстера.

— Чѣмъ обязанъ вашему визиту?

— Сухо спросилъ начальникъ.

— Я пришелъ, чтобы сообщить
вамъ, что портсигаръ императора

Нерона нашелся, — почти что отра-
портировалъ фабрикантъ.

— Что нашлось? — переспросилъ
инспекторъ, не успѣвшій прочитать

составленного Маргольмомъ прото-
кола.

— Часа два тому назадъ я былъ
здѣсь, — объяснилъ мистеръ Симсонъ
чтобы сдѣлать заявленіе относитель-
но пропажи папиросницы императора
Нерона... къ счастью она наш-
лась...

— Вотъ какъ, — сказалъ инспек-
торъ, — и за этимъ вы пожаловали
сюда, да безплонте насть? — Пред-
ставьте себѣ, что если-бы каждый
лондонецъ, запрятавъ свою вещь,
являлся бы къ намъ съ заявленіемъ
что намъ пришлось бы имѣть 10.000
человѣкъ служащихъ.

Смутившійся какъ ребенокъ, Сим-
сонъ быстро выкатился изъ комна-
ты, даже позабывъ поклониться ин-
спектору.

— У васъ былъ посѣтитель, г.
инспекторъ? — сказалъ черезъ иѣ-
сколько минутъ послѣ фабрикента
явившійся Клопъ, снимая пальто и
вѣшавъ его на вѣшалку.

— Да, — отвѣтилъ начальникъ,
— онъ, видимо, полупомѣшанный.

— А знаете-ли вы, — замѣтилъ
Клопъ, — что мы рѣдко такъ соли-
дарны во мнѣніяхъ, какъ въ дам-
номъ случаѣ? Объ этомъ субъектѣ
не можетъ быть двухъ разны-
ми: онъ, дѣйствительно, помѣ-
шанный!

(Окончаніе слѣдуетъ.)

плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолжение, см. № 4—96)

ГЛАВА XV.

Ступень священной лѣстницы.

— Скажи мнѣ, откровенно, Сергѣй, не сошель ли ты и на самомъ дѣлѣ съума? — освѣдомился Чарли Брандъ, увидѣвъ патрона своего раннимъ утромъ слѣдующаго дня во дворѣ занимаемаго миа особняка за весьма странными занятіями: онъ, безъ сюртука, подпоясанный передникомъ, выпиливалъ изъ лежавшей предъ нимъ лѣстницы одну ступень перекладину.

— Ничуть, — разсмѣялся Ренинъ.

— Позвольте, — возразилъ Чарли Брандъ, — развѣ нормальный человѣкъ станетъ новую лѣстницу распилить на части? Вѣдь топлива намъ хватитъ на долго.

— Да я не спорю объ этомъ, — отвѣтилъ Ренинъ, — мнѣ однако, нужны не дрова, а перекладина, сту-

пень, дубина — что-ли, но дубинка цѣною въ 20.000 фунтовъ стерлинговъ.

— Ты начинаешь тревожить меня, Сергѣй.

— И совершенно напрасно, ми-лый другъ, — отвѣтилъ послѣдній.

Выпиливъ нужную палицу и пе-реодѣвшись, Ренинъ поѣхалъ въ со-провождѣніи своего друга и помощ-ника Чарли Бранда къ ювелиру, гдѣ выбрали массивный золотой ящикъ, отдѣланный внутри бархатомъ.

Уложивъ палицу-ступень въ золотой ящикъ, онъ отпрашивалъ къ мистеру Симсону, который сіяя при-нялъ драгоцѣнную реликвию.

— Послушай, Сергѣй, — сказалъ Брандъ, сидя въ экипажѣ рядомъ съ Ренинъ и мчась домой, — тѣ-перь я понялъ, что не ты умалишеннѣй, а милѣйшій фабрикантъ; не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что человекъ этотъ страдаетъ ост-

рѣмъ разжиженіемъ мозга!

— Ты правъ, — расхохотался Ренинъ, — иначе нельзѧ назвать человѣка, покупавшаго портсигаръ Нерона и ступень лѣстницы, что снѣлась съ лакову?

Брандъ такъ и покатился.

— Господи, — простональ онъ, — вѣтъ ужъ и не полагай я, что на самомъ дѣлѣ существуютъ подобные дураки.

— Представь себѣ, что ихъ гораздо больше, чѣмъ ты полагаешь, — отвѣтилъ Ренинъ.

Продавъ „Мурильо“ за 25.000 фунтовъ стерлинговъ антикварію и получивъ по подложному чеку ми-стера Барнингтона 8.000 фунтовъ, Ренинъ, сопровождаемый Чарли Брандомъ, вернулся въ элегантный особнякъ свой въ наилучшемъ настроеніи.

Тѣмъ временемъ, преисполненный гордости и восторга мистер Симсонъ помчался съ „вѣнцомъ своей коллекціи“, — такъ называлъ онъ пріобрѣтенную палицу-реликвию, къ черненой Бэтси.

— Я, кажется, начну сомнѣваться въ умственныхъ твоихъ способ-ностяхъ, — расхохоталась она при вѣдѣ уложенной въ драгоцѣнную палицу дубинки, — неужели-жъ ты не

понимаешь, что это — обыкновенный кусокъ дерева, простая дубинка!

— Ты ничего не смыслишь, — сказала фабрикантъ обиженнѣмъ тономъ, а Бэтси тѣмъ временемъ об-думывала, слѣдуетъ ли ей открыть глаза другу и покровителю своему на мнимаго лорда Варнингтона, но тутъ же рѣшила, что это по мень-шей мѣрѣ прежде временно, а пото-мумолила.

Фабрикантъ только что собрался уходить, какъ появившаяся каме-ристка вручила своей госпожѣ маленьку визитную карточку, съ ла-конической на ией надписью „миссъ Принсъ“.

Не взирая на густой слой румянъ, Бэтси смертельно поблѣдѣла.

— Будь любезенъ, — сказала она съ обворожительнейшей изъ своихъ улыбокъ, протягивая своему влю-бленному покровителю унизанную драгоцѣнными кольцами руку, — по-ѣзжай домой. Ко мигу пріѣхала по-друга... и, — присовокупила она, ко-кетливо пришурившись, — мы, дамы, не любимъ, чтобы намъ мѣшали, когда мы заняты обсужденіемъ на-шихъ „бабынъ“ вопросовъ!

(Продолж. следующе).

— Отъ продажи такой вещи я принужденъ уклониться, хотя бы въ силу религиозно-нравственныхъ по-бужденій, — сказала Ренинъ, — но, — присовокупилъ онъ послѣ минутной паузы, — желая пойти наавстрѣчу вашему просьбѣ, я не прѣч промыть вышупоминутную реликвию на како-нибудь достопримѣчательный предметъ вашей коллекціи, хотя бы на эту, вотъ картину, — сказала онъ указывая на великолѣпнаго, подлин-наго, „Мурильо“, цѣна которому была по мнѣніи мнѣй 20.000 фун-товъ стерлинговъ.

Соглашеніе состоялось. Ренинъ обязался на слѣдующій же день прислать заключенную въ золотой ящикѣ чисть знаменитой лѣстницы, взамѣнъ коей долженъ бытъ полу-чить картину.

Покончивъ съ этимъ животрепе-щущимъ вопросомъ, гостепримный хозяинъ пригласилъ своихъ гостей въ концертный залъ, гдѣ представлена наѣніемъ знаменитой пѣ-вицы.

При входѣ въ залъ Ренинъ остав-новилъ словно вкопанный: близъ дивнаго концертнаго рояля сидѣла въ роскошномъ парижскомъ розовомъ балномъ туалетѣ, „черненой Бэтси“. Въ этотъ вечеръ мистер Симсонъ впервые рѣшился пригласить къ себѣ свою возлюб-ленную на вечеръ, назвавъ ее лади Мельвель.

Никто, кроме Ренина не читалъ

что за опасная авантюристка скры-вается подъ громкой кличкой ан-глійской леди.

Столько ему лишь показаться, какъ она тутъ же узнала его.

— Очень рада видѣть васъ, лордъ, — привѣтствовала она Ренинъ, представлена ей въ качествѣ лорда Варнингтона, — но, по правдѣ сказать, я не допускала мысли, чтобы вы рѣшились перешагнуть порогъ дома вашей жертвы.

— Позвольте, сударыня, — возразилъ Ренинъ, — я, положительно, не понимаю о чѣмъ вы говорите.

— Не пытайтесь лгать, — останови-ла его Бэтси, — я васъ узнала въ тотъ моментъ, когда вы вошли въ залу.

— А я узналъ васъ крошка-Бэт-си, — съиронизировалъ Ренинъ, — не пытайтесь и вы поднять скандалъ, такъ какъ вы же попали бы въ большую передрягу, нежели я, если бы здѣшнее „избрание“ общества, вдругъ, узнало бы, что лади Мель-вель никто иное, какъ страстно-же-ланное для полицейского управления существо, карточка коего имѣется подъ № 3874 въ мѣстномъ альбомѣ преступныхъ типовъ.

— Ну, погодите, — прошипѣла въ негодованіи Бэтси, — пусть будетъ такъ... но, помните, я дождусь над-лежащаго случая, чтобы жестоко отомстить вамъ.

(Продолж. следующе).

плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолжение, см. № 4—96)

ГЛАВА XIV.

Знатоки и цѣнители.

Въ сказочно-рѣконочномъ особня-кѣ миллионера-фабриканта Симсона собралось большое, разнообразное общество, явившееся съ цѣлью по-любоваться новыми цѣнными пріобрѣтѣніемъ гостепримнаго хозяина портсигаромъ императора Нерона — и сохранившееся въ ней сигареткой съ вытисненіемъ на ней золототомъ гре-ческой надписью „Египетъ“.

Среди удивлявшихся и восхи-щавшихся друзей мистера Симсона единѣ только лордъ Варнингтонъ-Ре-нинъ, не вѣрилъ дикимъ по-вѣт-ствованіямъ хозяина дома.

Любуюсь драгоцѣнной коллекціей мистера Симсона, Ренинъ вдругъ заявилъ, что почтѣнѣйший хозяинъ неправъ, утверждая, что обладаетъ самой цѣнной коллекціей древностей въ Лондонѣ.

— Позвольте, — вломился въ ам-бицію мистера Симсона, — это очень интересно... но, сильно сомнѣваюсь, чтоѣмъ болѣе цѣнны и рѣдки нежели мнѣ.

плащомъ сатаны

Современный роман.

(Продолжение, см. № 4—97).

Увидѣвъ въ гостиной „подругу“ черненькой Бэтси, фабрикантъ кубаремъ выкатился на лѣстницу: видъ уродливой женщины приводилъ его въ содроганіе, а миссъ Принсъ, американская женщина-сыщица, была, дѣйствительно, на рѣдкость некрасива. Осмотрѣвъ въ лорнетъ роскошную обстановку гостиной, по-слѣдняя перевела взоръ свой на обитательницу ея.

— Дивный костюмъ вашъ, миссъ Бэтси, указываетъ на огромныя средства, которыми вы, видимо, обладаете.

— Средства, которыми я обладаю въ настоящее время, вѣсъ, миссъ Принсъ, или въ какомъ отношеніи не могутъ касаться, — надменно отвѣтила Бэтси, — т. к. предоставлены они мнѣ моимъ другомъ.

— Мнѣ это известно, — возразила миссъ Принсъ, — извѣстно также, что въ настоящее время вы не со-

стите подъ судомъ или слѣдствіемъ, но, — тутъ она слѣдила паузу, желая помочь слишкомъ зазнавшуюся авантюристку, — вы знаете, что прежнія ваши дѣлишки оставили по себѣ слишкомъ дурную память, а потому, впрочемъ, успокойтесь, Бэтси, — вдругъ перемѣнила она тонъ, увидѣвъ, что молодая женщина въ изнеможеніи опустилась на стулъ, — я явилась къ вамъ не для того, чтобы арестовать васъ, а чтобы получить отъ васъ необходимыя мнѣ свѣдѣнія, а также за вашими содѣствіемъ.

— Я къ вашимъ услугамъ, миссъ Принсъ, — прошептала Бэтси еле слышныемъ голосомъ.

— Дѣло касается Ренина, — сказала сыщица, — не знаете ли вы мѣстожительства его въ Лондонѣ?

— Нѣтъ, не знаю.

— Гм... не знаете, — повторила миссъ Принсъ, — а не имѣли ли вы случая гдѣ-либо видѣть его?

— Я встрѣтилась съ Ренинымъ въ домѣ возлюбленного моего миссера Симсона, гдѣ онъ бываетъ подъ вымышленнымъ именемъ лорда Варингтона.

— И это правда? — спросила миссъ Принсъ, исподлобья глянувъ на свою собесѣдницу.

— Да, правда, — отвѣтила послѣдняя, — я сама разговаривала съ нимъ, помочь друга друга узнали сразу, хотя ничѣмъ не выдали себя присутствующимъ.

— Почему не извѣстили вы обѣ этомъ полицію? Вамъ вѣдь извѣстно, что за поимку Ренина предлагаютъ 40.000 ф. стерлинговъ... почему бы вамъ было не заработать такую вишитѣльную сумму?

— Вы правы, — отвѣтила Бэтси, — но я хотѣла выждать болѣе удобный моментъ, чтобы отомстить Ренину, съ которымъ у меня старые, личные счеты!

— Я знаю, что вы ненавидите его, а потому-то я и явилась, чтобы совѣстно съ вами изловить этого ловкаго и умнаго господина. Не можете-ли вы по телефону извѣстить меня, когда Ренинъ снова явится къ вашему возлюбленному? Я тотчасъ же его и арестую.

— Хорошо, — сказала Бэтси, —

будьте любезны записать мнѣ № по вашего телефона, да, кстати, будьте по вечерамъ дома и ждите извѣстій.

— Великолѣпо, — воскликнула, радостно потирая себѣ руки, сыщица, сидя въ кѣбѣ: арестъ князя Ренина будетъ вѣнцомъ моего творчества!

ГЛАВА XVI.
Тревога.

— Скажи, Сергѣй, ты и на са-
момъ дѣлѣ собираешься нынче на
вечеръ къ фабриканту Симсону? —
спросилъ одѣвавшаго въ этотъ мо-
ментъ фракъ Ренина другъ и по-
мощникъ его, Чарли Брандъ.

— Разумѣется. Развѣ можно пре-
небрѣгать такимъ солиднымъ поку-
пательемъ? Болѣе нежели убѣждѣнъ,
что я у него заработаю болѣе не-
жели полученные мною за простой
деревянный брускъ 25.000 фунтовъ
стерлинговъ. Очень возможно, что
я ему сегодня же предложу сорван-
ный у меня въ саду листокъ плюща,
какъ древнѣйшую часть дамскаго
туалета.

— Ты, я вижу, весело настроенъ, —
— сказалъ Чарли Брандъ, — тогда
какъ меня не оставляетъ странное
предчувствіе, что съ тобою случится
въ домѣ фабриканта какая-нибудь
непрѣятность. (Продолж. слѣдующемъ)

плащомъ сатаны

Современный роман.

(Продолжение, см. № 4—98).

— Вадоръ, — возразилъ Ренинъ, — меня не тревожатъ никакія предчувствія... наоборотъ, я предвижу возможность на славу поживиться. Вспомни, что на званомъ вечерѣ этоѣ будутъ такіе толстосумы какъ мясникъ-оптовикъ, хлѣбникъ, фабрикантъ „лучшей въ мірѣ“ ваксы, любящіе украшать себя драгоцѣнностями и имѣющіе при себѣ тугонапечатыя бумажники.

Типы эти не прочь сыграть въ какую-нибудь азартную игру „высокаго давленія“ — т. е. по крупной, предварительно снявъ при этомъ, словно простые мастеровы, свои фраки и смокинги. Играютъ они съ такимъ видомъ, будто фунты и сотни фунтовъ стерлинговъ не имѣютъ въ ихъ глазахъ рѣшительной никакой цѣнѣ... кроме того у чернѣй Бэтси имѣется подарокъ идиотскаго фабриканта — бриллиантовое ожерелье такой высокой марки, что любая

королева могла бы имъ гордиться... такъ вотъ, малый Чарли, я нахожу, что всѣхъ этихъ человѣчковъ не только можно, но должно пощипать, хотя бы для того, чтобы раздѣлить избытокъ ихъ между дѣйствительно нуждающимися, которыхъ, къ сожалѣнію, даже въ одномъ Лондонѣ не погодятъ.

Украсивъ руку свою дорогимъ бриллиантовымъ перстнемъ и взявъ егътъ, послѣдней моды цилиндръ, Ренинъ опустилъ руку въ карманъ фрака, словно отыскивая въ немъ что-либо.

— Не ищешь ли ты револьверъ? — спросилъ Чарли Брандъ, — мнѣ кажется, ты оставилъ его въ ящикѣ письменного стола.

— Милый другъ, — сказалъ Ренинъ, шутливо щелкнувъ его по лбу, — помни, что револьверъ часто не только лишній, но и опасный инструментъ.

Есть для нападенія и самооборо-

ны средства и предметы болѣе дѣйствительные, нежели огнестрѣльное оружіе...

— Well, не смѣю спорить. Желаю тебѣ всего лучшаго на сегодняшній вечеръ... а самъ буду счастливъ и спокоенъ лишь тогда, когда ты вернешься домой...

Получивъ по телефону извѣстіе о томъ, что на званомъ вечерѣ миссера Симсона будетъ присутствовать и Ренинъ, миссъ Принсъ отправилась къ инспектору Бэкстерь, чтобы уловить относительно подробностей предстоявшаго ареста таинственнаго лорда. Бэкстерь настаивалъ на необходимости окружить особнякъ фабриканта двойнымъ кордономъ полиціи, тогда какъ миссъ Принсъ предлагала произвести арестъ лично, безъ содѣствія агентовъ, чтобы не дѣлить лаврами близкой побѣды. Послѣ долгихъ пререканій онъ, все-таки, уступилъ. Было решено, что миссъ Принсъ заѣдетъ за нимъ и они отправятся подъ видомъ судружеской четы на званый вечеръ.

— Вы, инспекторъ, прекрасно за-
гримировались, — воскликнула она,
входя въ частную квартиру Бэкстерь-
ра, — сходство ваше съ настоящимъ
старымъ англійскимъ баронетомъ по-
равнительно.

— Мой манерой гримироваться восхищаются многіе, — изысканно поклонился польщенный Бэкстерь, — не могу, въ свою очередь, не выразить вамъ пріятнаго изумленія по поводу вашей неизнаваемости, миссъ Принсъ!

Направившись въ переднюю онъ, вдругъ извинившись предъ своей спутницей, остановился.

— Я забылъ въ саунахъ бѣлые перчатки... сю минуту я додоню васъ!

Вернувшись въ спальню, онъ быстро подошелъ къ телефону, соединивъ себя съ главными.

— Алло, Маргольтъ, это вы?

Произведите большую тревогу; окружите домъ фабриканта Симсона усиленнымъ нарядомъ полиціи.

— И только? — освѣдомился Клоу?

— Да! — сказалъ Бэкстерь, — но повторите! Пожалуйста!

Маргольтъ разставилъ 50 человѣкъ полиційскихъ вокругъ дома фабриканта какъ разъ въ тотъ монентъ, когда къ подъѣзду подкатилъ автомобиль съ черной Бэтси, Бэкстерьмъ и миссъ Принсъ.

— Что это значитъ? — удивилась сыщица при видѣ двойной цѣнѣ полиційскихъ. (Продолж. слѣдующемъ).

П
о
д
ъ

плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолжение, см. № 4—99)

— Я все-таки принялъ нѣкоторы мѣры предосторожности,—смущенно улыбнулся Бэкстеръ и, подойдя къ Клону, далъ ему нѣсколько дополнительныхъ указаний.

ГЛАВА XVII.

Званный вечеръ.

Одну изъ роскошнѣйшихъ комнатъ сказочно-великолѣпного особняка фабриканта Симсона обѣянули темно-синіи бархатомъ, съ вышивками на немъ золотыми звѣздами. Посреди этой, освѣщенной матовымя, напоминавшими сіяніе луны, свѣтомъ комнаты, стоялъ бѣлый мраморный столъ съ красовавшимися на немъ оригинальными золотыми ларцемъ, скрывающимъ въ своихъ нѣдрахъ «брускъ священной лѣстницы», величайшую въ мірѣ реликвію.

Когда горавшіе нетерпѣніемъ

видѣть эту рѣдкость гости заканчивали луккуловскій обѣдъ, въ столовую вошли запоздавшіе гости: миссъ Бэтси, миссъ Принсъ и инспекторъ Бэкстеръ.

— Надѣюсь, вы не будете въ претензіи на меня за то, что я привезла съ собою монхъ добрыхъ друзей,—сказала миссъ Бэтси, обратясь къ хозяину дома,—позвольте представить вамъ баронета Смитфильда и его супругу.

— Очень радъ, очень радъ,—распаркался фабриканть, питавшій слабость къ всевозможнымъ титуламъ, и тутъ-же сталъ знакомить прибывшую чету со своими гостями. Очередь дошла и до лорда Варингтона, который, вѣжливо поклонившись узинаннымъ имъ Бэкстеру и миссъ Принсъ, какъ ни въ чёмъ ни бывало, продолжалъ прервавшое заседаніе—уничтоженіе только что сер-

вированнаго ему фазана.

— Онь не узналъ насъ,—шепнула миссъ Принсъ Бэкстеру.

— Вы застаете насъ въ очень возбужденномъ, приподнятомъ настроении,—сказалъ фабриканть минимому баронету,—нужно вамъ сказать, что я извѣстный въ Лондонѣ коллекціонеръ, имѣль возможность, благодаря любезному содѣйствію лорда Варингтона, приобрѣсти священный брускъ исторической лѣстницы св. Иакова.

— Простите,—переспросила, не повѣривъ собственнымъ ушамъ миссъ Принсъ,—но я, кажется, не чѣмъ поняла васъ... у васъ брускъ библейской лѣстницы?

— Да,—подтвердилъ фабриканть,—но въ виду того, что это не только рѣдкость, но рѣдкая, драгоцѣнная реликвія, я соорудилъ для нея своего рода кумирню, храмъ...

Миссъ Принсъ тутъ-же рѣшила, что гостепріимный хозяинъ просто на просто дурачится, тогда какъ плохъ и смутно помнившій исторію вѣткаго завѣта Бэкстеръ проникся вѣрой, что подобная реликвія не только можетъ существовать, но существуетъ и находится во владѣ-

ніи фабриканта Симсона. По окончаніи обѣда, гости, предшествуемы фабрикантомъ, гуськомъ двинулись къ «священной» комнатѣ и въ религіозномъ восторѣ окружили мраморный столъ, тогда какъ знаменитый профессоръ музыки заигралъ на гармоніумѣ соотвѣтствующій хораль.

— Вотъ, священный брускъ — провозгласилъ счастливый обладатель бруска, выпиленаго изъ лѣстницы Ренина,—смотрите! — при этомъ онъ откинула крышу драгоцѣннаго ларца.

— Что это? Шутка? — шепнула сыщика, наклонясь къ уху черной Бэтси.

— Ничего подобнаго,—отвѣтила таъ-же послѣдня,—моему возлюбленному этотъ брускъ обошелся по крайней мѣрѣ въ 25.000—30.000 фунтовъ стерлинговъ.

— Но это просто невѣроятно,—возвралила миссъ Принсъ.

Полюбовавшись брускомъ, все общество направилось въ другіе залы, где гостямъ были показаны другія цѣнности необыкновенной коллекціи мистера Симсона, между прочимъ и портсигаръ императора Нерона.

(Продолж. следующіе).

П
о
д
ъ

плащомъ сатаны

Современный романъ.

(Продолжение, см. № 4—100).

— Не знаете ли вы, не приобрѣтѣ ли этотъ портсигаръ отъ Ренина.

— Нѣтъ, его купилъ онъ отъ антикварія Варингтона... но мнѣ почему-то кажется, что старая лисица была подослана Рениномъ; они, вѣроятно, за одно.

— Простите! — воскликнула миссъ Принсъ,—но не могу не сказать, что возлюбленный вашъ — форменный умалиенный.

— Привѣтствуйте, какъ всѣ коллекціонеры, — пояснила черная Бэтси.

Одного взгляда Ренина въ открытое окно зала было достаточно, чтобы увидѣть блестящія пуговицы полицейскихъ мундировъ. Онь поспѣхъ для кого-то были разставлены.

Сохраняя все то же спокойное, невозмутимое выраженіе лица, она подошла къ Симсону.

— Окончательно убѣдившись въ томъ, что вы убѣжденный, страстный коллекціонеръ, я позволю себѣ показать вамъ рѣдкую драгоцѣнность, имѣющуюся у меня: я говорю о табакеркѣ Наполеона, такъ называемаго—великаго корсиканца. Табакерку эту у него нѣкогда отобралъ знаменитый англійскій генералъ Веллингтонъ.

— Well,—сказалъ фабриканть,—но такихъ табакерокъ насчитывается нѣсколько.

— Возможно,—подтвердилъ Ренинъ,—но въ той, что находится у меня, сохранился табакъ, имѣющій чудодѣйственную силу особенно освѣжающающе дѣйствовать на мозгъ. Говорятъ, что предъ каждымъ сраженіемъ Наполеонъ нюхалъ щепотку этого табаку, и неизмѣнно побѣжалъ.

— Чортъ возьми,—воскликнула фабриканть,—а вѣдь это интересно... нельзя ли испробовать дѣйствіе эта го необыкновеннаго табака?

— Ну, разумѣется,—отвѣтилъ Ренинъ,—вы сейчасъ изумитеся... табакъ этотъ имѣть чудодѣйственное свойство оживлять, такъ сказать, обновлять мозгъ человѣка, да впрочемъ —исprobуйте его дѣйствіе сами, господа,—проси покорѣйше!

— Мы никогда не нюхали табакъ! —стали отѣкѣваться дамы.

— Это ничего не значитъ; да къ тому-же это такъ просто; я вамъ насыплю табаку на ладонь, вотъ такъ; а вы хорошенъко втяните его въ носъ.

Миссъ Принсъ было запротестована, но обступившіе дамы заставили ее подчиниться общему рѣшенію... Она нехотя покорилась.

Перейдя затѣмъ къ мужчинамъ и угостивъ ихъ щепотками табака, онъ предложилъ всѣмъ разсѣтиться въ кресла, чтобы выждать дѣйствіе табака.

— Меня клонить ко сну, — прошептала миссъ Принсъ, и не одна миссъ Принсъ, но и всѣ присутствующіе мало-по-малу стали сначала зѣвать, а затѣмъ и задремали.

— Табакъ, смѣшанный съ морфиномъ, сдѣлалъ свое дѣло,—сказалъ Ренинъ, окинувъ взоръ єщевшее, словно по мановенію волшебнаго жезла, общество, — ранѣе чѣмъ черезъ четверть часа маленькая компания эта не проснется.

(Продолж. следующіе).

Бесплатная премія „СТАРГО НАРВСКАГО ЛИСТВА“.

швейная машина

выставлена въ витринѣ магаз. Компаниіи Энгель, Вышгородская, 21.
(первая окна отъ Ратушной за)

П
о
д
ъ

плащомъ сатаны

Современный романъ.

Не спѣша и не волниясь прошелъ онъ затѣмъ въ темносинюю комнату, вынуль изъ золотого ящика деревянный брускъ, который тутъ же принесъ въ заль и положилъ на колѣни сдавшей миссъ Принсъ.

Въ заключеніе онъ вынуль изъ кармана небольшой листъ бумаги и на немъ написалъ:

„Уважаемый инспекторъ!

Противъ васъ помѣщается давно искомая вами „черная Бэты“, явившаяся сюда подъ именемъ леди Мельвилль. Отъ души поздравляю васъ съ удачейся „Шерлокъ-Холмсъ-лай“, отдавшей въ ваши руки такую опасную преступницу.

Искренний привѣтъ отъ

Ренинъ*.

Прикрѣпивъ вышеприведенную записку къ борту фрака Бэкстера, онъ при помощи имѣвшейся у него коробочки съ гримомъ преобразился въ полицейскаго инспектора, дополнивъ сходство, снявъ съ послѣднаго прицѣленную бороду и парикъ.

— Куда вы, г. инспекторъ? — осведомился Клопъ, блутово улыб-

нувшись,—вы что же это? Спасаетесь?

— Я тотчасъ же вернусь, — отвѣтилъ Ренинъ, — а вы стерегите ихъ!

Спустя всего нѣсколько минутъ къ особняку мистера Симсона прічмалась добрая поль-дюжина автомобилей съ репортерами, тщетно пытавшимися пробраться въ домъ; державшій въ рукахъ карманные часы Клопъ былъ непреклоненъ.

— Ранѣе чмъ черезъ три минуты я, съ людьми моими, не смѣю переступить порога этого дома.

По прошествіи назначеннаго срока явившимся въ заль репортерамъ, Клопу и полицейскимъ представилась безконечно-комическая картина: тараща заспанные глаза, глядѣли гости на вошедшіхъ, а Клопъ, окруженный репортерами, читалъ записку, прикрѣпленную къ груди Бэкстера — и покатывался со смѣху.

— Я... я не... понимаю, что Вамъ угодно господѣ? — пролепеталъ совершенно ошалѣвшій фабрикантъ, — гдѣ же лордъ Варингтонъ? — присовокупилъ онъ.

Присутствовавшіе словно по командѣ переглянулись — лорда не бы-

ло. Онъ исчезъ.

— Напрасно ищете, — сказалъ Клопъ, — ибо лордъ Варингтонъ, приведшій васъ въ это состояніе, былъ никто иной, какъ знаменитый Ренинъ, котораго вы едва-ли когда-нибудь увидите!

Чтобы хоть чмъ-нибудь отвести душу, окончательно потерявшій голову Бэктъ бросился къ черной Бэты.

— Имѣнемъ закона арестую васъ! Ей на выручку явился фабрикантъ.

— Вы съ ума сошли! — завоцілъ мър Симсонъ, — какъ осмѣлились вы оскорбить мою возлюбленную? Она — леди.

— Какъ бы не такъ! Она — опасная авантюристка...

— Скажите, — перебилъ его одинъ репортеръ, — нельзя ли узнать, чмъ именемъ усыпить васъ Ренинъ.

— Онь даль намъ нюхательного табаку императора Наполеона I го.

— Ребята, — сказалъ репортеръ своимъ товарищамъ, — а знаете ли,

Ренинъ, дѣйствительно, неподражаемы! Какая находчивость! Какая изобрѣтательность!

— Позвольте... позвольте, — взбѣленился было мистеръ Симсонъ, — не станете же вы отрицать дѣйствительность того, что это былъ и на самомъ дѣлѣ табакъ Наполеона I-го?

— Нѣть, нѣть, голубчикъ, — поспѣшилъ онъ успоконить фабриканта, — съ вами я вообще не стану спорить, памятуя, — присовокупилъ онъ обращаясь къ товарищу, — какъ опасно противорѣчить умалишенымъ.

На слѣдующій день утренніе выпуски пестрѣли комическими деталями исторіи о папиросницѣ Нерона, табакѣ Наполеона и, какъ квінть-эссенція — о брускѣ изъ лѣстницы св. лакова.

Лондонъ покатывался со смѣху, а Ренинъ, геніальный лордъ, великий незнакомецъ, снова сталь ге-роемъ дня.

КОНЕЦЪ.

Роман «Под плащом Сатаны» был впервые опубликован в январе-сентябре 1926 г. в №№ 1 (45) – 36 (80), 38 (82) – 77 (121), 79 (123), 89 (133) – 99 (143), 101 (145), 103 (147) – 104 (148) газеты «Старый нарвский листок». Исходные сканы выполнены библиотекой Тартуского университета.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные
цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения
и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.